

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

*(Воспоминания ветеранов
дипломатической службы России)*

Том 29

МОСКВА
«Вест-Консалтинг»
2021

УДК 82-94
ББК 94.3
О11

Составитель и главный редактор А. Г. Чернов
Редактор-консультант Ю. А. Спириин
Редколлегия: В. И. Морозов (председатель Совета ветеранов МИД),
А. О. Семёнов (заместитель председателя)

О11 **О времени и о себе.** *Воспоминания ветеранов дипломатической службы России. Том 29* — М.: «Вест-Консалтинг», 2021. — 224 с., илл.

ISBN 978-5-91865-658-7

В очередном сборнике Совета ветеранов МИД России из цикла «Дипломаты вспоминают» помещены материалы о работе ответственных сотрудников Министерства в его центральном аппарате и за рубежом. В сборнике содержатся оценки различных событий международной жизни, участниками или свидетелями которых были сами авторы публикаций. В этом смысле книга представляет интерес для читателей, интересующихся историей внешней политики нашей страны, практическими действиями отечественных дипломатов по продвижению и защите ее национальных интересов и прав граждан. Впервые публикуются воспоминания о нестандартных и даже неожиданных случаях в работе дипломатов.

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

© Совет ветеранов МИД России, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Вечер памяти В. С. Лаврова (1919–2011 гг.) 7

ДИПЛОМАТЫ НА ФРОНТЕ

С. З. Смирнов

О моем участии в боях с Японией..... 44

О СДЕЛАННОМ И ПЕРЕЖИТОМ

В. И. Шабалин

Посол и иерархи. Филиппины 50

Посол и иерархи. Мьянма 78

Г. А. Ивашенцов

Из жизни посла. Часть первая 106

Из жизни посла. Часть вторая 126

О. Г. Пересыпкин

У последнего причала..... 159

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ БУДНИ

А. Г. Чернов

«Бизнес в Африке по-русски»..... 166

А. Е. Гладков

Возвращение Фёдора Тютчева в Баварию..... 178

Ю. К. Назаркин

Краткость — сестра таланта или дитя выучки?..... 188

МОМЕНТЫ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Н. Г. Фомин

О вкладе Е. М. Примакова в урегулирование
конфликтов на территории СНГ192

ПЕЧАЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ

О. Н. Хлестов

К 35-летию Чернобыльской аварии199

И ВСЕРЬЕЗ, И В ШУТКУ

В. Н. Казимиров

Не все стандартно в дипломатии.207

А. С. Зайцев

В Новую Зеландию «с черного хода».....219

От редакции

Уважаемый читатель!

Редакционная коллегия Совета ветеранов МИД России имеет честь и удовольствие вынести на Ваш суд очередной сборник из цикла «Дипломаты вспоминают». Сам цикл был задуман в далеком 1997 году как средство общения ветеранов и действующих сотрудников Министерства с коллегами и молодым поколением, только вступающим на стезю дипломатической жизни. Во всех ранее издававшихся сборниках (вышло уже 28 томов) их авторы щедро делились накопленным дипломатическим опытом, рассказывали о различных и зачастую весьма непростых аспектах международных событий, свидетелями или непосредственными участниками которых они становились. В сборниках были достойно представлены «деловые портреты» видных советских и российских дипломатов, не оставались без внимания и наиболее важные вехи жизненного пути наших коллег до их прихода в МИД. Главным критерием при отборе материалов для сборников всегда были познавательность, увлекательность и поучительность. Нынешний 29-й том полностью продолжает эти традиции.

В силу давно сложившейся практики редакционная коллегия стремится в максимальной степени сохранить стиль изложения авторами материала, манеру его подачи и его объем, а если и вносит какие-либо изменения, то в подавляющем большинстве случаев по причине нехватки места. При этом публикуемые воспоминания не обязательно отражают мнение редколлегии, авторы публикаций при описании тех или иных событий свободно излагают свои личные точки зрения, дают свои, пусть даже спорные, оценки. Главное в том, чтобы эти точки зрения и оценки были должным образом аргументированы, а уж соглашаться с ними или нет — решаете Вы.

Редакционная коллегия планирует и впредь продолжать выпуск сборников, которые, как показывает опыт, весьма востребованы в мидовской среде. В следующем томе могут быть опубликованы и Ваши воспоминания.

*Владимир Сергеевич Лавров
(1919–2011)*

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ

В. С. ЛАВРОВА (1919–2011 гг.)

По инициативе Совета ветеранов МИД России и при поддержке Ассоциации российских дипломатов 4 октября 2019 года в Министерстве прошел Вечер памяти видного советского дипломата, Чрезвычайного и Полномочного Посла, доктора исторических наук Владимира Сергеевича Лаврова в связи со столетием со дня его рождения. В № 10 за 2019 год о Вечере рассказала газета общественных организаций МИД «Наша Смоленка: люди и дела». Тогда же редакция пообещала опубликовать стенограмму того памятного мероприятия в очередном сборнике из цикла «Дипломаты вспоминают».

Ведущим Вечера выступил хорошо знавший Владимира Сергеевича Чрезвычайный и Полномочный Посол, президент Ассоциации российских дипломатов П. С. Акопов.

П. С. Акопов: Уважаемые коллеги, друзья, дорогие гости!

Уже стало доброй традицией проведение Советом ветеранов и Ассоциацией российских дипломатов встреч, посвященных памяти видных отечественных дипломатов. Сегодняшняя наша встреча посвящена памяти Владимира Сергеевича Лаврова. Он родился 4 октября 1919 года в Москве. Окончил Московский энергетический институт, где еще в студенческие годы проявились его незаурядные

способности изобретателя. В годы Великой Отечественной войны по направлению института работал в авиационной промышленности на московском заводе № 230, затем эвакуированном в Казань.

За успешную работу и обеспечение выпуска боевых самолетов Владимир Сергеевич был отмечен государственными наградами. В 1945 г. он поступил и в 1947 г. окончил Высшую дипломатическую школу Народного Комиссариата по иностранным делам СССР, и с тех пор — по июль 1987 г. сорок с лишним лет проработал в системе Министерства иностранных дел СССР, прошел путь от третьего секретаря до Чрезвычайного и Полномочного Посла. Занимал ответственные посты в Центральном аппарате Министерства. Был заведующим Второго Европейского отдела, членом Коллегии, начальником Управления кадров Министерства (1973–1977 гг.). Был Послом Советского Союза в Кении (1964–1967 гг.), в Нидерландах (1967–1973 гг.), в Швейцарии (1977–1983 гг.), в Турции (1983–1987 гг.).

В составе советских делегаций принимал участие в международных переговорах, совещаниях и встречах. На всех этих постах он твердо отстаивал интересы нашей страны. Его активная и умелая работа содействовала развитию отношений и укреплению сотрудничества нашей страны с этими государствами.

За заслуги на дипломатической работе награжден двумя орденами Трудового Красного знамени и орденом Дружбы народов, медалями и Почетной грамотой Президиума Верховного совета РСФСР. Надо сказать, что жизнь и деятельность Владимира Сергеевича были многогранны. Он был доктором исторических наук и активным общественником. Здесь присутствуют дочь Владимира Сергеевича — Татьяна Владимировна (кстати, она также доктор исторических наук), внук Александр Александрович, которые принимали активное участие в подготовке этой встречи. Присутствуют

знакомые, близкие и родные Владимира Сергеевича, его бывшие коллеги. Список желающих выступить достаточно обширный. И слово предоставляется записавшемуся одним из первых — советнику Белякову Борису Михайловичу, пожалуйста.

Б. М. Беляков: Сегодня мы собрались здесь, чтобы почтить светлую память видного дипломата, ученого Лаврова Владимира Сергеевича. Вся его служебно-трудовая деятельность ярко свидетельствует о нем как о личности необыкновенной, талантливой, и награды правительства и государства подтверждают это. Ему всегда поручали наиболее ответственные участки и направления работы. И сегодня, в преддверии 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне уместно вспомнить, что Владимир Сергеевич внес личный вклад в героический подвиг нашего народа в создании оружия Победы. Он, как уже отметил ведущий, выпускал боевые самолеты.

После перехода на дипломатическую работу Владимир Сергеевич не щадил своих сил и энергии для того, чтобы защищать интересы своей Родины, национальные интересы на международной арене. Одновременно со служебной деятельностью, он уделял большое внимание научной работе и стал доктором исторических наук. В середине 60-х годов, когда Владимир Сергеевич был первым Послом СССР в Кении, я, как стажер Института международных отношений, находился в соседней стране, в Уганде. Но в тот период мне не удалось с ним познакомиться, а в более поздний — это был период 1971–1974 гг., когда я был аспирантом Академии общественных наук при ЦК КПСС и готовил диссертацию по теме «Национально-освободительная борьба народов Восточной Африки за социально-экономический прогресс», и как раз в этот период состоялось наше очное знакомство, и Владимир Сергеевич оказал мне поддержку, за которую я ему очень признате-

лен и благодарен. С его помощью я подготовил диссертацию, защитил ее, а его книга о борьбе кенийского народа за независимость стала моей настольной книгой. И позднее, когда мне пришлось работать в Кадрах, те инновации, те сформулированные Владимиром Сергеевичем новые подходы к совершенствованию кадровой работы исключительно бережно сохранялись и развивались... Время не властно над нашей памятью, мы чтим сегодня наследие Владимира Сергеевича Лаврова.

П. С. Акопов: Следующим должен был выступить Пересыпкин Олег Герасимович, посол в отставке. Я хочу довести до вашего сведения, что Олег Герасимович в то время

*На встрече с первым Президентом Кении Джомо Кениатой
и вице-президентом Кении Огинга Одингой.
Найроби, 17 марта 1964 г.*

работал у Владимира Сергеевича в качестве начинающего дипломата в Йемене. Поскольку Олег Герасимович отсутствует на нашем Вечере по уважительной причине, я хотел бы в двух словах сказать, какую роль сыграл Владимир Сергеевич в то время, будучи временным поверенным в делах СССР в Йемене.

Тогда я, начинающий дипломат, работал в Каире, а Посол в Каире являлся по совместительству и Послом в Йемене. Посольство в Каире поддерживало постоянные контакты с нашей миссией в Санае. Период же пребывания Владимира Сергеевича в Йемене ознаменовался важнейшим событием того времени — при содействии Советского Союза был построен порт Ходейда. Это событие вошло в историю советско-арабских отношений и имело большое значение в дальнейшем укреплении экономики самого Йемена. И в этом немалая заслуга Владимира Сергеевича.

Что же касается выступления Олега Герасимовича Перешкина, то он прислал его в письменном виде. Вот оно...

«Судьба свела меня с Владимиром Сергеевичем в самом начале моего профессионального пути.

В 1956 году наследный принц Йеменского Мутаваккийского Королевства Мухаммед аль-Бадр, бывший министр иностранных дел этого арабского государства в Юго-Западной Аравии, посетил Москву, где подписал ряд документов. В Йемене появились советские военные специалисты, врачи, началось строительство глубоководного порта в районе Ходейда на берегу Красного моря. Для развития двусторонних отношений в Таизе, резиденции короля и имама секты зейдитов Ахмеда, была открыта Миссия СССР, которую возглавил В. С. Лавров в ранге советника-посланника.

В 1959 году я закончил МГИМО МИД СССР. В Миссии была вакантная должность референта-переводчика, на которую рекомендовали меня, и я был направлен в Таиз, куда и прибыл осенью 1959 года. На аэродроме в Таизе меня

встретили и доставили в трехэтажное здание Миссии СССР, которое мы арендовали у одной из жен имама Ахмеда.

Владимир Сергеевич и его супруга Валентина Феликсовна приняли меня любезно. Я был главным переводчиком арабского языка в стране, где единицы говорили по-английски. Поэтому я переводил и печатал официальные ноты, слушал местное радио и в качестве переводчика ходил с В. С. Лавровым во время его официальных визитов к местным деятелям.

Владимир Сергеевич терпеливо объяснил мне, как надо вести беседу, оформлять запись беседы. «Кратко обозначай что говорю я, главное — постарайся точно передать слова и оценки нашего собеседника», — говорил В. С. Лавров.

В Таизе и Йемене вообще не было публичных кинотеатров. Поэтому в советской Миссии ежемесячно устраивались для местной публики кинопросмотры. Эти мероприятия пользовались особой популярностью. Перед началом просмотра я перед публикой за 10 минут рассказывал содержание фильма, а затем садился во второй ряд за спиной главного гостя, которому по ходу фильма рассказывал о происходящих на экране событиях.

Приглашения на просмотр я развозил лично. Однажды В. С. Лавров сказал: «А Вы порасспросите своего собеседника, которому Вы привезли приглашение, разговорите его, и все, что он скажет, оформите как запись беседы». Так я установил контакты с рядом заметных политиков монархического Йемена, которые иногда откровенно делились со мной важными для нас сведениями.

В Таизе был гарнизон, где работали несколько наших военных специалистов. Однажды, 23 февраля, решили отметить День советской армии, на это мероприятие пригласили главу дипломатической Миссии. В. С. Лавров вызвал меня и сказал, что он не поедет, т.к. не знает арабского, а местные военные не говорят на английском языке,

поэтому он посылает на это мероприятие меня. «Вот Вы поезжайте и на хорошем арабском языке поприветствуйте наших друзей и пожелайте всего хорошего». Это сказанное мягко, но настойчиво я воспринял как указание и, приодевшись, отправился в казарму Таиза. Кроме наших военных там оказался начальник штаба таизского гарнизона танкист майор Али Абдалла Салех. Он был главным гостем и почти весь вечер я провел с ним.

Видимо, В. С. Лавров был очень проницательным человеком, ведь уже в 1980 году, когда меня назначили послом в Йеменскую Арабскую Республику, полковник Али Абдалла Салех был президентом. После вручения верительной грамоты мы долго вспоминали, как и где познакомились с ним в Таизе двадцать лет назад, и, что мы должны благодарить В. С. Лаврова, поскольку без его указания я бы не поехал на торжество по случаю Дня Советской армии 23 февраля 1960 года.

В Таизе отсутствовали какие-либо спортивные и культурные объекты. Заботясь о досуге сотрудников Миссии, В. С. Лавров решил сделать в посольстве площадку для большого тенниса. Закрепили два столба, растянули сетку, сделали ровную площадку. Но, оказалось, что играть было некому. В. С. Лавров был единственным из состава миссии, кто умел держать ракетку. Теннисный корт автоматически превратился в волейбольную площадку и стал местом повышенного внимания местной молодежи. Йеменцы подъезжали на автобусе, забирались на крышу и смотрели через забор, утыканный битым стеклом, на игру сотрудников посольства и их друзей.

Мне исполнилось 84 года, и я с большим вниманием перебираю в памяти факты и события моей дипломатической биографии. Из своих 46 лет в системе дипломатического ведомства нашей страны 13 лет я провел в Йемене. И В. С. Лавров был моим первым учителем, который

преподал мне первые уроки дипломатического искусства и дал возможность изучить Йемен, страну, которая считается «колыбелью» арабо-исламской цивилизации.

Чрезвычайный и Полномочный посол в отставке,
Заслуженный работник дипломатической службы РФ».

П. С. Акопов: Слово предоставляется советнику Пашедко Владимиру Александровичу.

В. А. Пашедко: Уважаемые коллеги!

Мне, к сожалению, не довелось долго работать под непосредственным руководством Владимира Сергеевича, я был на стажировке, на преддипломной практике в Нидерландах, когда он возглавлял там посольство. Но вот бывают встречи со знаком минус, другие просто проходные, а эта встреча для нас, двух практикантов из МГИМО, была крайне поучительной. Я себя считаю учеником Владимира Сергеевича. И вспоминаю его также неразрывно вместе с супругой Валентиной Феликсовной. Я хочу, со своей как бы «мозаичной» точки зрения, сказать, какой эта супружеская пара осталась в моем сердце навсегда. Несколько слов о Валентине Феликсовне. У меня сложилось такое впечатление, даже убеждение, что это «соратник с большой буквы» Владимира Сергеевича Лаврова. Без такого надежного тыла крайне тяжело нормально выполнять работу на таких должностях, которые занимал Владимир Сергеевич. Достаточно сказать, что перед окончанием командировки в Нидерланды местная газета «De Telegraaf», самая тиражная в Голландии, опубликовала целую доброжелательную страницу, посвященную супруге советского посла. При этом надо иметь в виду, что эта газета не закрывалась в период фашистской оккупации, а потом она всегда подхватывала все антисоветское «с ходу».

Так вот, о высокой культуре этой пары — опять же «мозаично». Когда я уезжал оттуда, то была одна только просьба со стороны супруги посла: «Зайдите к моей дочери и пусть

*Совет министров иностранных дел СССР, США,
Великобритании и Франции. Женева, 1955.*

*В первом ряду справа налево — министр иностранных
дел СССР В. М. Молотов, первый заместитель министра
и иностранных дел ССР А.А Громыко; во втором ряду крайний
слева — В. С. Лавров.*

она пришлет книгу воспоминаний о Шалапине». Книга была необходима для специального мероприятия, и этим занималась Валентина Феликсовна, такой был уровень!

Чтобы подчеркнуть внимание и доброе отношение четы Лавровых к людям скажу, что нас, двух студентов-практикантов, за скромную работу, которую мы выполняли там в течение полугода, супружеская чета премировала поездкой в Бельгию, в Брюссель. Посол, несмотря на свою занятость, двум студентам МГИМО уделял большое внимание. Это говорит о многом, а мне и моему коллеге это говорит обо

всем. Я весьма благодарен за возможность выступить здесь и сказать спасибо организаторам. Спасибо.

П. С. Акопов: Слово предоставляется послу Юрию Алексеевичу Спирину.

Ю. А. Спирин: С удовольствием сначала исполню просьбу своего коллеги, посла в отставке, озвучить следующее обращение к участникам этой мемориальной встречи. Оно направлено из Гвинеи Александром Вадимовичем Брегадзе, который выполняет там сейчас ответственную экономическую миссию. И вот это обращение:

«Владимир Сергеевич Лавров был человеком строгих правил в самом прямом смысле этого понятия. Прежде всего, он был глубоко порядочным, требовательным человеком, в первую очередь, к себе самому и членам своей семьи. Его работоспособность вызвала восхищение. Видимо, именно эти качества предопределили решение Андрея Андреевича Громыко принять его в секретариат.

Выйдя в отставку, Владимир Сергеевич продолжал исследовательскую деятельность. Долгие часы проводя в архивах и библиотеках, он написал много статей на разные темы, которые были ему близки как по духу, так и по роду его многоплановой карьеры. Ведь он работал на многих направлениях внешней политики СССР, которую проводил в жизнь убежденно, со знанием дела, ответственно.

В то же время Владимир Сергеевич был отзывчивым, готовым всегда прийти на помощь человеком. Он был хорошим семьянином, настоящим главой семьи, пользовался беспрекословным авторитетом. Люди ценили и уважали его. На него всегда можно было рассчитывать в трудную минуту. Владимир Сергеевич был очень интересным собеседником, обладая глубокими знаниями в различных областях, большим профессиональным и жизненным опытом. При этом он никогда не навязывал своего мнения, но твердо отстаивал свою точку зрения. Сказывалась методика, к которой он,

видимо, прибегал, защищая позицию своей страны с не менее профессиональными собеседниками на протяжении всей своей длительной дипломатической карьеры, особенно карьеры посла в Кении, Нидерландах, Швейцарии, Турции, не считая поста временного поверенного в делах СССР в Йемене в ранге посланника.

Когда я пришел к нему 8 марта 2011 года, чтобы попрощаться перед моим отъездом в Гвинею, он, будучи уже не в лучшей физической форме (сказывались годы), сказал мне на прощание: "Страна не самая легкая, но с большой и яркой историей, как собственной, так и в плане отношений с СССР, Россией. У тебя есть шанс внести личный достойный вклад в развитие российско-гвинейских отношений, проявить себя профессионально, ибо в любой стране нужно искать позитивные факторы, способные содействовать решению такой задачи". К сожалению, мы больше с ним не увиделись. Но его мудрые наставления всегда со мной».

Вот такое обращение, а я бы даже сказал «послание» поступило от Александра Вадимовича Брегадзе, который, могу сказать из собственного африканского опыта, завет Владимира Сергеевича сполна выполнил в Гвинее.

Лично я с Владимиром Сергеевичем встречался на общемидовских мероприятиях, на аттестационных комиссиях, когда он возглавлял Управление кадров. Много слышал о нем. Прежде всего от своего сокурсника Володи Воробьева, который работал с ним после окончания института, зная язык суахили, открывал вместе с Владимиром Сергеевичем посольство в Кении. Он рассказывал, что это был, как подтвердили предыдущие ораторы, очень хороший воспитатель, наставник.

Как уже говорил Погос Семёнович Акопов, Владимир Сергеевич пришел в МИД на излете Великой Отечественной войны. В 1947 году окончил Дипакадемию. Он пришел

*Пресс-конференция советника посольства СССР в США
В. С. Лаврова по итогам поездки по южным штатам.
29 октября 1957.*

на работу в МИД — это просто для справки — с такими известными людьми, как Анатолий Фёдорович Добрынин, Георгий Маркович Корниенко, Игорь Николаевич Земсков, Юрий Николаевич Черняков — это практически был единый призыв на работу в Министерство иностранных дел, иногда его называют также военный призыв.

У Владимира Сергеевича есть своя страничка в дипловаре последнего издания, страничка 131. На ней фигурируют два дипломата Лаврова. Действительно, сейчас мало кто помнит, что в 1955–1956 гг. на седьмом этаже МИДа было два Лавровых. Владимир Сергеевич был помощником у Андрея Андреевича Громыко — тогда первого заместителя министра иностранных дел, а Иван Михайлович Лавров был вместе с Добрыниным помощник министра Молотова.

Впоследствии оба они представляли нашу страну в Африке, один в Кении, а второй сначала в Мавритании, а потом в Заире.

Татьяна Владимировна Лаврова нашла в личных бумагах Владимира Сергеевича автобиографию. Это очень познавательный и любопытный документ. Многие ознакомились с ним. Коротко, почти техническим, точным языком изложен почти 40-летний путь дипломата, немалый путь, как здесь уже говорилось. При этом — скромно, убедительно, без самолюбования.

У Владимира Сергеевича в его послужном списке есть запись 1952–1953 гг. — первый секретарь посольства в Лондоне. Тем, кто не очень знаком с тогдашней обстановкой, напомним, что в 1952 году Андрей Андреевич Громыко решением руководства был с должности первого заместителя Министра иностранных дел направлен послом в Лондон. Это были не самые легкие месяцы в жизни нашего министра Андрея Андреевича. Был 1952 год, были «сталинские времена», и могло произойти всякое. И вот Владимир Сергеевич последовал за ним в Лондон в качестве помощника, первого секретаря. Это был поступок по тем временам. После смерти Сталина в 1953 году Андрей Андреевич Громыко почти немедленно был возвращен на пост первого заместителя Министра иностранных дел, а Владимир Сергеевич продолжал работать его помощником. Министром, как известно, в 1953 году вновь стал Молотов — до 1956 года.

Владимир Сергеевич в 60-е годы оказался в авангарде советской дипломатии. В числе других известных и перспективных дипломатов, работников МИДа, он был направлен первым нашим Послом в Кению. Это были годы обретения независимости колониальными странами и народами, чему в огромной степени способствовала наша страна. Тогда в Африку поехали такие известные

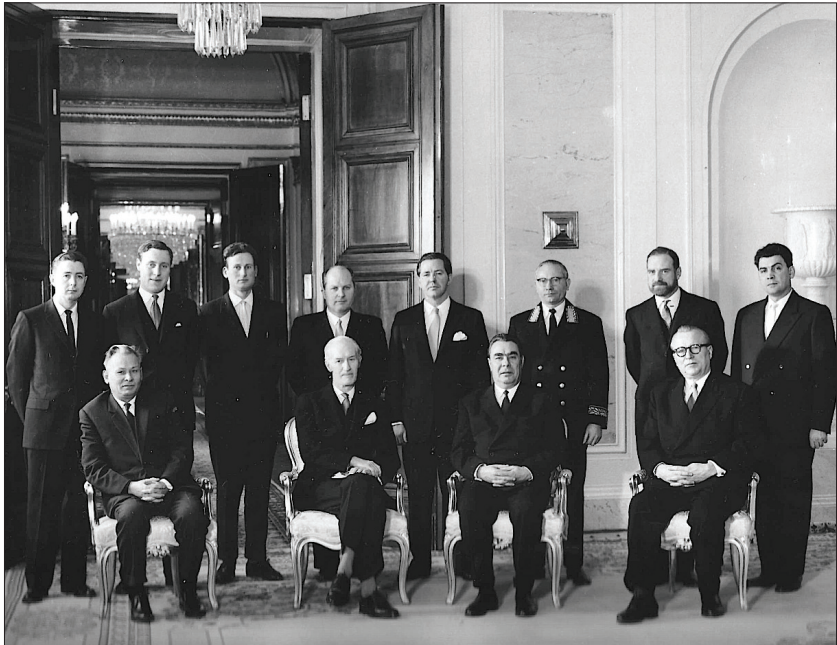
в последующие годы дипломаты, как Михаил Дмитриевич Сытенко в Гану, Иван Степанович Спицкий в Конго (Браззавиль), Алексей Семёнович Пасютин в Сомали, Валентин Петрович Вдовин в Чад, Павел Иванович Герасимов в Гвинею, Александр Иванович Лощаков в Мали, Владимир Иванович Ерофеев в Сенегал, Владимир Всеволодович Снегирёв в Камерун, Михаил Данилович Яковлев, а затем Сергей Сергеевич Немчина в Конго (Леопольдвиль). Вот имена замечательных дипломатов, которые вместе составили первый отряд, первую шеренгу и авангард советских послов в Африке южнее Сахары. И мы, дипломаты-африканисты, благодарны всем этим людям и, конечно, Владимиру Сергеевичу, что за время своей работы в этих странах они заложили крепкий фундамент наших отношений с Черным континентом...

П. С. Акопов: Слово предоставляется дочери Владимира Сергеевича — Татьяне Владимировне.

Т. В. Лаврова: Спасибо. Дорогие друзья, мне очень приятно видеть вас всех сегодня в этом зале. Владимир Сергеевич прожил долгую, очень интересную, насыщенную делами и событиями жизнь. Действительно он пришел в Министерство иностранных дел, окончив ВДШ, и был направлен на работу в секретариат заместителя Министра Андрея Андреевича Громыко. Я думаю, что эти годы непосредственной работы с Андреем Андреевичем в секретариате сформировали его как профессионала, как дипломата. Прежде всего, это отточило те природные данные, которые у него были: дисциплина, точность, ясность мысли и четкость формулировок, доскональное и скрупулезное изучение вопроса, подготовка любых материалов не просто к сроку, а на пять минут раньше срока — эти слова я помню, нас так учил Владимир Сергеевич.

Это во многом заложило те основные качества, которые потом очень пригодились Владимиру Сергеевичу в его

профессиональной деятельности. Он всегда очень много работал и, благодаря своему трудолюбию и высокой организованности, многое успел в жизни. Даже работая в Министерстве иностранных дел, он всегда, каждый день, приходя домой, садился к письменному столу и по полтора-два часа писал, и поэтому, несмотря на очень активную профессиональную работу в министерстве и посольствах, он также

Вручение верительных грамот в Кремле послом Австралии в СССР С. Джемисоном председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

Сидят (слева направо): начальник секретариата председателя Президиума Верховного Совета СССР К.У. Черненко, С. Джемисон, Л. И. Брежнев, заместитель министра иностранных дел СССР А. Я. Малик.

Стоит третий справа — заведующий 2 ЕО МИД СССР В. С. Лавров. Москва, 23 января 1963 г.

сумел в течение жизни защитить кандидатскую и докторскую диссертации.

В период своей работы начальником Управления кадров очень много было сделано и для Дипломатической академии, которая именно в эти годы из ВДШ стала академией. Не могу в этой связи не вспомнить Виктора Ивановича Попова, известного ректора Дипакадемии, который хорошо знал и любил и свою работу, и академию, и с которым у Владимира Сергеевича были очень теплые и дружеские отношения. Они были единомышленниками в том, чтобы придать дипломатической школе еще больший статус и дать ей еще больше возможностей в образовательной сфере.

Много было сделано и для Института международных отношений, ведь тогда впервые в институте была организована кафедра дипслужбы, которая ныне является кафедрой дипломатии, первым заведующим которой стал Владимир Сергеевич Лавров. Работая по субботам, потому что другого времени у него, естественно, не было, он работал по настоящему, разработал программу и регламент кафедры, вел дипломников, диссертационные работы. При кафедре была создана комната дипслужбы, экспонаты которой в дальнейшем дополнили экспозицию музея МГИМО.

Владимир Сергеевич был участником многих международных конференций и встреч, участвовал в подготовке многих международных договоров как двусторонних, так и на многосторонней основе, которые закладывали хорошую базу для дальнейшего развития отношений. Действительно, он был у истоков многих важных дел как внутри нашей страны, в Министерстве иностранных дел, так и по закладыванию или развитию взаимоотношений СССР с теми странами, в которых он был послом.

И мне приятно сказать, что на некоторых международных договорах стоит подпись Владимира Сергеевича Лаврова. Ему было доверено от советской стороны подписать

эти договоры, в частности, то, что вошло в историю под названием «Бернские протоколы» — это о жертвах агрессии и о мирных жертвах агрессии, что, к сожалению, и сейчас достаточно актуально.

Но прежде всего мне хотелось бы сказать о душевных качествах Владимира Сергеевича. Одним из главных является бережное отношение к людям. Я помню слова Владимира Сергеевича: «В жизни бывает разное. Люди могут попадать в самые трудные, самые тяжелые жизненные ситуации, но надо вести дело так, чтобы не сломать им жизнь, чтобы дать им шанс, ведь за каждым сотрудником стоит еще и семья». Я эти слова помню очень хорошо. Его забота и внимание к сослуживцам, к сотрудникам, выражалась еще и в том, что, будучи послом, он старался улучшить условия жизни, быта сотрудников: строились жилые дома, школы и клубы, что как люди опытные, сидящие здесь в зале, вы все прекрасно понимаете, является необходимым условием для хорошей работы сотрудников и полной отдачи, на что, собственно говоря, в том числе и были направлены эти усилия, и на что небезосновательно рассчитывал Владимир Сергеевич. Это очень важная сторона жизни всех людей и, конечно, дипломатов, оторванных от Родины.

Будучи человеком с нравственным стержнем и глубокой внутренней культуры, он никогда не позволял себе повышать на сотрудников голос. Я уже не говорю о том, чтобы унижать людей или нецензурно выражаться, никогда ни при каких обстоятельствах я не слышала от него ни одного бранного слова. Более того, всех сотрудников, даже самых молодых, даже стажеров, он всегда называл на «Вы» и всегда по имени-отчеству.

Он не любил сплетни, он их пресекал, не терпел досужих домыслов, называя это болтовней и пустой тратой времени.

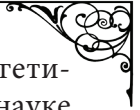

Для Владимира Сергеевича всегда очень важен был престиж государства. Он и Валентина Феликсовна знали, что по тому, как они себя ведут, как общаются, как проводят протокольные мероприятия, судят не только о них, а судят о стране и о людях нашей страны, поэтому всегда всем своим выступлениям, всем своим визитам, протокольным мероприятиям эта чета уделяла большое внимание. Они ничего не делали «спустя рукава», они ничего не делали «кое-как» или «вполсилы», они все контролировали и для них все было важно.

Не могу, конечно, в этой связи, не сказать и не уделить внимание самой Валентине Феликсовне Лавровой, которая, как здесь совершенно справедливо было сказано, была и его другом, и помощницей, и видела свое предназначение не только в том, чтобы создать крепкую семью, уют и тепло в доме, но и максимально освободить Владимира Сергеевича от мелких хозяйственных дел, а те, кто работал в посольстве, знают, что таких дел бывает очень много, и они отнимают немало времени у дипломатов. Конечно, эти дела не были связаны с необходимостью непосредственного присутствия или участия Владимира Сергеевича, все важные вопросы всегда обсуждались дома или с Владимиром Сергеевичем кулуарно и только после этого озвучивались Валентиной Феликсовной.

Это действительно сэкономило Владимиру Сергеевичу много времени для того, чтобы он мог полностью погрузиться непосредственно в политическую работу. И поэтому, отдавая отчет своим словам, я с полной уверенностью могу сказать, что Валентина Феликсовна была не просто женой посла, она работала женой посла, это некоторая разница.

Я также не могу не сказать, что это были очень интересные люди, которые хорошо разбирались в искусстве, живописи, знали литературу, и поскольку оба имели первое

техническое образование, закончив Московский энергетический институт, они также хорошо разбирались в науке и в технических вопросах. Поэтому круг их знакомств, как за рубежом, так и в нашей стране, был очень разнообразным и широким: это были и ученые, и деятели искусства, художники и писатели, не говоря уже о коллегах по Министерству, по политической работе. На этом я хотела бы немного остановиться, поскольку я считаю, что обязана назвать несколько имен.

Конечно, все руководители Министерства иностранных дел тогда, как, я уверена, и сейчас, знали друг друга, общались друг с другом не только в силу рабочей необходимости. Но вот несколько имен я действительно считаю нужным назвать, поскольку эти люди пронесли свою дружбу и теплые отношения через всю жизнь. Это, конечно, Семён Павлович и Татьяна Фёдоровна Козыревы, Степан Васильевич Червоненко и Людмила Сергеевна Чиколени, Николай Павлович Фирюбин, Олег Александрович и Татьяна Александровна Трояновские, которая еще сегодня мне звонила, но которая в силу возраста не смогла быть; это Михаил Степанович и присутствующая здесь Людмила Витольдовна Капица. И, конечно, друг еще со студенческих лет, потому что они познакомились, учась в ВДШ, — Анатолий Федорович Добрынин, Ирина Николаевна Добрынина, которые пронесли эту дружбу, как я могу сказать словами песни, «Через годы, через расстоянья». Конечно, не могу не назвать имени Анатолия Андреевича Громыко, директора Института Африки, и его супруги Валентины Олеговны, которых Владимир Сергеевич и Валентина Феликсовна хорошо знали. Есть и много других людей, я просто, к сожалению, не смогу назвать всех имен, с которыми родители поддерживали теплые отношения.

Если говорить еще о профессиональных качествах Владимира Сергеевича, то здесь, конечно, необходимо назвать

его целеустремленность, силу воли, его любовь к своей Родине и к профессии, которой он был предан до конца своих дней, потому что, даже будучи уже очень пожилым человеком, он продолжал работать. Он работал с лупой и писал статьи на те темы, которые его волновали и интересовали. А в 1990-е и 2000-е годы это в основном были вопросы дипломатии во время и накануне Второй мировой войны. Если бы меня попросили охарактеризовать Владимира Сергеевича в нескольких словах, наверное, я бы сказала так: патриот, созидатель, профессионал. Спасибо большое.

П. С. Акопов: Слово предоставляется послу Рациборинскому Николаю Леонидовичу.

Посол В. С. Лавров принимает известного нидерландского журналиста, автора книги «Русские в космосе» Питера Смолдерса. Посольство СССР в Гааге, 1973 г.

Н. Л. Рациборинский: Дорогая Татьяна Владимировна, Александр Александрович, уважаемые коллеги и друзья!

Ознакомившись с тем документом, о котором Юрий Алексеевич упомянул, автобиографией, нельзя не испытать ощущения, что речь идет об очень незаурядной личности, об истинном «профи», о человеке, который действительно целиком отдал себя профессии, службе, служению. По просьбе руководства Совета ветеранов и коллег, я хочу коснуться только одного сюжета, маленького аспекта из деятельности Владимира Сергеевича, поскольку мне самому довелось работать в том посольстве, которое создал Владимир Сергеевич в Найроби.

Мне очень комфортно об этом говорить, поскольку здесь присутствует один из наших послов в Кении — Валерий Евгеньевич Егошкин и еще один посол — Александр Михайлович Макаренко, который после семи лет службы там только что вернулся из Найроби...

Мне тоже довелось в том посольстве работать в качестве советника-посланника, заместителя постоянного представителя РФ при учреждениях ООН и Международных организаций в Найроби. Хочу сказать, что это дает мне возможность внести в этот Вечер такой нюанс. Владимир Сергеевич был первым послом в африканском государстве, только что получившем независимость, оформившемся как независимое государство, государство, которое занимает на континенте важные позиции (все-таки четвертая экономика в Африке), и это весомый «игрок» в региональных и международных делах. Нужно было быть действительно высоким мастером в профессии, чтобы координировать такую «закладку» отношений, придание этим отношениям такой тональности и настрой, чтобы они никогда эту тональность и настрой доброжелательности и взаимоуважения не меняли на протяжении десятилетий и десятилетий, несмотря на все перемены. Менялись президенты, правительство

в самой Кении, вы знаете, какие перемены пережила и наша страна, какие титанические изменения происходят сегодня на международной арене, но, насколько мне известно, — думаю, что коллеги-послы согласятся со мной, — эта тональность, этот характер отношений между Москвой и Найроби никогда не претерпевал изменений в какую-либо худшую сторону.

Мы должны сказать о Владимире Сергеевиче не только как о высоком профессионале, но и как о талантливом человеке, то есть профессия — это хорошо быть выученным, и это одно дело, но когда Богом к этому еще дан талант, а несомненно, судя по делам и свершениям, он этим талантом обладал, то речь идет уже об исключительной личности.

И вот еще о чем хотелось бы сказать — одно дело быть дипломатом, служить как дипломат, а другое дело — еще и быть организатором дипломатической службы. Когда я был еще совсем юный, начинающий, только-только первые шаги в карьере делал, знаете, что значит для молодого дипломата начальник Управления кадров Министерства иностранных дел? Это — Бог. Сегодня мы знаем, что его пребывание на этом посту тоже было незаурядным. Впервые в Министерстве иностранных дел эта служба получила свой документ — Положение, получила ориентиры, которые практически остаются незабываемыми по сегодняшний день.

Хочу завершить вот чем. Спасибо, действительно, Татьяне Владимировне, родственникам, спасибо руководству Совета ветеранов за то, что такого рода мероприятия проходят. Знаете, прошлое — это питательная почва для сегодняшнего и завтрашнего дня, и забывать нам о столпах, фигурах дипломатической службы России и Советского Союза, которые действительно продолжают питать сегодняшнюю дипломатию, очень сложную дипломатию, действующую

в очень сложных условиях, ни в коем случае нельзя. Спасибо за то, что эта преемственность, эта память поддерживается и сохраняется. Благодарю руководство Совета ветеранов. Спасибо всем.

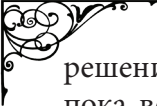
П. С. Акопов: Слово предоставляется послу Казиминову Владимиру Николаевичу.

В. Н. Казимиров: С Владимиром Сергеевичем мне пришлось быть в контакте только в один период его деятельности в нашем Министерстве, когда он был во главе Управления кадров.

Прежде всего, позвольте, Татьяна Владимировна, поздравить Вас с тем, что Вы приняли участие в подготовке этой встречи совместно с нашим Советом ветеранов, хотелось бы отметить и присутствие многих молодых дипломатов, если это каким-то образом связано с деятельностью Совета молодых дипломатов, то честь ему и хвала.

Что касается непосредственно работы «кадровиков», Вы знаете, это почти «проклятая» работа. Я понимаю, что это вызывающая формулировка, но лично меня когда-то ГКЧП в августе 1991 года «спас» от того, чтобы возглавлять Департамент кадров нашего Министерства. Все было вроде бы намечено, но события в городе и в стране повернулись так, что, конечно, потребовалась смена лиц, и кадровую эстафету пришлось принять В. Ф. Кеняйкину, многие из вас его помнят, он тогда стал руководителем Департамента кадров.

С Владимиром Сергеевичем мое общение было противоречивым, это и понятно в силу функции директора Кадров, конечно, он должен учитывать такое количество всяких обстоятельств, неприметных каждому человеку. Я понимаю, что у него есть Аппарат, что сотрудники Аппарата готовят ему какие-то предложения, подчеркивают какие-то плюсы, какие-то минусы данной кандидатуры, это верно, но конечное решение все-таки за ним остается, он принимает

решения. Хлопотать за продвижение такой-то «фигуры» или пока воздержаться и посмотреть, как будут дальше развиваться дела у этого человека.

С Владимиром Сергеевичем доводилось и спорить. Дело в том, что я оказался поначалу (при назначении в Коста-Рику) самым юным, самым «зеленым» послом, это в 1971 году, а потом в 1975 году меня «перебросили» оттуда в Венесуэлу, и в этот период наше общение с Владимиром Сергеевичем было непосредственным.

Я поехал «проститься» в Коста-Рику, знаете, как обычно на несколько недель, не более месяца, подготовиться к работе в новой стране и потом уже выезжать туда. Но, когда меня назначили послом в Венесуэлу, вдруг выясняется такое обстоятельство, что советником-посланником в Венесуэле работает уважаемый человек Борис Александрович Казанцев, он был лет на десять старше меня, являлся заместителем директора (тогда назывались не департаменты, а отделы) Латиноамериканского отдела, а я тогда был в этом отделе вторым секретарем, так сказать, на «дохлых» должностях работал... И теперь мне быть его начальником, сами понимаете, это и ему тяжело будет работать с таким начальником, и мне работать будет тяжело с таким подчиненным. К счастью, удалось эту проблему решить, как раз вакансия образовалась в Боливии, Бориса Александровича назначают послом в Боливию, и, таким образом, это место советника-посланника освобождается.

Но я возвращаюсь после проводов из Коста-Рики в Москву, а меня тут по-своему «радуют», говорят, что за время моего отсутствия Громыко дал согласие Пономарёву. Вы, наверное, прекрасно знаете, что у нас не все всегда было идеально во взаимоотношениях между Министерством иностранных дел и Международным отделом ЦК, я имею в виду Международный отдел ЦК, который возглавлял Борис Николаевич Пономарёв. Но выясняется такая деталь,

Посол СССР в Швейцарии В. С. Лавров беседует в ЦЕРН с сэром Джоном Адамсом (директором ЦЕРН в 1976–1981 гг.) после вручения ему диплома Иностранного члена Академии наук СССР. Женева, 18 апреля 1983 г.

что за это время Пономарёв предложил Андрею Андреевичу Громько направить советником-посланником в Каракас (Венесуэлу) Петра Николаева. Тоже человек старше меня лет на десять, если не больше, 19 лет проработал в центральном аппарате ЦК КПСС (в Международном отделе ЦК КПСС конкретно), то есть опыт огромный, партийный опыт, сама по себе репутация опытного работника партий-

ного аппарата тоже немало значит, и оказываюсь я примерно в таком же положении, как был бы с Борисом Александровичем Казанцевым, если такое решение состоялось бы.

Я, конечно, ошарашен этой новостью, ведь мне предстоит нелегкое испытание — работать со старшим товарищем не только по возрасту, но и по опыту работы, и я иду к Владимиру Сергеевичу Лаврову, к руководителю нашего Управления кадров. Владимир Сергеевич несколько «осадил» мою запальчивость, сказал, что сработаетесь, Николаев, дескать, понимает положение посла и будет это учитывать.

Конечно, я не был удовлетворен итогами этого разговора. Иду к Н. М. Пегову, который в то время был заместителем Министра иностранных дел по кадровым вопросам. Н. М. Пегов примерно в том же стиле, сочувствует мне, но считает, что сработаемся. «Да ты что, не понимаешь, что если Министр дал согласие Пономарёву, ты будешь влезать со своими контрпредложениями нелепыми, куда это годится, сам себя оконфузишь в глазах Министра и прочее», — Н. М. Пегов говорил. Тогда друзьям и приятелям я говорю, что мне ничего другого не остается, как поставить вопрос перед Громыко.

Конечно, я в разговоре с Андреем Андреевичем уже не столько использовал вот эти доводы — возраст и опыт работы советника-посланника и прежний опыт работы — сколько политическую аргументацию.

Дело в том, что в Венесуэле произошел раскол коммунистической партии, образовалась новая партия «Мир», целое крыло компартии стало самостоятельной партией, и, конечно, работник с 19-летним стажем, работник аппарата Международного отдела Центрального комитета партии будет выглядеть неоднозначно, может сложиться мнение, что он в Венесуэлу и направлен для того, чтобы навести порядок среди левых сил, чтобы утрясти взаимоотношения между компартией и организацией «Мир».

Андрей Андреевич выслушал меня, ни одного слова не высказал, а просто нажимает кнопку Пегова и говорит, насколько я помню: «Николай Михайлович, что касается советника-посланника в Венесуэле — надо подумать». Для меня «подумать» — это еще означало вовсе не отказ со стороны Министра, а, так сказать, «еще раз буду взвешивать». Но Пегов и Лавров, как опытные кадровики, гораздо лучше расшифровывали эту формулировку Министра, что значит «подумать». Я набрался наглости и предложил Министру другую кандидатуру, это был Всеволод Олеандров, который потом и работал в Венесуэле. Андрей Андреевич очень позитивно отозвался об Олеандрове, но не сказал, что дает добро на его назначение, просто высказался о нем позитивно, но не более того. Выхожу из кабинета Андрея Андреевича, иду по коридору седьмого этажа как раз в ту сторону, где кабинет Пегова находился, и вдруг навстречу идет Владимир Сергеевич Лавров, на мое приветствие «Здравствуйте, Владимир Сергеевич» ответ был, конечно, в иной стилистике. Но что делать, я его частично понимаю, потому что это кадровая работа, они же осознавали значимость договоренностей между Громыко и Пономарёвым. И он мне говорит: «Но если Вы отвели одну кандидатуру, Вы думаете, что мы дадим Вам согласие на Олеандрова?». И так оно и произошло. Ровно полгода не давали согласие на то, чтобы оформить Олеандрова, но через полгода он приехал, потом работал, потом его отозвали, и он стал потом заместителем заведующего Отдела международных организаций.

Я прошу извинения за такие подробности, но они показывают, какая «дьявольская работа» у кадровиков.

Превыше всего этого — слова благодарности Татьяне Владимировне за участие в подготовке этой встречи и спасибо огромное всем, кто нашел время для того, чтобы быть здесь с нами.

П. С. Акопов: Спасибо, Владимир Николаевич, иными словами — Вы, конечно, понимали позицию, но проводили свою... У меня список записавшихся исчерпан, но вижу, что есть еще желающие выступить. Пожалуйста, представьтесь!

В. В. Павлов: Благодарю. Павлов Владислав Валерьевич, заместитель директора Первого Европейского департамента. Здесь многое говорилось о судьбе, о карьере Владимира Сергеевича Лаврова и упоминалось, что он проработал также послом в Нидерландах, в этой достаточно сложной стране, которая была сложна для отношений с Советским Союзом, и в то время, когда Владимир Сергеевич возглавлял наше посольство, и остается сложным партнером и сейчас. И, конечно, наше посольство и Посол Российской Федерации в Нидерландах Шульгин Александр Васильевич не могли оставить без внимания это событие. Александр Васильевич прислал обращение к участникам этого памятного мероприятия, и с Вашего разрешения я его сейчас зачитаю.

«Дорогие коллеги, сегодня мы отмечаем знаменательную дату, сотую годовщину со дня рождения выдающегося советского дипломата Владимира Сергеевича Лаврова. Имя Владимира Сергеевича неразрывно связано с историей наших отношений с Нидерландами и нашего посольства, которым он руководил без малого шесть лет. Свои верительные грамоты Королеве Юлиане он вручил в июне 1967 года и приступил к работе в стране, которая на протяжении всей истории Советского Союза и современной России была и остается одной из самых непростых для выстраивания контактов. Глубокий отпечаток на наши отношения с Голландией навеки наложило убийство Николая II и царской семьи, которая была связана родственными узами с Голландским королевским домом. Этим объясняется то обстоятельство, что

дипломатические отношения между СССР и Нидерландами были установлены только в 1942 году. Голландцы были одними из последних в Европе, кто официально признал нашу страну.

Несмотря на то, что в годы Второй мировой войны мы были союзниками, после нее СССР и Нидерланды оказались в противостоящих друг другу политических и военных лагерях. Гаага стала соучредительницей ЕС и НАТО. Все послевоенное время являлась одним из самых верных партнеров США в Европе. В 1957 году она одной из первых на континенте дала добро на размещение ядерного оружия на европейской территории. А в первой половине 60-х годов, когда один из предшественников Владимира Сергеевича Лаврова Посол СССР Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко был объявлен "персонай нон грата" из-за драки с жандармами в аэропорту "Схипхол", наши дипотношения и вовсе оказались на грани разрыва.

Именно в такой непростой период приступил к своей работе в Гааге Владимир Сергеевич. Контакты сотрудников посольства с представителями страны пребывания искусственно ограничивались местными властями. А после теракта в Амстердаме напротив здания нашего торгпредства, совершенного в знак протеста против ввода в 1968 году советских войск в Чехословакию, наше диппредставительство и вовсе оказалось почти в военной изоляции.

В столь сложных условиях Владимир Сергеевич Лавров не только добился от голландской стороны извинений за взрыв здания нашего торгпредства, но и его полного восстановления, а также возведения за ее счет нового дома в качестве компенсации за нанесенный ущерб. Благодаря самоотверженным усилиям посла и руководимого им коллектива посольства в 1970-е годы советско-голландские отношения медленно, но верно "пошли на поправку".

*Официальный визит министра иностранных дел СССР
А. А. Громыко в Нидерланды.*

*Беседа в неформальной обстановке с премьер-министром
Нидерландов Барендом Виллемом Бисхёвелом в резиденции
премьера. Справа — посол СССР в Нидерландах В. С. Лавров.
Катсхёйс, 5–7 июля 1972 г.*

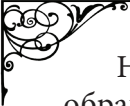
В 1972 году состоялся первый и единственный за всю историю визит в Нидерланды Министра иностранных дел СССР Андрея Андреевича Громыко. В его ходе был подписан ряд двусторонних соглашений с заложенной основой для подписания других документов — о сотрудничестве в экономической, промышленной, технической областях, о сотрудничестве в области научных исследований, по сельскому хозяйству, ветеринарной Конвенции и др. Некоторые из них действуют и сегодня, пройдя через смену эпох и многих поколений дипломатов, сотрудников нашего посольства в Гааге.

К сожалению, к концу 1970-х годов отношения с Нидерландами вновь ухудшились в силу известных причин: ввод советских войск в Афганистан, план размещения американского ядерного оружия средней дальности в Европе, права человека и другие причины. Но это произошло при последователях Владимира Сергеевича Лаврова и отнюдь не по их вине.

Имя же Владимира Сергеевича навсегда останется в нашей памяти как патриота своей Родины и талантливого дипломата, много сделавшего для внешней политики нашей страны и оставившего заметный след в истории взаимоотношений с Нидерландами».

Посещение министром иностранных дел СССР А. А. Громыко музея Делфтского фаянса при мануфактуре. Сопровождают директор музея (второй справа) и посол СССР в Нидерландах В. С. Лавров (третий справа). Делфт, 5–7 июля 1972 г.

На Вечере было также объявлено, что письменное обращение к его участникам поступило и от Посла России в Швейцарии и в Лихтенштейне по совместительству С. В. Гармони́на:

«4 октября 2019 г. мы отмечаем 100-летие со дня рождения выдающегося советского дипломата Владимира Сергеевича Лаврова. Без малого 40 лет он отдал служению стране на дипломатическом поприще. Придя в МИД СССР в 1947 г., В. С. Лавров прошел все ступени профессионального становления от рядового сотрудника до Чрезвычайного и Полномочного Посла. О высоком уровне его профессиональной подготовки и востребованности как специалиста говорит и то, что он за свою карьеру возглавлял два подразделения в Центральном аппарате нашего внешнеполитического ведомства — Второй Европейский отдел и Управление кадров, а также четыре загранучреждения — посольства Советского Союза в Кении, Нидерландах, Швейцарии и Турции. Отдельно стоит упомянуть, что В. С. Лаврову в начале своего профессионального пути посчастливилось работать под руководством легенды дипломатической службы Советского Союза А. А. Громыко: сначала в Великобритании (1952–1953 гг.), а затем и в Центральном аппарате (1953–1956 гг.), когда А. А. Громыко занимал еще пост первого заместителя Министра. Не удивительно, что эти оба выдающихся профессионала обладали схожими качествами, столь необходимыми в нашей работе — умение достигать поставленных целей, добиваясь вполне конкретных результатов, использовать сильные стороны своей страны и слабости оппонентов, видеть всю полноту проблемы и одновременно досконально разбираться в ее самых мелких деталях.

На годы работы В. С. Лаврова в системе МИД пришелся как пик "холодной войны", так и последовавшая за ним "оттепель". Новый расклад на мировой сцене оказывал

существенное влияние и на курс советской дипломатии, который достаточно резко менял свое направление и ставил перед нашими загранучреждениями абсолютно новые задачи. При этом знания В. С. Лаврова и широкий набор его профессиональных навыков были востребованы всегда и на любых участках — будь то в Азии, Африке или в Европе. Везде он показывал осязаемый результат своей работы, который способствовал укреплению позиций нашей страны на международной арене, зачастую вопреки отдельным внутренним турбулентным процессам, особенно проявившимся в конце 80-х годов прошлого века.

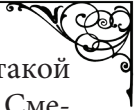
Если говорить о швейцарском этапе В. С. Лаврова, который пришелся на 1977–1983 гг., то в альпийской Конфедерации ему пришлось заниматься не только вопросами развития двусторонних отношений, но и весьма обширной международной повесткой, ориентированной на реализацию глобальных мирных инициатив того времени. Продиктовано это было, в первую очередь, сохраняющимся и по сей день статусом Швейцарии как международной диалоговой площадки для обсуждения самого широкого круга актуальных международных вопросов.

Так, в 1977 г. В. С. Лавров подписал в Берне по поручению Правительства Советского Союза Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., определяющий модальности защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Эти документы получили название "Бернских протоколов". Именно В. С. Лавров успешно провел переговоры со швейцарцами, итогом которых стало заключение Межправительственного соглашения о предоставлении дипломатического статуса и привилегий делегациям СССР на советско-американских переговорах в Женеве об ограничении ядерных вооружений в Европе (1981 г.) и Об ограничении и сокращении стратегических вооружений (1982 г.).

Наряду с успешным решением глобальных международных задач, ориентированных на упрочение мира и безопасности, а также на преодоление гуманитарных кризисов на планете, В. С. Лавров внес существенный вклад в расширение двусторонних связей между Советским Союзом и Швейцарией. С учетом того, что Швейцария всегда славилась своим промышленным и технологическим потенциалом, особое внимание уделялось углублению нашего двустороннего сотрудничества именно в этих областях. В 1978 г. в Берне было подписано Соглашение о развитии экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества, а в 1979 г. — согласована и заключена Долгосрочная программа по развитию взаимодействия на этих треках.

На приеме в Посольстве СССР в Турции. Слева направо: посол СССР в Турции В.С. Лавров, премьер-министр Турции Тургут Озал с супругой Семрой Озал, супруга посла СССР В. Ф. Лаврова.

Уже в те годы был создан и эффективно работал такой и поныне действующий механизм, как двусторонняя Смешанная межправительственная комиссия, которая отвечала за экономическое, промышленное и научно-техническое сотрудничество. В том числе, благодаря ему, в период с 1977 г. по 1982 г. удалось увеличить объем советско-швейцарской торговли в два с половиной раза — с 375 млн. до 964 млн. рублей. Именно В. С. Лавров инициировал также переговоры о заключении Соглашения об избежании двойного налогообложения, которое должно было придать новый импульс развитию экономических связей.

Предметом гордости нашей страны всегда было ее богатейшее культурное наследие. В. С. Лавров с успехом использовал интерес к нему со стороны швейцарцев для развития двусторонних культурно-гуманитарных связей. Так, предсказуемо широкий отклик в Конфедерации получила организованная тогда выставка русских и советских картин из Третьяковской галереи. Немалый интерес у швейцарцев вызывали и ежегодные "культурные" недели Советского Союза.

Будучи человеком неординарной работоспособности, В. С. Лаврову хватало энергии не только на эффективную служебную деятельность, но и на написание книг. Он является автором ряда монографий под псевдонимом Л. Владимиров, в число которых вошли "Маяк дружбы", "Кения: выбор пути" и "Рожденная в огне".

Заслуги В. С. Лаврова перед Родиной неоднократно были отмечены высокими государственными наградами. Он являлся дважды кавалером ордена Трудового Красного Знамени, кавалером орденов Дружбы народов и "Знак Почета".

Необычно богатая дипломатическая жизнь В. С. Лаврова и сегодня остается образцом исключительного служения своей Родине. Его имя заслуженно вписано в списки наиболее значимых дипломатов нашей страны».

П. С. Акопов: Уважаемые друзья!

Хотел бы в заключение подчеркнуть и поблагодарить выступавших и принявших участие в этой нашей встрече. Особую признательность хочу выразить Татьяне Владимировне и отметить большую работу, которую провел Юрий Алексеевич Спирин. Очевидно — я думаю, вы разделите мое мнение — что наша встреча удалась и, надеюсь, была полезной и, прежде всего, для молодежи, которая здесь присутствует.

Подводя итоги, хотел бы отметить, что Владимир Сергеевич Лавров относится к той замечательной плеяде отечественных дипломатов, которые до последней минуты своей жизни верой и правдой служили Отечеству, их имена навеки «золотыми буквами» вписаны в историю нашей страны.

Т. В. Лаврова: Если позволите, я хотела бы в заключение сказать несколько слов благодарности. Дипломатия и военное дело — это те области, в которых особенно важны традиции и преемственность, и поэтому само проведение таких вечеров, как мне кажется, очень важно для всех, кто присутствует в этом зале и для тех, кто хоть как-то связан с этими профессиями.

В этой связи я хочу, прежде всего, выразить благодарность руководству Министерства иностранных дел, Совету ветеранов за то, что такие вечера проводятся. Я глубоко признательна всем — Управлению делами, Департаменту кадров — всем, кто принимал участие в подготовке этого вечера и особенно той церемонии, которая сегодня утром прошла на Троекуровском кладбище. Мне, конечно, как дочери, это очень приятно, и я благодарю всех, кто утром, несмотря на дождь, был сегодня там.

Я благодарна и рада видеть здесь много сотрудников Министерства иностранных дел, директоров департаментов, заместителей директоров и, конечно, молодежь. Потому что, смею надеяться, они не только сегодня узнали что-то новое

для себя, но, может быть, что-то показалось им интересным и они смогут это взять себе на вооружение в дальнейшей жизни.

Хотела бы отдельно поблагодарить замечательных сотрудников Историко-документального департамента под руководством Бариновой Надежды Михайловны за интересную и содержательную выставку.

Я рада видеть и приветствовать здесь сотрудников Института международных отношений, Кафедры дипломатии, Дипломатической академии, и я благодарю руководство этих учреждений за их вклад в организацию Вечера памяти. Мой самый низкий поклон, конечно, вам, присутствующим здесь ветеранам дипломатической службы. Хочу сказать и о тех, кто в силу обстоятельств или по состоянию здоровья не смог присутствовать здесь сегодня, но они знают о Вечере, помнят Владимира Сергеевича, и мысленно они с нами в этот день.

Я благодарна президенту Ассоциации российских дипломатов Акопову Погосу Семёновичу за блестящее ведение Вечера. И, конечно, слова моей глубочайшей благодарности в адрес людей, которые очень много сил, своего времени и труда вложили в то, чтобы наш Вечер не просто состоялся, а чтобы он прошел так тепло, светло и достойно. Это председатель Совета ветеранов Морозов Валерий Иванович, Спирин Юрий Алексеевич, Чернов Александр Геннадиевич, Татьяна Александровна Карпова и Ольга Викторовна Егорченкова, которые работают в Совете ветеранов и которые за время подготовки Вечера стали мне близкими людьми. Огромное вам спасибо!

П. С. Акопов: Разрешите теперь окончательно завершить наш Вечер, поблагодарить еще раз всех присутствующих, спасибо. До следующих встреч!

ДИПЛОМАТЫ НА ФРОНТЕ

С.З. СМИРНОВ Советник

Родился в 1923 г. в Московской области. Окончил Военный институт иностранных языков Красной армии. Участник Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Кавалер Ордена Отечественной войны второй степени, медали «За Победу над Японией», ряда других боевых наград.

На службу в МИД был принят в 1953 г. Возглавлял сектор в 3-м Африканском отделе, работал на разных должностях в Монголии, Бирме, Китае, Таиланде, Афганистане, Замбии, с 1983-го по 1987 год являлся Временным поверенным в делах СССР в Королевстве Лесото. Почетный работник МИД.

Выйдя в отставку, активно трудился в ветеранской организации Министерства, в качестве члена Московского общественно-патриотического движения проводил школьные уроки мужества в районе, где постоянно проживал. Опубликовал несколько очерков в сборниках «Дипломаты вспоминают...» и в газете «Наша Смоленка: люди и дела». Предлагаемая вниманию читателей работа — последняя. С.З. Смирнов ушел из жизни в феврале 2021 г.

О МОЕМ УЧАСТИИ В БОЯХ С ЯПОНИЕЙ

...На следующий день после капитуляции Германии я, будучи курсантом Военного института иностранных языков, получил уведомление выехать на Дальний Восток. Сдав досрочно экзамены за третий курс, через семь дней, проведенных в плацкартном вагоне, я прибыл во Владивосток. А оттуда был командирован в штаб Пятой армии Первого Дальневосточного фронта, которая была переброшена сюда из Германии (она брала штурмом Кёнигсберг). Меня назначили переводчиком при штабе.

До начала наступательной операции я и шесть других работников занимались в основном изучением данных о противнике. Мне поручалось наносить на карту дислокацию японских частей и японских дотов вдоль границы. Нашей Пятой армии в Маньчжурии также противостояла Пятая армия японцев. Штабисты занимались планированием военных операций с учетом рельефа территории. Помимо этого я участвовал в допросах лазутчиков (как правило, ими были завербованные японцами местные китайцы). Допросы проходили ночью и сильно меня изматывали, тем более что днем надо было готовить отчеты о полученных результатах.

Допросы проходили так: автоматчик вводил в палатку лазутчика. Наш командир — майор — доставал из ящика уставленного там стола пистолет и клал его на стол. Из другого ящика извлекалась плетка, которая располагалась на столе рядом с пистолетом. Таким приемом майор рассчитывал

«расколоть» шпиона. Этот прием был взят из практики допросов немцев, и он был достаточно действенным на германском фронте. Но, как вскоре выяснилось, на китайских лазутчиков и на японцев он не действовал. Помню такой случай: китаец, которого мы допрашивали, попросился выйти на нужде, из палатки его вывели автоматчик и я. Вдруг пленный рванул вперед и бросился с обрыва головой прямо на камни. Быстро спустившись вниз, я подбежал к истекающему кровью лазутчику и в ответ на мои вопрос, зачем он решил покончить с собой, услышал уже произнесенную шпионом в палатке выученную легенду о том, что к японцам он лично никакого отношения не имеет.

Ценной информацией, полученной нами в результате допросов, были сведения о том, когда дежурившие в дотах солдаты отдыхают. Эти данные позволили в приказе главкома маршала Василевского точно назвать наиболее подходящее время для нашего наступления по всему фронту.

8 августа 1945 года в час ночи меня разбудил штабной капитан. Сказал коротко: «Подъем! Началось!». Но на дворе — ни огонька и очень тихо. Оказалось, что специально подготовленные штурмовые отряды под покровом ночи бесшумно переправились через Амур и с ходу захватили японские доты без единого выстрела. Так был открыт путь для наступления основных сил. В течение первых дней пятая армия продвинулась с боями на 200 километров. Но это было только начало.

12 августа мы участвовали в ожесточенном бое. Японцы жестко оборонялись. Наше командование посылало в бой все новые подразделения. Казалось, что снаряды рвутся прямо перед нами, а пули свистят над головой. На японцев особый страх наводили наши штурмовики, сбрасывающие на бреющем полете бомбы на врага и поливавшие его окопы из пулеметов. Но так как наши позиции были совсем рядом с японскими, то следовало оберегаться и нам самим. Мой

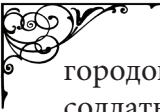
командир, однако, ничего не боялся. Он прошел всю войну с Германией и никогда не спешил в укрытие. А я, несмотря на приказ уйти, оставался. Не потому, что храбрый. А потому, что, скажу честно, ноги от страха деревенели, и я физически просто не мог сдвинуться с места, но все же продолжал стрелять...

Наша армия не смогла победить с ходу. Попытки обойти противника с флангов не были успешными, японцы не раз сами контратаковали, сдаваться не собирались. Победа была одержана только после того, как к операции подключились основные силы Первого Дальневосточного фронта.

В ходе наступления наших войск я также занимался переводом захваченных документов. Помню одну листовку, которую переводил. Адресована она была местному населению и призывала его вредить «красным агрессорам» всеми способами — в том числе, спаивать их женьшеневой водкой и заражать венерическими болезнями. Эти уловки, впрочем, противнику не помогли.

В течение всего времени я выезжал в расположение дивизий для передачи письменных и устных распоряжений начальника штаба. Времени на отдых зачастую не хватало. К тому же в домах, где приходилось ночевать, было полно мух, и они не только жужжали, но и больно кусались. Мухи и вечный «недосып» — это еще одно воспоминание о той войне.

После капитуляции Квантунской армии у меня и других переводчиков было особенно много работы. Мы выезжали в расположение японских частей, где участвовали в разоружении солдат, и в направлении места сбора военнопленных. Обычно такие поездки после официальной капитуляции проходили без происшествий. Японцам приказывали выстроиться и по очереди бросать оружие в указанное место. Но однажды произошла осечка. Наша группа — командир, автоматчик, шофер и я — прибыли в японский военный

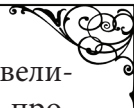

городок. По прибытии нас немедленно окружили японские солдаты с оружием в руках. Командовал ими полковник, который в ответ на наше требование построиться и сдать оружие, заявил, что нас сейчас перестреляют, тем более что ни о какой капитуляции здесь никто не слышал. При этом японцы взяли нас в кольцо и начали приготовления уже к нашему разоружению. Дело принимало опасный оборот. Ситуацию разрядило только подразделение войсковых разведчиков, случайно оказавшееся здесь...

Приходилось также неоднократно посещать лагеря военнопленных и готовить их к переброске в СССР. Однажды мы прибыли в один из таких лагерей, где произошло ЧП — сбежал японский солдат. По прибытии в лагерь приказали привести старшего по званию японского офицера. Наш командир жестко говорил с ним о необходимости поддерживать среди военнопленных должную дисциплину. Но чем больше горячился наш командир, тем все более широкой становилась улыбка на лице японца. Это окончательно взбесило нашего командира, и я видел, что он еле сдерживается, чтобы не «врезать» японцу по его физиономии, а — может даже — застрелить его на месте...

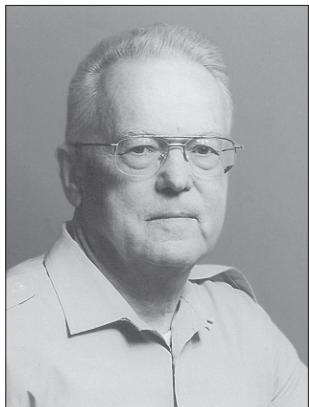
Только позже мы узнали о традиции японцев отвечать на жесткий выговор улыбкой и подобострастным поклоном. Ну, а мне была прочитана серьезная нотация о том, что я, хоть и недоучившийся студент восточного отделения института переводчиков, все-таки должен был знать кое-какие японские обычаи.

В качестве переводчика я участвовал также в описи и учете захваченного у японцев оружия и продовольствия. Оружие передавалось освободительной армии Китая, а продовольствие — главным образом консервы — поступало в наши войска. При этом важно отметить, что свежие продукты — мясо, овощи, кое-какие фрукты — мы закупали у китайцев на местные «оккупационные» юани.

Вспоминая то непростое время, я никогда не преувеличиваю свои заслуги, хотя и имею военные награды. Я просто честно выполнял порученное мне дело. После окончания войны Пятая армия была реорганизована, офицеры ее штаба получили новые назначения, некоторые демобилизовались, а мне разрешили выехать в Москву для продолжения учебы. После нее начиналась новая жизнь — с декабря 1953-го по июль 1987-го уже дипломатическая.

О СДЕЛАННОМ И ПЕРЕЖИТОМ

В. И. ШАБАЛИН
*Чрезвычайный
и Полномочный Посол*

Родился в 1931 г. в Кировской области.

Окончил экономический факультет Московского государственного университета по специальности «Экономика Китая», учился также в аспирантуре МГУ, стажировался в Пекинском и Народном университетах КНР, преподавал в Московском университете. Доктор экономических наук.

В МИД с 1961 г.

В течение нескольких десятилетий находился на дипломатической и политической работе, в том числе в Международном отделе ЦК КПСС, был послом в Республике Филиппины, в Союзе Мьянма (Бирма), заведующим Отделом межпарламентских связей Верховного Совета РФ. Являлся заместителем директора Института Дальнего Востока РАН. С 2000 года — главный научный сотрудник, руководитель научно-издательского отдела и член диссертационного совета по экономическим наукам Института. Награжден орденами Дружбы народов, «Знак Почета» (дважды), а также медалями.

Автор многочисленных книг и брошюр. Неоднократно печатался в сборниках «Дипломаты вспоминают...».

ПОСОЛ И ИЕРАРХИ

I

В конце 1985 г. было принято решение о направлении меня послом Советского Союза в Республику Филиппины. Государство являлось одним из мировых центров противостояния СССР и США, что рельефно проявлялось во взаимонацеленности военных баз: Камрань во Вьетнаме — Субикбей, Кларк-Филд на Филиппинах.

Большая страна, на пороге XXI века там проживало около 70 млн. человек. Очень католическая страна. 85% жителей — католики. Католицизм проник во все поры общества. Католической церкви принадлежали 17 университетов (в том числе крупнейший иезуитский «Атенео»), 170 колледжей, в них обучались более 80% студентов. 1000 средних школ, 130 больниц и поликлиник были в руках церкви. Важной особенностью католической церкви на островах являлось ее довольно активное участие в политической жизни страны, она выходила за рамки принципа «кесарево — кесарю, Богу — Богово».

Ранее я служил в посольстве в Пекине, прошел путь от атташе до первого секретаря. Все же это был взгляд на дипломатическую деятельность «снизу». Посол — это позиция «сверху». В известной мере представление о внешней политике «сверху» давал Международный отдел ЦК КПСС, где я проработал более 10 лет, занимался Китаем.

Начал готовиться к новой сфере деятельности — прежде всего в области политических и экономических отношений

с Филиппинами, а также культурных и иных двусторонних связей. Между делом перелистал пару книг о католицизме. Видный ученый И. В. Подберёзский ознакомил меня с рукописью своей книги «Католическая церковь на Филиппинах» (вышла в свет в 1988 г.). Во время консультаций в МИДе и других ведомствах никто не обратил моего внимания на роль церкви в стране.

Изучал поступающую в МИД информацию о положении на Филиппинах. Она говорила, что политические спазмы в стране становились все более острыми, сложными. Явно не хватало информации о планах и деятельности США. Хотя туман противоречий мешал оценить детали, но в целом вырисовывалась определенная картина. Системный кризис, насыщенный острыми социальными противоречиями и ранами, посыпаемыми солью пороков диктаторского режима тогдашнего президента Ф. Маркоса, привел к политической турбулентности. Резко активизировались антимаркосовская политическая оппозиция, враждебные Маркосу олигархические кланы, либеральные группировки. Зашевелились противники в армии. Обострились отношения с церковью. Церковный иерарх, глава католической церкви кардинал Хайме Лачика Син обвинил Маркоса в злоупотреблении властью. Росло недовольство обездоленных масс. Задумались и в Вашингтоне, наступил крайне опасный для Маркоса период американского маневрирования.

Чтобы переломить ситуацию и получить подтверждение своего господства — «получить мандат народа» — Ф. Маркос назначил досрочные выборы президента и вице-президента на 7 февраля 1986 г. Он выступал в блоке с бывшим мининдел престарелым А. Толентино. Разразился многоцветный пожар предвыборной борьбы, центром которой явилось противоборство Ф. Маркоса и К. Акино.

Ф. Маркос считал, что политический механизм и контролируемые СМИ поддержат его. В его руках был

административный ресурс, деньги, военно-полицейские силы и партийные структуры. Он рассчитывал на нейтралитет США и надеялся, что оппозиция, охваченная клановой борьбой и личными противоречиями, не сможет ему противостоять. На это надеялись и в нашем МИДе.

За главные роли в оппозиции боролись Сальвадор Лаурель — гладиатор на политической арене Филиппин и Корасон Акино — едва появившаяся из американского кокона «желтая бабочка» (символ ее сторонников — желтый цвет, отсюда — «цветная революция»). Враги-соратники претендовали на место кандидата в президенты.

Если С. Лаурель известный политик, то единственным политическим капиталом К. Акино был авторитет ее мужа Б. Акино, главным мотором политической карьеры — церковь и рука «дядюшки Сэма». Акино в течение 30 лет домохозяйка — так она и обозначила свою профессию в заявке на выдвижение своей кандидатуры в президенты. Хайме Син, имея в виду этот факт, провозгласил: «Да, нам нужна домохозяйка, чтобы навести порядок в доме!» Муж К. Акино был одним из наиболее видных лидеров оппозиции, сидел в тюрьме, затем выехал в США, под крылышко американцев. Когда вернулся на родину для участия в парламентских выборах, был убит людьми Маркоса прямо на трапе самолета. Драматическая смерть мужа превратила его вдову в «национальную святую», символ протеста против режима Ф. Маркоса. У могилы мужа Корасон поклялась продолжить дело Б. Акино.

Борьба между К. Акино и С. Лаурелем продолжалась до последнего часа. Вот как рассказывал об этом кардинал Х. Син: «Ко мне пришла Кори и сказала: I am going to run (слово «run» имеет ряд значений; одно из них — «бегать», другое — «выдвигать кандидатуру на выборах»). Х. Син использует игру слов.

Я спросил: — Ты будешь бегать вокруг парка Лунета?

— Нет, — ответила она, — я выдвину себя кандидатом в президенты.

— Хорошо, — я сказал, — если вы объединитесь, то победите. Победа женщины унизит Маркоса. Ты — как Жанна д'Арк. И благословил ее во имя Отца, Сына и святого Духа.

Пришел С. Лаурель:

— Я хочу выдвинуть свою кандидатуру в президенты.

Я сказал ему:

— Ты не очень привлекательный. Кори — симпатичнее. Вы должны объединиться, иначе проиграте.

— Хорошо, — ответил Лаурель. — Раз Вы так считаете, я буду вторым.

И слезы выступили на его глазах.

Я благословил и его».

Церковь сделала свое дело. И сделал это Хайме Син.

В Москве отдавали отчет, что на Филиппинах создавалась взрывоопасная, противоречивая и трудно предсказуемая обстановка. Естественно возникал вопрос, какую тактическую линию проводить.

В руководящих верхах и в аппарате ведомств вопрос сформулировали так: «На кого ставить?». Вопрос в политике традиционный, схватки в борьбе за власть частенько сравниваются с собачьими гонками и петушиными боями.

Серьезных политических, экономических или идеологических рычагов воздействия на ситуацию на Филиппинах у нас не было. Москва не имела тесных, тем более доверительных связей с представителями либерально-буржуазной оппозиции. Особенно неясными представлялись возможные шаги Вашингтона. Американцы «играли и на белых, и на черных клавишах».

На поставленный вопрос последовал ответ: «На Маркоса».

Не от большой проницательности, а потому что ситуация на Филиппинах казалась мне, новому человеку,

непонятной, запутанной, не говоря уже о том, что вручать верительные грамоты в разгар предвыборной гонки трудно, я предложил перенести время прибытия в Манилу на после-выборный период.

Ни международный отдел ЦК КПСС (секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарёв), ни отдел загранкадров (С.В. Червоненко), ни МИД СССР (М.С. Капица, который настаивал на вылете) со мной не согласились: «Надо выезжать, ставим на Маркоса». Оставался Шеварднадзе.

Это была ординарная беседа, какие министр проводил с вновь назначенными послами. В течение 7–10 минут я рассказал о своих оценках ситуации на Филиппинах, основных возможных действиях и заявил, что отъезд необходимо отложить до результатов выборов. «Белый лис», так его иногда звали и в МИДе, и в Грузии, казалось, задумался, но я услышал сакраментальную фразу: «Надо ехать, ставим на Ф. Маркоса. Обстановка непростая... Маркосы играют с нами, можно и нам поиграть».

Только советник посольства, временный поверенный в делах А. Лосюков предупреждал о возможных сложностях для нового посла в случае появления в Маниле непосредственно перед выборами. Он писал, что хотя у Ф. Маркоса «больше шансов сохранить власть», тем не менее «приезд до выборов будет не лучшим вариантом» и «было бы целесообразно приехать после выборов, когда ситуация прояснится». Я сообщил об этом Шеварднадзе и Капице, это не произвело на них никакого впечатления.

25 января я прибыл в Манилу. Вошел в самолет лютой зимой, вышел знойным летом в самое пекло обостряющейся буквально с каждым часом ожесточенной политической схватки. Наступали решающие дни перед выборами, назначенными на 7 февраля.

И почти целый месяц ждал, когда же будет назначен день вручения верительных грамот президенту.

То, что увидел в Маниле, вновь говорило о необходимости более гибкого подхода к выборам, чем однозначная ставка на Ф. Маркоса. Надо было следовать линии МИДа, что обязан делать посол, вместе с тем не упускать из вида допустимые варианты развития событий. Однако возможности «играть на белых и черных клавишах» не просматривались. Подходы к антимаркосовской оппозиции были фактически заблокированы установками Центра. Наивно было ждать информации от американцев, что подтвердили встречи с послом США Стивеном Босуортом. Хотя, как казалось, и Москва, и Вашингтон выступают в поддержку Ф. Маркоса.

Я реально ощутил, какими мощными рычагами воздействия обладали США на Филиппинах.

Филиппины чуть ли не 100 лет находились в подчинении США, около 50 лет — как колония и примерно столько же — как фактически «подвластная» территория, во всеохватывающей военной и культурной зависимости. Вашингтон накопил большой опыт взаимодействия с основными кланами элиты, использования различных форм и методов давления и компромиссов, контролировал систему каналов информации.

Перед выборами американцы слегка побряцали оружием: на военно-морскую базу США прибыли авианосцы «Мидуэй» и «Энтерпрайз», были переброшены 2 тыс. морских пехотинцев. Но Вашингтон не планировал военной интервенции, использовал наработанные рычаги «ненасильственного регулирования» ситуации.

Сколько бы ни соперничали консервативные и либеральные олигархические кланы, в конечном счете, и те, и другие кланялись США. Здесь все скопировано с американского образца: государственное устройство, нормы формальной демократии, военная система и т. д. Что мы могли противопоставить («поиграть») влиянию США? В ходе подготовки и проведения выборов Манилу заполнил поток высокопоставленных американских делегаций, откуда-то

появились тысячи американских «борцов за права человека и демократические свободы». Сотрудникам посольства СССР (полтора десятка дипломатов) не разрешали общаться с представителями властей и членами избирательных комиссий — только ТВ и газеты.

До вручения верительных грамот послу не рекомендуется наносить официальные визиты, кроме визита к дуайену дипломатического корпуса.

В Маниле такая встреча имела особое значение. Как и в других католических странах, главой дипкорпуса являлся здесь папский нунций — Б. Торпильяни, архиепископ, опытный дипломат, был послом в ряде стран. Он стоял на стороне Маркоса, но поддерживал тесные связи с другой стороной, с влиятельнейшим на Филиппинах кардиналом Хайме Сином. Это ли не шанс?

Верховный иерарх Хайме Лачика Син более 10 лет занимал пост главы католического духовенства страны, стал не только важной церковной фигурой Ватикана, но и политическим деятелем в высших сферах государственной жизни. Он проводил линию на «критическое сотрудничество» с властью и с США, хитроумно лавировал, умело воздействовал на элиту и массы. Политик в сутане. Или священник в политике.

Стал я вспоминать, что знаю про католицизм. Впервые столкнулся с этой темой много-много лет назад. Немало интересного рассказал мне о католицизме И. Р. Григулевич. Познакомился с ним на Всемирной ассамблее мира в Берлине, где мы работали в составе делегации СССР. Он был тоже дипломатом, посланником Коста-Рики при Ватикане и одновременно в Югославии. Иосиф Ромуальдович был одним из важных агентов советской разведки, Литва, Польша, Аргентина, Испания, Мексика — католические страны, где он работал; участвовал в подготовке диверсионных операций,

в том числе против Троцкого в Мексике, лидера троцкистов в Испании А. Нина. После возвращения в Москву и перехода в НИИ Академии наук стал членом-корреспондентом, опубликовал ряд монографий по католицизму. Подарил мне свои книги: «Инквизиция», «Папство — век XX».

Там же, на Ассамблее мира, несколько раз беседовал с доктором теологии из Канады Джеймсом Эндикоттом, членом Всемирного совета мира, лауреатом Международной сталинской премии. Он 25 лет был католическим миссионером в Китае.

По привычке записывал их любопытные высказывания о католицизме, но и представить не мог, что они понадобятся через десятки лет.

И вот я в офисе Бруно Торпильяни. Спокойная, формальная беседа. Общие фразы о выборах. Вручил нунцию изданную АПН на английском брошюру о религиозных конфессиях в СССР и красочный буклет о жизни католиков в Литве и Белоруссии. Он оживился. Я сказал, что посетил дюжину монастырей и десятки церквей в разных странах, что читал о роли церкви и о многоликой картине католических орденов на Филиппинах: иезуиты, доминиканцы и августинцы, францисканцы, Тевтонский орден, Опус Деи... Упомянул о беседах с Дж. Эндикоттом.

Интерес русского к религии, к католицизму, видимо, привлек внимание Б. Торпильяни, он отвечал на вопросы о деятельности некоторых католических орденов в стране, отметил, что наиболее влиятельны иезуиты, «хотя увлекаются политикой». Слышал он и об Эндикотте: «Популярный был священник, но больше политик».

Эта беседа приоткрыла калитку к тропинке, ведущей к сотрудничеству с католическим иерархом кардиналом Хайме Сином. Уже после прихода к власти К. Акино встречался я с пресс-секретарем президента Рене Сагисагом. Рассуждая о том, почему «недоразумение с вручением верительных грамот Ф. Маркосу было быстро урегулировано», он заметил,

что Торпильяни в позитивных тонах рассказал о встрече с советским послом кардиналу, а тот — К. Акино.

В Маниле наступала жара. Накалялась и политическая атмосфера. Подготовка к выборам и состоявшиеся 7 февраля выборы сопровождались откровенными запугиваниями, подкупом и даже убийствами избирателей, подменой бюллетеней, фальсификацией подсчета голосов и т. п. Обе стороны вели грязную игру.

По данным католического канала TV «Веритас», который сыграл важную роль в мобилизации населения, церковь выделила несколько тысяч священников и монашек для контроля за ходом выборов, но «победили» Маркос и Толентино. 15 февраля Национальная ассамблея (парламент) объявила и утвердила результаты голосования, провозгласила президентом Ф. Маркоса, вице-президентом А. Толентино. В этот же день епископы под руководством Хайме Сина в своем послании объявили, что «выборы были неслыханным мошенничеством».

А мне из секретариата президента сообщили, что вручение верительных грамот состоится 17 февраля, затем процедуру перенесли на 19 февраля. Соответственно, дважды проинформировал МИД. Никаких возражений, молчание. Знак согласия?

Это был переломный момент.

После выборов 7 февраля политическая борьба на Филиппинах стала ожесточеннее, ломая правовые рамки и приобретая силовые элементы. Еще до объявления итогов подсчета голосов К. Акино заявила, что не признает «сфальсифицированные результаты», призвала к гражданскому неповиновению, массовым «ненасильственным акциям протеста». Кардинал Х. Син призвал католиков выйти на улицы. Бывало, что в поддержку К. Акино на митинги и демонстрации под сенью церкви собиралось до 2 млн. человек в день.

В такой обстановке вручал Ф. Маркосу верительные грамоты.

По протоколу нового посла по прибытии во дворец Малаканьянг обычно сопровождали в приемную президента, где происходило вручение верительных грамот и краткая беседа. Перед входом во дворец выстраивали почетный президентский караул — десяток солдат.

На этот раз меня встречали генерал и два президентских отряда, человек по 20. Дипломатический концерт был разыгран в огромном зале приемов, в присутствии десятков официальных лиц, среди них присутствовали премьер-министр Ц. Вирата, и. о. министра иностранных дел П. Кастро, Имельда Маркос, представители СМИ. Телевидение, свет лампы. Ф. Маркос выглядел очень плохо, лицо в розовых пятнах, глаза слезятся, неуверенная поступь.

Я зачитал на английском свою официальную речь, в которой не было ничего о выборах. Ф. Маркос сделал официальное заявление на тагальском, в котором тоже не было ни слова о выборах. В ходе беседы в соответствии с поручением я передал «добрые пожелания» народу и руководству Филиппин от Горбачёва, Громыко и Шеварднадзе. Ф. Маркос пожелал мне успехов в работе. От себя лично в стиле дипломатической вежливости я также пожелал ему успехов как вновь избранному на высокий пост президента страны.

С формальной точки зрения все было в рамках дипломатических правил, в границах правового поля. Я прибыл в Манилу на основе полученного от правительства Филиппин агремана, вручил верительные грамоты законно действующему президенту, избранному на предшествующих выборах. Он сохранял свои прежние prerogatives до инаугурации. Его полномочия были подтверждены итогами новых выборов, объявленными официальной государственной Комиссией. Документ Комиссии утвердила Национальная ассамблея (парламент) при наличии кворума. Пар-

ламент провозгласил Ф. Маркоса президентом. Действовала признававшаяся обеими сторонами Конституция. Поэтому и не возникал вопрос о вторичном вручении верительных грамот новому президенту.

Однако политически — в свете последовавших «революционных» событий, силовых мер США и оппозиции, действовавших, можно сказать, «по-большевистски», — этот факт привел, пусть и к краткосрочному, спазму в советско-филиппинских отношениях.

В средствах информации (США, Западная Европа, некоторые государства Азии) прокатилась волна спекулятивных публикаций по поводу моего поздравления Ф. Маркоса. И стал я на миг известной личностью.

В основном меня критиковали, иногда грубо.

«Philippines Daily Express» писала: «Посол совершил промах. Он счастлив, что его не отозвали и не отправили в ГУ-ЛАГ». Журнал «Asiaweek» писал объективнее: «Столкнувшись с дипломатическим бойкотом, Маркос позвал В. Шабалина для долго откладывавшегося вручения верительных грамот, протокол требовал поздравления... Советский посол стал жертвой неудачных обстоятельств».

Долго откладывая дату вручения верительных грамот в условиях, когда почва уже уходит из-под ног, Ф. Маркос играл в «русскую рулетку», надеясь превратить рутинную процедуру в демарш, показывающий его политическую жизнь-неспособность. Но было поздно.

В эти кризисные дни на авансцену вышли главные силы: военные, церковь и США.

22 февраля по указке США министр обороны Х. Энриле и заместитель начальника генерального штаба Ф. Рамос подняли мятеж. Часть воинских подразделений окопалась рядом с Манилой в армейских лагерях Агинальдо и Краме, военные предъявили президенту ультиматум — отказаться от власти или армия выступит против Ф. Маркоса.

Маркос направил против восставших танковый батальон и бронемашину с солдатами. И вновь в бой вступил Х. Син. Он призвал окружить Агинальдо и Краме живым кольцом, в первых рядах которого поставить женщин, монашек. На призыв иерарха вышли сотни тысяч католиков. Монашки, молясь на четках и распевая церковные гимны, встали на колени перед бронетехникой. В итоге войны Маркоса перешли на сторону восставших. Хайме Син в ряде интервью гордо заявлял: «Это я вывел мой народ на улицы».

24 февраля лояльные К. Акино депутаты Национальной ассамблеи подписали «народную резолюцию» о провозглашении К. Акино и С. Лауреля победителями на выборах. Число подписантов «народной резолюции» составляло менее трети депутатов, она не имела юридической силы. Утверждения, что «победу на выборах одержала К. Акино», ничем не подтверждаются. Действия новой власти не укладывались в нормы законодательства и требования Конституции. Акино не выбрали, а поставили.

Да, это был переворот, упразднивший диктаторский прогнивший режим Ф. Маркоса, переворот, имеющий мало общего с демократическими методами. Переворот, который руками Вашингтона, армии и церкви привел на трон более либеральную группировку властителей.

Это урок не только для филиппинцев.

На следующий день после принятия «народной резолюции», 25 февраля, произошло небывалое в политической жизни событие: в один день состоялись две инаугурации двух претендентов на президентскую должность: К. Акино в Клубе Филиппин приносила присягу заместителю Верховного судьи К. Тиханки, а Ф. Маркос в Малаканьянге — Верховному судье Р. Акино.

После инаугурации Корасон Акино отправилась в президентский дворец, а интернированный американцами Ф. Маркос — в посольство США, затем на американском вертолете

на авиабазу Кларк-филд, далее на американском авиалайнере на военную базу США Гуам и в ссылку на Гавайи. Здесь он и умер.

Москва быстро подтвердила приоритет Вашингтона в отношении Филиппин и признала новую власть.

28 февраля я уже вручал и. о. министра иностранных дел Р. Гонсалесу поздравительное послание Президиума Верховного Совета СССР на имя К. Акино по случаю ее вступления в должность президента Республики Филиппины и передал устно С. Лаурелю поздравление в связи с его вступлением на пост вице-президента от заместителя председателя Президиума ВС СССР В. Кузнецова.

Однако это не развеяло возникший холодок в отношениях с Манилой. К. Акино в интервью американскому агентству на вопрос «Будут ли более тесные связи с Москвой?» ответила: «Я даже не думала о них, особенно после того, как Советы поздравили мистера Маркоса...»

Было очевидно, что послу, посольству предстоит чрезвычайная и экстренная работа. Следовало довести до руководящих деятелей Филиппин, среди которых появилось немало «возвращенцев» из США, в конечном счете до К. Акино, которая никогда не занималась отношениями с Советским Союзом, реальную позицию СССР, а также разъяснить ситуацию с вручением верительных грамот. Не вредно было и себя показать.

Два месяца, как говорится, «стоял на бровях». Протокольные визиты, деловые встречи, присутствие в театре, на концертах, на званых приемах, общественных мероприятиях и различных церемониях — стремился побывать везде. За март-апрель принял участие в 50–60 подобных мероприятиях. После вручения верительных грамот я был свободен в выборе официальных визитов.

Особое значение имели контакты с правительственными кругами и влиятельными деятелями. Насчитал два-три десятка бесед с руководителями правительственных органов, в их числе пресс-секретарь президента Р. Сагисаг, заместитель

министра иностранных дел Х. Инглес, министры: труда А. Санчес, по политическим вопросам А. Куэнко, здравоохранения А. Бенгсон, финансов Х. Онгпин, туризма Х. Гонсалес, образования и культуры Л. Кисумбинг и др. В беседе с Лурдес Кисумбинг отметил большую роль в образовании католических организаций. Она сказала, что большое внимание религиозному воспитанию учащихся уделяет кардинал Х. Син: «Вы, кажется, с ним знакомы?» — «Знакомство мимолетное, а многогранная деятельность Х. Сина вызывает глубокое уважение», — подчеркнул я в ответ.

Встретился с представителями бизнес-кругов: Д. Консунхи — президент ряда крупных строительных фирм, Х. Тенго — банкир, Р. Дельгадо — судоходные компании. В беседах излагал позицию Советского Союза в отношении Филиппин, высказывал предложения о развитии советско-филиппинских связей в конкретных областях. Практически обо всех встречах сообщалось в печати. Это создавало благоприятный фон, служило прелюдией к выравниванию политических отношений. Так я подбирался к президенту и, как оказалось, к кардиналу. Перелом наступил, когда заместителем министра иностранных дел назначили Летисию Рамос Шахани. Она была единственным зам. мининдел и в условиях, когда главы МИДа менялись часто, фактически руководила министерством. Шахани была высоко профессиональным международником, работала заместителем генерального секретаря ООН, впоследствии стала сенатором. Приходилась сестрой начальнику штаба вооруженных сил страны Ф. Рамосу (один из тех, кто привел К. Акино к власти) и подружкой президенту К. Акино. Это имело, пожалуй, решающее значение.

Беседы с Л. Шахани стали регулярными, она неоднократно бывала в нашем посольстве, я устроил небольшой прием для ее сына, у нас установились дружественные отношения — насколько это возможно между представителями государств, вращающихся на разных орбитах международной жизни.

Л. Шахани организовала встречу с вице-президентом, министром иностранных дел С. Лаурелем. Впоследствии с Сальвадором Лаурелем я встречался неоднократно.

Она же познакомила меня с кардиналом Хайме Сином. Это была краткая встреча «на ногах». После обычных вежливых фраз Х. Син вдруг сказал по-китайски: «Ранее я не встречал социалистического посла, интересующегося религией». Китайский для кардинала — родной язык. Х. Син — филиппинский китаец, 14-й ребенок в семье. Я ответил тоже по-китайски: «Это давний мой интерес, еще с Китая» — и это была правда.

И вот Шахани сообщила, что на 17 апреля намечен визит Посла СССР к Президенту Республики Филиппины. Шахани дала понять, что К. Акино консультировалась с Хайме Сином, который встречу одобрил и рекомендовал ее не откладывать.

Политически и психологически предстояла непростая встреча. Она могла превратиться в краткий — обычно 10–15 мин. — протокольный визит, обмен общими фразами и стала бы символом восстановления нормальных отношений между представителями двух государств. Однако хотелось придать беседе более раскованный и продуктивный характер. Кроме чисто политических подходов, следовало учесть и личные качества К. Акино.

Она была фанатичной католичкой. К. Акино обязала начинать заседания кабинета министров с общей молитвы, затем проповедь говорил один из министров. Бывало, она останавливала президентский кортеж перед храмом и, выходя из автомобиля, молилась. Религиозную тему решил все же не затрагивать, только упомянуть о Хайме Сине.

Не очень дальние предки Акино — китайцы. Когда на торжество по случаю ее президентства в Манилу прибыли 580 ее родственников из Китая, Тайваня, Сингапура, Таиланда и США, оказалось, что большинство из них китайцы или метисы с китайской кровью. В удобный момент стоило

сказать о том, что я 8 лет работал в Китае. Я об этом упомянул, но эмоций у президента не вызвал.

Наконец, К. Акино была беспредельно предана памяти мужа, ее политическое кредо, человеческие свойства, женские чувства были прочно связаны с образом Бенигно Акино. Не шанс ли это?

Запросил Москву срочно прислать любые материалы о Б. Акино и его визите в нашу страну. Ответа не получил. Направил сотрудника посольства в библиотеку Университета Филиппин — большой вуз, 60 тыс. учащихся, у меня были хорошие отношения с деканом одного из подразделений Университета доктором Е. Арселианой. Кое-что наскребли.

Я просмотрел справки, литературу, имевшиеся в посольстве обрывки. Б. Акино в 1969 г. посетил Москву, Ленинград, был очарован русским гостеприимством, «оно, писал Б. Акино, просто потрясающе». Между СССР и Филиппинами еще не было дипломатических отношений, Б. Акино выступал за их скорейшее установление, написал книгу «Путешествие по России», снял фильм «Алло, Москва»...

Я вновь в президентском дворце Малаканьянг.

К. Акино встретила внешне дружелюбно, с улыбкой. Поздравил президента с назначением на высший государственный пост, передал приветствия и пожелания успехов от руководства СССР, кратко изложил нашу позицию по вопросу развития советско-филиппинских отношений. Мы, как говорилось в официальном сообщении МИД Филиппин, «обсудили перспективы взаимного сотрудничества, двусторонних отношений и некоторые международные вопросы, представляющие интерес как для Филиппин, так и для Советского Союза». Обычная протокольная беседа.

Когда речь зашла о возможности развития связей между нашими государствами, напомнил К. Акино о взглядах ее мужа, его желании наладить хорошие отношения с СССР и изложил с подчеркнутой симпатией все, что о нем знал.

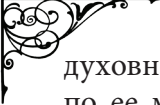
И Кори (так часто ее называли в газетах) расслабилась, продолжила тему, с сожалением заметила, что не может отыскать фильм мужа «Алло, Москва», выразила признательность за добрую память о Ниное (в СМИ ее мужа нередко называли Ниной).

Был затронут вопрос о праздновании 10-летия установления дипломатических отношений между СССР и Филиппинами (2 июня). Неожиданно пришли к согласию отметить эту годовщину обменом посланиями на высшем государственном уровне.

Едва вышел из Дома приемов Малакьянгского дворца, изумленные корреспонденты бросились с вопросами: о чем так необычно в течение 40 минут говорил посол СССР с президентом? Все газеты и TV опубликовали информацию и фото о встрече.

Спустя неделю Верховный судья Филиппин К. Тиханки — третье лицо в государстве после президента и вице-президента — пригласил меня с супругой на пикник в загородном поместье по случаю своего дня рождения. Я понял, что благоприятные волны от встречи с К. Акино прокатились по Маниле.

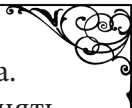
Два фактора содействовали относительно быстрой ликвидации спазма в наших отношениях. Первый, пожалуй, главный — «фактор Шахани» — активная работа с самыми трудными партнерами: МИД, министры, видные деятели, близкие к власти. Традиционный путь дипломатической деятельности по государственной линии. Второй, не предусмотренный директивами Москвы, — «фактор Хайме Сина». Моя позиция уважения религии и иерарха, о которой, конечно, информировали кардинала, опосредованные сигналы и замечания способствовали тому, что архиепископ-политик побудил К. Акино к встрече с послом. Х. Син имел огромное влияние на Корасон Акино, кардинала называли «каналом связи между президентом и Богом». Он был ее личным

духовником; в свое время отслужил заупокойную мессу по ее мужу Б. Акино, на которую собрал миллион прихожан; благословил ее баллотироваться в президенты; обеспечивал многомиллионную поддержку со стороны верующих; одобрил антиконституционные силовые методы свержения Маркоса. Это был «крепкий орешек»: он не внял предписаниям Ватикана не углубляться в политику и быть «нейтралом». По-своему образованный человек довольно широких взглядов — в дополнение к своей докторской степени имел 26 почетных докторских степеней.

После визита к Корасон Акино работать стало легче, легче договариваться о визитах, проводить посольские мероприятия, пресс-конференции, публиковаться в печати и т. п. Состоялись встречи с членами нового кабинета, бизнесменами, деятелями культуры. Жить и работать стало интереснее.

Советско-филиппинские отношения довольно быстро восстановились на прежнем невысоком уровне. Дело в том, что Филиппины были для Москвы трудным, неблагоприятным партнером. После получения независимости Филиппины 30 лет не шли на установление дипломатических отношений с СССР, а Ф. Маркос только через 10 лет после прихода к власти решился в 1976 г. сделать этот шаг. За этот срок мы ничего кардинального не смогли добиться. Игривый колорит нашим контактам придавала жена Ф. Маркоса Имельда — энергичная красавица, влиятельная политическая фигура на Филиппинах. Имельда 7 раз посетила Москву, встречалась с Громыко, Косыгиным, Демичевым, Тихоновым, Кузнецовым, Горбачёвым, Шеварднадзе, привозила с собой до сотни сопровождающих, устраивала пышные приемы, на официальных раутах пела и плясала, говорила лестные слова о дружбе двух стран, завораживала высокопоставленных старичков. И не только их. Однако декоративный танцевально-песенный занавес скрывал полупустую сцену.

После визита к К. Акино кое-что сдвинулось с места.

Прежде всего это касалось договоренности обменяться по случаю 10-й годовщины установления дипломатических отношений между нашими государствами посланиями на высшем уровне.

Юбилей приближался, я напомнил Москве о предложении. Ответ обескураживал: «Обмен посланиями на высшем уровне в связи с такой датой осуществляется только с братскими странами». Я направил нервную телеграмму по всем «верхам», еще раз обрисовал ситуацию. На этот раз ответили вежливо: «В порядке исключения...». Президиум Верховного Совета СССР направил президенту Филиппин К. Акино неформальное поздравительное послание. В свою очередь К. Акино направила послание председателю Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко аналогичного содержания.

Обмен такими посланиями — действительно впервые — повысил общественную значимость празднования, привлек внимание политических кругов Манилы.

Вскоре было объявлено о направлении послом в Советском Союзе А. Мельчора. До этого посла Филиппин не было в Москве 4 года. Алехандро Мельчор окончил военную академию в Багио и академию ВМС США, был заместителем министра обороны, исполнительным секретарем и советником Маркоса в ранге члена кабинета. Верно служил прежде президенту и после депортации Маркоса ожидал опалы. Вдруг такое назначение — и здесь решающую роль сыграла рекомендация Хайме Сина. Возможно, имело значение и то, что Алехандро и его жена Чарита были твердыми католиками, членами полузакрытого, подчиненного лично Папе Римскому ордена «Опус Деи» (Дело Божье).

Именно Мельчор по-настоящему свел меня с главой католической церкви Филиппин. Последовало приглашение «на домашний обед...» Главный гость — Хайме Син, был

также проректор католического (иезуиты) Университета «Атенео» и зам. мининдел — Летисия Рамос Шахани.

Беседовали в основном кардинал и зам. мининдел. Шахани говорила о возможностях демократического, либерального развития страны, а Син — о самостоятельности, независимости церкви (проректор по этому поводу прочитал лекцию) и повторил известный свой образ: «Если церковь сочетается браком с режимом, то в следующем поколении быть ей вдовой».

Меня не спрашивали о религиозных конфессиях в СССР, интересовались конкретными предложениями о развитии советско-филиппинских связей, которые я делал в беседах с официальными лицами Филиппин. Когда мы с кардиналом оказались вдвоем за столиком — «на десерт и коньяк», он сказал, что ознакомился «с красочной жизнью католиков в Литве» (возможно, он имел в виду буклет, который я вручил Б. Торпильяни) и хотел бы посетить католический храм в этой республике. Я ответил, что постараюсь сделать все, что зависит от посольства, чтобы желание кардинала осуществилось.

И начал «трамбовать» Москву. Добиться согласия было непросто. Дважды получал указания прекратить переговоры. Когда приехал в отпуск в Москву, то услышал такие комментарии: «Посол предлагает диверсию... Син — представитель самой реакционной религии». Конечно, риск был.

В конечном счете глава католической церкви Филиппин посетил Советский Союз уже после того, как я покинул Манилу. Вернувшись, он выступил за укрепление связей с СССР, отметил, что в нашей стране «существует свобода веры», почему и подвергся критике со стороны реакционных кардиналов.

В итоге мы выиграли.

Манилу посетил заместитель министра иностранных дел СССР М. С. Капица, чтобы установить контакты с новым президентом и администрацией и, как он написал в своих воспоминаниях, «рассеять некую неловкость» в связи с вручением верительных грамот Ф. Маркосу. Хотя после моих встреч с высшими руководителями Филиппин эта задача была решена, тем не менее, визит Капицы был полезным.

С Михаилом Степановичем у меня сложились дружественные деловые и личные отношения. Это был человек разносторонних способностей, видный дипломат, ученый, ставший впоследствии членом-корреспондентом АН СССР, директором Института востоковедения. Я рецензировал пару его книг, опубликовал статью о его монографии. Михаил Степанович написал добрый отзыв на мою докторскую диссертацию. Но были и дискуссии. Одна из них затрагивала вопрос о моем «досрочном» вылете в Манилу...

Едем с Михаилом Степановичем в Малаканьянг...

Когда вошли в кабинет президента, Капица вместо традиционного рукопожатия поцеловал в поклоне руку К. Акино, она была очарована. В ходе беседы Капица пригласил президента посетить Советский Союз с официальным визитом. Состоялись консультации с заместителем министра иностранных дел Л. Шахани и достигнута договоренность о продолжении с нею переговоров в Москве.

На общем собрании советских работников в Маниле Михаил Степанович в присущем ему эпатажном стиле заявил: «Если бы не деятельность посла, всех вас здесь уже не было бы!»

Дело, конечно, далеко не только в действиях посла. Вряд ли бы справился в относительно короткие сроки с возникшими проблемами, если бы рядом не трудились опытные дипломаты, знающие и ответственные соратники: А. Лосюков — кадровый дипломат, ранее он работал в Афганистане, США, после Манилы был послом в Новой Зеландии,

Австралии, Японии, генеральным секретарем МИДа и дважды — заместителем министра иностранных дел; советник В. Самойленко — автор ряда книг, впоследствии посол в Камбодже и Монголии; первый секретарь Б. Смирнов; торгпред В. Зверев; третий секретарь В. Сорокин — единственный дипломат, отлично знавший местный язык — пилипино-тагалог, другие товарищи. Наш крохотный коллектив — всего 16 дипломатов, включая представителей разных ведомств, — действовал слаженно. Искренне признателен всем им за дух доброжелательного сотрудничества.

Главное же заключалось в том, что за нашими спинами стояло могучее государство — Советский Союз. Как бы ни относились к социализму политики Филиппин, как бы не сдерживал их Вашингтон от сотрудничества с Москвой, они не могли не учитывать влияния СССР в глобальном и региональном аспектах, значения нашей страны для формирования внешней политики Манилы. Можно предположить, что и Хайме Син, человек широкого кругозора, руководствовался таким пониманием.

На фоне сложных, противоречивых процессов в стране мы продолжали тактику «малых шагов». Были подписаны рабочая программа сотрудничества между торгово-промышленными палатами обеих стран, а также двухгодичное соглашение о сотрудничестве в области спорта. Филиппины посетили группы ССОД и ученых, делегация Госкомитета СССР по экономическим связям. Делегацию принял С. Лаурель, министры.

Прошли переговоры о строительстве трех ТЭС общей мощностью 300 мегаватт и ЛЭП в провинции Исабела, о реконструкции кобальто-никелевого комбината в г. Ноннок и о создании фабрики по производству консервированных фруктов. Вместе с делегацией и министром Альваресом на хрупком самолетике долетели до провинции, там

на военных вертолетах с пулеметами и пушками («Район повышенной повстанческой активности», — объяснил эту декорацию министр) осматривали места возможных строек.

Л. Р. Шахани посетила с официальным визитом Москву. Состоялись переговоры с Шеварднадзе, консультации с Капицей, Шахани встретила с руководителями МВТ, ГКЭС, ССОД. МИД организовал хорошую ознакомительную программу (Кремль, Алмазный фонд и т. д.). Получилась плодотворная, интересная поездка. Был парафирован протокол о межмидовских консультациях. Шахани весьма позитивно оценила результаты поездки. Было опубликовано ее большое интервью.

Наконец, появилась информация о намеченном визите в СССР президента Филиппин К. Акино.

И тут началось...

Антисоветские круги Манилы испугались улучшения отношений с СССР. Вашингтон ударил во все колокола: «Русские идут! Берегитесь!» Реакционная и рептильная пресса Филиппин подхватила эти лозунги. Что только не писали газеты! Продолжалась эта вакханалия несколько месяцев. «Огневой вал против Советов превратился, — писала одна из газет, — в истерию и паранойю».

Мы отбивались. Я провел пресс-конференции в Маниле, в Багио, дал несколько интервью. МИД СССР в ноте посольству Филиппин в Москве выразил протест против антисоветской кампании в Маниле. Заместитель министра иностранных дел Ю. Воронцов отверг обвинения во вмешательстве во внутренние дела Филиппин.

Наши протесты и разъяснения все же влияли на общественное мнение. С. Лаурель выразил сомнение, «нужно ли ставить Посольство СССР в затруднительное положение». «Сообщения о советском вторжении, — заявил Ф. Рамос, — вздор, чепуха». К. Акино сказала мне, что недружественные по отношению к СССР публикации «не имеют ничего

общего с официальной позицией правительства Филиппин», это — «издержки демократии».

Отношения с Хайме Сином входили в рабочую колею, порою появлялись признаки взаимной симпатии.

Впервые в истории наших стран глава католической церкви посетил посольство СССР, впервые советский посол побывал в резиденции главы католической церкви страны. «Впервые красный посол в доме Сина», — сказал кардинал и расхохотался своей известной шутке (игра слов: *sin* — грех по-английски, Син — имя кардинала).

Имели для меня значение и помогали в информационной работе высказывания кардинала о ситуации на Филиппинах, когда он затрагивал ключевые проблемы режима К. Акино: власть и собственность.

Так, Х. Син однажды заметил, что антимаркосовский блок будет быстро разваливаться, и назвал 5 соперничающих группировок и их лидеров: это представители право-реакционных сил (министр обороны Х. Энриле), правоконсервативных сил (С. Лаурель), центристы, склонные к буржуазному либерализму (К. Акино), либеральные демократы (министр сельского хозяйства Э. Альварес) и близкие к социал-демократии деятели (А. Пиментель). Их разделяли не столько принципиальные позиции, сколько личные амбиции, борьба за власть и собственность, «сдобренная компромиссами и покрытая глазурью улыбок».

Прогноз сбылся, в течение полугода С. Лаурель лишился поста премьер-министра, были выведены из состава правительства министры обороны Х. Энриле, местного самоуправления А. Пиментель и др.

Тягостным явлением назвал Х. Син появление «нового кризиса».

На смену маркосовским друзьям (их называли «крони»), которые с благословения Ф. Маркоса баснословно

обогащались, пришли не менее хищные семейства: Айала-Собель, Лопесы, Сумулонги и т. п. Вокруг активов государственных компаний, намеченных к «распродаже» — кардинал сказал, что это 7 млрд. долл. — развернулась грязная война. К. Акино, рассказывал кардинал, «облагодетельствовал» своих родственников и родственников погибшего мужа, несколько десятков человек — братья и сестры, дяди и тети, их жены и мужья. Появился «кронизм» теперь уже новой власти. Через полгода Х. Син открыто заявил, что новая администрация «грешит коррупцией», осудил «новый кронизм» правительства.

Я не обольщался внешне хорошими отношениями с Хайме Сином.

Не ждал, что знакомство с ним приведет к сдвигам в советско-филиппинских отношениях. Иерарх не был нашим другом. Для него «Бог есть Бог», а наместник на земле — Вашингтон. Никогда не навязывал он религиозной дискуссии, но в его репликах, в особенности на обеде у А. Мельчора, явно звучала кичливая гордость за «развивающийся под знаменем экуменизма католицизм».

Но все же не стоит забывать, что некоторые его практические рекомендации были в русле наших политических интересов, что филиппинский иерарх был — при случае — каналом доведения точки зрения Москвы до руководства Филиппин. Публикации о контактах с ним содействовали более благоприятной атмосфере для посла. Позитивные высказывания кардинала облегчали деятельность посольства на общественной арене в этой очень католической стране.

Неожиданно пришла телеграмма из Москвы: «В Центральном Комитете рассматривается вопрос о Вашем назначении заместителем заведующего отделом ЦК КПСС по работе с заграничными кадрами и выездам за границу. Сообщите о Вашем отношении к этому предложению».

Телеграмма вызвала противоречивые чувства.

С одной стороны, самый тяжкий период деятельности в Маниле уже позади. Политико-дипломатический спазм преодолен, предстояла интересная работа в расчете на долгосрочную перспективу, на движение вперед пусть и «малыми шагами».

С другой стороны, предлагалась перспективная, не менее ответственная и интересная работа. Я должен был «куррировать» работу посольств в странах Азии и Африки. В те времена от подобных предложений обычно не отказывались. Я принял предложение.

Филиппинская печать ударилась в спекуляции по поводу моего отъезда из Манилы. Журнал «Фар истерн экономик ревью» в рубрике «Из кругов разведки» под заголовком «ЦК зовет» писал: «Посол Советского Союза на Филиппинах отозван для работы в Центральном Комитете Коммунистической партии Советского Союза. Новая работа Вадима Шабалина состоит в том, чтобы наблюдать за всеми кадрами КПСС, работающими за границей, — чувствительный пост в советской иерархии, равный посту заместителя министра. Это ставит посла непосредственно под начало его покровителя Анатолия Лукьянова. В Маниле отъезд прослужившего короткий срок посла вызвал поток спекуляций. Чиновники министерства иностранных дел Филиппин первоначально интерпретировали это как знак недовольства Советского Союза тем, что Манила пересмотрела свои взгляды относительно "нормализации" связей с Москвой и ее действиями в отношении Шабалина. Посол начал с плохой ноги и вручил свои верительные грамоты Фердинанду Маркосу за несколько часов перед тем, как бывший президент вылетел из страны».

Я показал в Москве заметку Анатолию Лукьянову. Мы знакомы были еще по комсомольской работе в МГУ. Он был секретарем ЦК КПСС и одновременно заведующим отделом

административных органов. Мы посмеялись. Позднее Анатолий Иванович стал председателем ВС СССР. Был арестован по делу ГКЧП...

Пришла пора прощальных визитов, торжественных обедов. Посетил всех высших руководителей страны, министров.

К. Акино преподнесла мне традиционный филиппинский подарок, я получил от нее доброжелательное послание.

Пространный адрес получил от Верховного судьи Филиппин Клаудио С. Тиханки.

«Пасторское послание» пришло от кардинала Х. Сина.

«Ваше превосходительство,

Прежде всего искренне благодарю за прекрасную книгу, которую Вы мне недавно прислали. Я с большим сожалением узнал, что Вы призваны завершить свое пребывание в качестве Советского Посла на Филиппинах. Было большим удовольствием и честью для меня встретиться с Вами и ощутить Вашу добрую дружбу. Примите, пожалуйста, мои сердечные наилучшие пожелания успешной и всегда плодотворной деятельности.

И чтобы все Ваши прекрасные мечты стали действительностью.

С самыми лучшими пожеланиями, остаюсь преданный Богу Хайме Л. кардинал Син, архиепископ Манилы».

Мы встретились с Х. Сином вновь в Москве на официальном приеме в его честь, устроенном митрополитом Филаретом. Син, озадачив присутствующих, вдруг пересек весь зал своими крупными шагами, подошел ко мне, чтобы на минуту-другую взять мои ладони в свои руки, и сказал по-китайски: «Я вновь встретил социалистического посла, интересующегося религией».

II

В 1990 г. я был назначен послом в Союзе Мьянма — в Бирму. Довольно крупное государство с населением более 50 млн. человек, по территории больше Германии, Италии, Франции. Своеобразная, очень буддистская страна.

Почти 90% населения исповедуют буддизм. Буддизм пронизывает культуру, мораль, идеологию, социальную сферу, во многом определяет внутреннюю политику. Это не просто традиции, вера и религия, а образ жизни и мышления. Буддизм используется государством для укрепления национального самосознания, патриотизма, обеспечения единства страны, служит внешней политике, особенно развитию связей с Таиландом, Лаосом, Камбоджей, Шри-Ланкой.

Религиозной спецификой здесь является также обилие монастырей, необычайно высокая общественная роль монашества. В стране более 300 тыс. постоянных монахов. Монах — почитаемый человек, на нем отблеск Будды. Обеспечивают они свое влияние не только числом, а умением, многовековыми глубоко укоренившимися традициями. В стране примерно 50 тыс. монастырей (в Царской России, где население было в 2,5 раза больше, чем в Бирме, и где православие усердно внедрялось, было «всего» 1800 монастырей). Насчитывают также 400 крупных, базовых медитационных центров. Служат они не только постоянным монахам, но и временным, ибо посвящение во временные монахи может принять здесь любой человек, в любом возрасте и в любое время. В результате — хочу подчеркнуть — большинство бирманцев проходят школу монашества — это часть духовного воспитания и религиозного образования большинства населения.

Наконец, поражает обилие священных церковных построек — пагод и ступ. Едешь по стране и видишь: хижинки по обеим сторонам дороги — и пагоды; долины, рисовые чеки — и пагоды; холмы, огромные деревья — и пагоды; горы, море, лес — и пагоды. В деревнях в хижинах из бамбука

и тростника буквально нет ничего — циновки, на которых спят и едят, да площадки для риса. Но в каждой хижине, пусть и убогий «алтарь»: фигурка Будды, цветы, иногда свеча...

Бирму называют страной миллиона пагод, но пагод и ступ, по статистике, больше 2,5 млн., т. е. по одной на каждые 25 человек, включая младенцев. Это страна многих миллионов изображений Будды. Будда размышляющий (сидящий), Будда проповедующий (стоящий), Будда уходящий в нирвану (лежащий на боку). Почти все из прошлых веков. Многие миллионы росписей божеств буддистского пантеона. Это обилие превращается в однообразие, вдавливая бирманца в подчиненные ритуалы. Только в одном храме города Монива 500 тыс. таких изображений. В Пегу — городе, построенном при жизни Будды, находятся самая высокая пагода — Швемодо, где, по легенде, хранятся два священных волоса Будды, и самая большая в мире фигура лежащего Будды, созданная более тысячи лет назад.

За время, в течение которого я готовился к работе в Мьянме, прочел литературу о стране, ряд справок, встречался с представителями различных ведомств, с людьми, которые долго работали и жили в Бирме, — получил, вроде бы, всестороннее представление о стране, но первый живой взгляд на столицу и провинцию ошеломил.

Возникало тревожное ощущение, что погружаюсь в какой-то неизведанный необычный мир. И дело не только в буддистской специфике. Особенно — на примере Мьянмы — бросилось в глаза, что страны живут в различном историческом времени, и не потому, что различаются их календари. Время выбирает их по каким-то неведомым признакам. В год моего приезда — 1990 г. — буддисты отмечали 2543 год с момента просветления Будды, мьянманцы — 1361 год со дня воцарения чтимой королевской династии. Не живут ли они остаточной энергией и истончившимся духом тех эпох? Время то ли обогнуло Бирму, то ли завязло в особенностях

страны и бирманского менталитета и мелькание десятилетий в других странах растянулось здесь на века.

Мьянма — тропическая красавица, но за роскошью природных условий, богатых потенциально возможностей для развития страны — нищета и убогость. Клубок противоречий привел страну на грань банкротства, вызвал всесторонний кризис. Бурные события 1988 г. смели существовавший с 1962 г. политический режим во главе с генералом Не Винном. Кровопролитные стычки, баррикады, жестокие убийства, массовые демонстрации, хаос охватили города. В течение двух месяцев пало три правительства. И армия открыла огонь. Сотни демонстрантов были убиты, тысячи арестованы. Власть взяла армия. Это был первый переворот.

Генералы обещали провести выборы. В 1990 г. — как раз накануне моего приезда — выборы в Национальное собрание (парламент) состоялись. Это был удар по военному режиму: 80% депутатских мест получила оппозиция. Военные быстро оправались от шока, «обезглавили» оппозицию, 2 тыс. оппозиционеров и основную часть депутатов посадили в тюрьму. Распустили высшие органы управления и вновь подтвердили свою власть. Это был второй переворот.

Карательные действия армейской верхушки вызвали в мире волну призывов наказать бирманских генералов и бойкотировать Мьянму.

Словом, я оказался в стране, переживающей политический кризис, в беспокойной и противоречивой ситуации. Оказался в стране застоя, изоляционизма, международного бойкота, бедности, архаичного традиционализма, с сильным влиянием религиозного сознания.

На все это накладывался зловещий отблеск воинского штыка. Действовали законы военного времени. Вооруженные патрули имели право стрелять на поражение без предупреждения. Кольца колючей проволоки украшали ландшафт. Комендантский час, как шутили дипломаты, сократили

по случаю моего приезда на 1 час, он действовал теперь с 11 ночи до 4 часов утра. Верительные грамоты вручал председателю Государственного совета по восстановлению законности и порядка — орган неконституционный — старшему генералу Со Маунгу не в резиденции президента, не в МИДе, а в здании Министерства обороны.

В ходе протокольной беседы с председателем Госсовета после вручения верительных грамот обоюдно выразили стремление развивать связи между нашими государствами. Я сказал о своем желании основательнее познакомиться с буддизмом. Со Маунг на это не реагировал...

Здесь надо кое-что пояснить. Получил я первое представление о буддизме во время работы в Китае. Мне тогда казалось, что буддизм и есть китайская религия. Но это не так. Наиболее характерной чертой религиозной атмосферы в Китае является синкретизм — смешение, сочетание разнородных религиозных и культовых систем, но без слияния их в единую неделимую и единственную одноцветную монолитность. Это многоцветный коктейль конфуцианства, даосизма и буддизма. При этом командная роль принадлежит конфуцианству — вовсе не религии от Бога, а рациональному учению земного человека Конфуция, где нет ни Бога, ни души, ни церкви, в центре учения — связи соподчинения человека и власти. Даосизм — традиционно китайская, «домашняя» религия, а буддизм — пришелец из Индии. Они сильно переплелись, китаизировались. Хотя и там, и тут есть элементы божественного, но все же Дао — не бог, тем более Будда — не Бог.

Во время пребывания в КНР я посещал конфуцианские святилища, даосские, буддистские храмы и монастыри, беседовал с монахами. Монахи гадали, читали молитвы, рассказывали о гороскопе. Буддизм в Китае нашел спрос в народной религии. В КНР насчитывают около 100 млн. последователей

буддизма, 20 тыс. храмов и 200 тыс. монахов. Но «чистые» представления о буддизме складывались с трудом. В Китае все переделано, китаизировано. К тому же во многих храмах за многие века сложился синкретический пантеон, «перекрестное опыление» разных религиозных направлений (кроме ислама и христианства), толерантное сожителство фигур разных богов и уродливых картин — икон.

Чтобы приблизиться к пониманию философии буддизма, я стал просматривать книги. Прочел «Основы буддизма» Елены Рерих, «Введение в буддизм» Евгения Торчинова, «Буддизм: энциклопедия» и др. Книг по буддизму — тьма.

Создавался какой-то книжный образ буддизма, вероятнее всего — упрощенный. Я этот «образ» описал, составил «Тезисы» и взял пожелтевшие листочки в Мьянму. Как же они мне пригодились!

Я не дипломированный специалист в области религий, возможно, блуждаю в потемках. Не просто излагать доктрины буддизма хотя бы и в адаптированном виде. Меня привлекают, заставляют задуматься отдельные постулаты этого учения — религии. Я их и записал в Китае. Об этих отдельных моментах говорил в Мьянме собеседникам — буддистам, чтобы показать свой интерес к стране. Действовало. Вот они в тезисном виде.

Краткие тезисы

— В монотеистической вере (христианство, ислам, иудаизм) духовная сила идет в основном от Бога, в буддизме — от познания собственной природы, от саморазвития, самосовершенствования — для кармы.

— Все существа, в том числе человек, находятся в бесконечном процессе изменений, в каждый микроскопический момент происходят миллиардные изменения; длительность мгновения стабильности, неизменчивости нельзя измерить, она составляет, как говорят буддисты, «одну биллионную сверкания молнии».

— В буддизме нет учения о Боге — творце. Далай-лама XIV Терцин Гьятцо, верховный глава всех буддистов, говорил о философии буддизма: «Мусульмане веруют в единого Аллаха. Христиане — в Святую Троицу. Буддизм же отрицает и Бога, и Творца, он основывается на принципах самосозидания, самосовершенствования... Бога нет, нет рая, нет ада...» Будда не ипостась Бога, он учит сосредоточению на своей внутренней жизни; отсюда — спокойствие, сострадание, мудрость и медитация. В отличие от постулата «истина рождается в споре», по буддизму — «истина рождается в тишине».

— Буддизм — наиболее добрая религия, в ней нет воинственности христианства и тем более ислама, нет высокомерной богоизбранности иудаизма.

— В христианстве беды человека объясняются примитивно — «первородной греховностью», кознями дьявола, пренебрежением божественными заветами. В буддизме причины усложнены, хотя тоже идеалистичны, и связаны с жизнедеятельностью человека, с результатом поступков и помыслов в предыдущих перевоплощениях и в настоящей жизни.

— «Высокий буддизм» (в отличие от простонародного и ритуального) в определенной мере диалектичен, выходит за пределы мономерности, простой альтернативы. Выходит за пределы упрощенного утверждения и отрицания, приближается к концепции многомерности пространства и времени: «Мир вечен и не вечен, конечен и бесконечен». Формальная логика говорит: «да-да, нет-нет и иного не дано» (это сказано, между прочим, в Библии, в Новом Завете), а буддизм считает, что может быть и нечто третье. В жизни все относительно, не абсолютно, и человек часть изменений...

Практически, по земному, если так можно сказать, прикоснулся я к буддизму в Монголии, прикоснулся неожиданно

и своеобразно. Пишу об этом здесь, потому что этот рассказ тепло восприняли в Мьянме.

Кроме столицы я бывал в монгольских степях, где в юртах рядом с портретом первого секретаря ЦК Монгольской народно-революционной партии Ю. Цеденбала араты помещали изображение Будды. Молились и тому, и другому. С политическим «буддой» я познакомился на консультациях, ради которых наша делегация и прибыла в Улан-Батор. Ю. Цеденбал, возглавлявший монгольскую делегацию, был уже болен, его одолевал склероз. Невпопад он стал вспоминать события на Халхин-Голе. После того, как он в третий раз рассказал о встрече с маршалом Г. Жуковым, член Политбюро ЦК МНРП Моломжанц предложил приступить к консультациям...

Познакомился я и с представителем священного Будды в Монголии. Заведующий отделом международных связей ЦК МНРП Дашцэрэн предложил: «Надо обязательно посетить действующей монастырский комплекс Гандантэгченлин».

В Монголии, как и в Тибете, укоренилась северная, так называемая, «желтая» ветвь буддизма, монастырский буддизм, более изощренный, жесткий и строгий в своих ритуалах и учении. Монахи-ламы дают обет безбрачия, выступают в качестве наставника для верующего, в свое время они осуществляли и гражданскую власть...

Останавливаемся у монастыря. На подходе к монастырю верующие трижды падают на полированные за многие десятилетия людскими телами деревянные лежаки. Буддисты считают, что существуют три главных «драгоценности»: Будда; Дхарма — его учение; Сангха — буддистская община. Почти все буддисты мира делают во имя «драгоценностей» три поклона на коленях. Ламаисты с грохотом падают ниц в сторону статуи Будды.

Заходим в торжественный молельный зал. Справа и слева от меня — из воздуха — возникают два монаха в бурокрасных одеждах, почтительно останавливаются, как бы

приглашая прислушаться. В центре зала большая курильня на треножке, легкий дымок разносит запах благовоний. По сторонам на поднимающихся уступами трибунах, покрытых красной тканью, в ярких желтых одеждах в три ряда сидят бритоголовые, как скинхеды, полсотни монахов. Они читают нараспев сутры. У буддистов три вида классических священных первоисточников: Сутры — учение самого Будды, Виная — правила жизни, в них содержится более 250 заповедей и предписаний, относящихся в основном к монахам, Абхидхарма — толкование учения. Сутры — самое важное и самое сложное.

Напевное чтение завораживает. Основатель секты гелугпа, «желтошапочников», Цзонкаба (Цзонхава) придавал особое значение обрядности, театральности ритуалов. Каждый монах пропевает свой текст, но все звуки сливаются в полифонический и в то же время монотонный мотив, слегка звенящее жужжание. Мотив переходит в легкий рокот. Пение монахов явление уникальное. Это обертональное, или горловое, пение представляет собой не музыкальное представление, а разговор с богами.

С противоположной стороны в зал входит хамбо-лама, глава буддистской сангхи Монголии, земное воплощение ботхисатвы.

Сидевшие до этого молча монахи на третьем ряду начинают трубить в длинные трубы, звуки приглушенные, как бы тоже гортанные и тоже слегка жужжащие, звенящие. Хамбо-лама вместе со мной трижды обходит курильню. Приносят пиалу с безвкусной жидкостью, по очереди мы делаем три глотка. Мне становится не по себе. Затем хамбо-лама возлагает мне на руки хадак — шелковый с вышитыми буддистскими знаками шарф и вручает «книгу» сутр — завернутую в темную ткань стопку продолговатых ничем не скрепленных страниц на каком-то удивительном языке. Затем хамбо-лама складывает руки в молитве. В зале устанавливается абсолютная тишина...

Саамин Гомбожав, так зовут хамбо-ламу, приглашает нас в свои покои, на столе монгольский чай с молоком. Гомбожав — Высший преподобный доктор философии буддизма, президент Азиатской буддистской конференции за мир.

Я спросил, что означает прошедшая церемония. «Церемония означает, что буддисты монастыря молятся за Ваше духовное благоденствие, означает незримое Вам напутствие», — пояснил хамбо-лама. С этим напутствием я и оказался в Мьянме.

Вскоре после вручения верительных грамот состоялась вторая беседа с руководством Госсовета — с секретарем Госсовета, генерал-майором Кхин Ньюнтом. Он считался вторым человеком в государстве, одним из самых влиятельных политиков; в его руках была разведка и карательные органы.

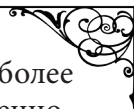
Это была знаковая встреча.

Кхин Ньюнт оказался не по-бирмански живым собеседником. Он вырос в семье хуацяо, выходца из Китая, его иногда звали «бирманским китайцем», было ему тогда 50 лет.

После традиционных заявлений о желании развивать связи между нашими странами разговор переметнулся на буддистскую тематику. Генерал интересовался моим отношением к Будде, как я искал «чистый буддизм» в Китае, как перенес «культурную революцию», какие посетил монастыри, с улыбкой прослушал рассказ о Монголии, задавал вопросы о первых впечатлениях от Мьянмы и т. д.

Я передал Кхин Ньюнту свои «Тезисы» о буддизме на английском и бирманском языках. Он быстро просмотрел, от оценки уклонился. У меня создалось впечатление, что генерал «прощупывал» нового посла. Расстались дружески. В последующих встречах не говорили о буддизме — только о политике.

Кхин Ньюнт быстро поднимался по карьерной лестнице и в начале «нулевых годов» стал премьер-министром

Мьянмы. Он выделялся среди дряхлеющих генералов более гибким, прагматичным подходом к решению болезненно-острых проблем страны, склонностью к компромиссам. Такой деятель не устраивал консервативную верхушку армии, его обвинили в коррупции, организации в армии «интеллектуальной фракции», приговорили к 44 годам домашнего ареста. После реабилитации генерал занимался мелким бизнесом.

Через пару недель мне сообщили, что буддистский Комитет Маха Наяка и Департамент по делам религии Госсовета приняли решение о проведении торжественной церемонии вручения послу СССР двух позолоченных статуй Будды, роскошных постаментов и буддистской литературы в качестве дара буддистам Советского Союза.

Это был необычный шаг Янгона. Связи буддистских организаций Советского Союза и Бирмы едва теплились. Такой церемонии и такого дара никогда не было в истории наших отношений. И вдруг... Подобное решение могло быть принято только на самом верху. Думаю, не обошлось без Кхин Ньюнта.

Я понимал, что военный режим ищет различные пути и лазейки выхода из международной изоляции. Вместе с тем возобновление контактов по религиозной линии давало и нам, пусть слабые, возможности воздействия на генералов. К тому же я сразу устанавливал контакты с влиятельными в стране деятелями, связанными с буддизмом. В Мьянме это имело весьма существенное значение.

Церемония была действительно торжественной. От необычной красочной обстановки храма разбегались глаза. Девять саядо (буддистских иерархов) освятили позолоченные статуи Будды; пока читались молитвы, мы сидели на ковре по-бирмански, поджав босые ноги (при входе в пагоду все посетители снимают обувь). Принял подарки. Поблагодарил.

Познакомился и беседовал с настоятелем монастыря и президентом Международного буддистского медитационного центра преподобным саядо У Панна Дипой, влиятельным в буддистских кругах не только Мьянмы, но и мира, и с генеральным директором МИД Мьянмы У Эй Лвином.

Эти знакомства оказались весьма продуктивными.

Я как-то спросил У Панна Дипу: «Кто из 9 саядо (которые обычно сидят как в президиуме важного собрания) является главным иерархом?»

У Панна Дипа сказал: «У нас нет четкого иерархического регламента, как в некоторых церквях. У Будды было, по одной из версий, 9 равночастных учеников. Главное — степень духовного уважения к саядо».

Вскоре меня пригласили на международную церемонию присвоения высоких буддистских религиозных титулов почетным настоятелям монастырей и членам руководства сангхи Шри-Ланки, Японии, Таиланда и Мьянмы. Церемония проходила в самом престижном храме Каба Эй. Главные магистрали от аэродрома до храма заполнились толпами людей в ярких одеждах. Саядо, монахи вышли на белый свет. Молитвы, гонги, барабаны слились в праздничный шум. Это было потрясающее по своей красочности, массовости, продолжительности, однообразию и монотонности зрелище. Я оказался в храме среди послов стран, где буддизм преобладает, среди тысячи прихожан и иностранцев-буддистов в национальных костюмах, один в европейской паре, при галстукке (такую форму предписало приглашение).

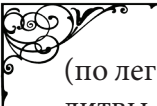
Во время международной церемонии У Панна Дипа сказал, что по инициативе буддистов Мьянмы иерархи стран-участниц торжества предложили построить в Москве или в другом городе пагоду за счет средств монашеских общин этих стран. Я поддержал предложение и направил в Москву. Ответа не получил.

В результате моего общения с У Панна Дипой — одним из авторитетных иерархов буддистской церкви Мьянмы — возобновились деловые связи между буддистскими организациями двух стран. Делегация буддистов из Советского Союза посетила Бирму, делегация из Мьянмы побывала в нашей стране. В Янгон прибыли 9 молодых буддистов из России для учебы в Палийской школе для монахов. Эти «малые шаги» могли бы содействовать не только культурному сотрудничеству, но и политическому взаимопониманию. Москва стояла на атеистических позициях, а затем занялась «перестройкой».

Возникали отдельные семейные связи на почве буддизма.

На церемонию своего посвящения в монахи пригласил крупный бизнесмен японского происхождения Осаму Икейя, вместе с ним обряд посвящения проходил его 8-летний сын Хитоси. Стать буддистским монахом, можно в любом возрасте, в любое время и на любой срок, монашеская и светская жизнь рассматриваются здесь как две отличающиеся, но взаимно дополняемые органические части социального порядка.

Процедура посвящения любопытна, ей обычно предшествует помпезное шествие. О. Икейя, человек очень богатый, превратил церемонию в рекламное зрелище. Она проходила в одном из престижных храмов, построенном в виде огромной пещеры (в древности обряд посвящения по традиции проводили в пещерах). Кандидаты в монахи ехали на слонах; украшенная цветами процессия медленно двигалась по улицам; танцоры в национальных костюмах совершали торжественные пируэты. Во время церемонии заслуженные монахи читают в храме молитвы, готовящийся к посвящению подвергается опросу, принимает на себя ряд обетов, они сводятся в основном к обязательству верно исполнять заветы Будды. Затем будущему монаху наголо сбивают волосы на голове — как символ отказа от всего индивидуального

(по легенде, Будда отрезал свои длинные волосы мечом). Молитвы. Клятва: «Я поклоняюсь Будде, Дхарме, Сангхе». Три поклона. Монахи одевают новообращенных: безрукавка, широкая юбка, красно-бурая тога. Снова молитвы и три поклона. Наступает суровая монашеская жизнь. Осаму Икейя шел в монастырь на полгода, Хитоси — на месяц.

Психологическое влияние церемонии, стресс, чувство приобщения к буддизму довольно глубокие. Временное монашество выступает как действенный идеологический институт по обработке значительной части населения в духе буддизма, как источник средств для монастырей, инструмент приобщения к националистическому патриотизму и покорности существующей власти.

До ухода в монастырь О. Икейя еженедельно проводил «товарищеские ужины». На самом деле это были неофициальные обсуждения бизнес-ситуации в Мьянме. Меня приглашали. Это было полезно, нередко получал уникальную информацию. Тереза Икейя, жена Осаму, известная в Мьянме бизнесвумен, продолжила традицию.

Японские и южно-корейские бизнесмены, предприниматели США, Европы за стаканчиком виски обсуждали здесь с мьянманскими генералами коммерческие аспекты сотрудничества в различных сферах экономики. Приспешники министра Козырева в МИДе принуждали нас бить в пустые барабаны идеологических осуждений, а государства, которые люто критиковали военный режим за нарушение прав человека, используя каналы частного бизнеса, стремились создать основу для развития отношений в будущем. «Играли и на белых, и на черных клавишах».

Нередко я принимал участие в торжественных церемониях, которые проходят в Мьянме обычно в день полнолуния, ибо считается, что Будда и родился, и «прозрел», и умер именно в полнолуние. На этих мероприятиях встречался с У Панна Дипой. Он комментировал некоторые ритуалы.

Я старался не спорить, хотя считаю, что ритуалы порою заменяют веру, туманят мысль, сводят веру к примитивным упражнениям. Из-за ритуалов («с какого конца разбивать куриное яйцо»), а не из-за сути веры чаще всего идут споры и войны. Проникнуть же в «теорию» религии, философию веры не так-то просто.

Я передал саядо свои «Тезисы». Он пригласил меня в монастырь, который он возглавляет. Угостил монашеским обедом, показал внутренние покои монастыря. Умело и спокойно «уточнял» мои «Тезисы», подчеркивал, что философия буддизма «бездонная и бесконечная».

При встречах У Панна Дипа рассказывал о жизни монахов, отношении к ним правителей и населения. Он считал, что монахов в стране более 500 тыс., 300 тыс. — полностью посвященные, постоянные, не менее 250 тыс. — «новички», временные, 60 тыс. — особая категория: женщины-отшельницы.

Уже тысячи лет, подчеркивал иерарх, правители преклоняются перед саядо, на коленях вручают подарки. Это поклонны не нам, а Будде. Этот дух нельзя оскорблять. Императоры и генералы не могут не учитывать, что монахи, буддизм оказывают определяющее влияние на культуру, искусство, мораль, на идеологию и политику страны. Буддистское монашество имеет огромные потенциальные возможности в формировании умонастроений населения, может оказывать существенное влияние на ход политических событий.

В антиправительственных выступлениях 1988 г. монашество, особенно рядовые монахи, сыграло активную роль, политически и духовно поддерживая демократическое движение, а осенью 1990 г. устроило бойкот военному режиму. Генералам было крайне важно умиротворить монашество, поставить сангху на службу новой власти.

Госсовет принял чересчур жесткие меры, сказал саядо, пресечения политической активности монахов.

Воинские части блокировали часть монастырей, провели регистрацию монахов, обыски, арестовали 200 монахов. Осуществили чистку монашеских организаций. Только 9 сект получили признание легальных. Был подтвержден запрет на политическую деятельность сангхи (как и государственных служащих).

Вместе с тем Госсовет выделил дополнительные средства лояльным монастырям, верхушке сангхи, влиятельным настоятелям монастырей и медитационных центров. Началась реконструкция и обновление наиболее известных храмов. Генералы организовали ряд церемоний поклонения Будде, посетили главный центр монашеской общины — Комитет Маха Наяка, субсидировали «Комитет за очищение, процветание и распространение буддизма», активно использовали классическую буддистскую литературу, в частности, канон Виная — перечень правил жизни для монахов.

В результате высшие органы сангхи и бирманские иерархи были вынуждены принять почти все установки политического курса военных властей. Монашество временно отошло от политической деятельности — констатировал У Панна Дипа без одобрения.

Сотрудничество с высшими авторитетами буддизма в Мьянме, с буддистскими иерархами, прежде всего с одним из иерархов У Панна Дипой, участие в международных и иных торжествах довольно высокого уровня, особенно в церемонии вручения позолоченных фигур Будды — все эти мероприятия освещались в СМИ — создавали благоприятный фон для работы и по другим не менее важным, даже главным направлениям деятельности посольства. Прежде всего речь идет о политических и экономических связях.

В этой сфере имели большое значение связи с генеральным директором и руководителем департамента международного права, договоров и исследовательской работы МИДа

У Эй Лвином. Эти отношения вырастали как бы из буддистской почвы.

Бирма длительное время находилась на периферии мировой политики, не была она и в первых рядах государств, вызывающих внимание Москвы. По многим важным проблемам международной жизни сохранялось созвучие позиций, чаще декларативное совпадение или дружественное молчание. Преобладала неконфронтационность, не было серьезных раздражителей. Бирма представляла интерес для нас с точки зрения объективного возрастания ее роли в будущем в силу геополитического положения и экономического природного потенциала.

И Бирма была заинтересована в поддержании лояльных отношений с Советским Союзом, это обеспечивало ей условия балансирования между СССР и США, Индией и Китаем, укрепляло усилия в сохранении суверенитета и целостности страны, давало возможность пусть и ограниченного маневрирования на международной арене. Даже в моменты бурных событий и военных переворотов Москва считала недопустимым вмешательство извне во внутренние дела Бирмы, подчеркивала, что необходимо сохранить нормальные отношения с этой страной, «не подставиться в связи со сменой режима», не потерять страну в условиях, когда под разными знаменами туда рвутся другие государства.

В 1980-е годы кривая линия развития двусторонних связей пошла вниз, а со второй половины 80-х годов после прихода к власти Горбачёва почти совсем истончилась. Чем глубже вязнул Советский Союз в трясине «перестройки», тем выше становились баррикады на пути сотрудничества наших стран, и ко времени моего приезда в Мьянму главным препятствием на этом пути стояла Москва. К тому же нехватка валюты у обеих сторон, стремление Мьянмы развивать экономические связи за счет безвозмездной помощи и льготных кредитов, нарастающие признаки развала министерств

и бестолковщины в организациях Москвы препятствовали доведению разговоров до сделок.

Кхин Нъюнт после нашей встречи рекомендовал членам Госсовета и министрам, о чем мне рассказал член Госсовета генерал-лейтенант Чит Све, «проявлять максимум делового внимания к советскому послу». Поэтому проблем с организацией встреч на высоком уровне не было.

Я нанес более 20 визитов членам высшего руководства Госсовета и правительства, председателю Верховного суда, Генпрокурору для обсуждения политических вопросов советско-мьянманского сотрудничества. Однако эффект от этой активности был небольшим.

Становилось очевидным, что без политических контактов на высоком уровне и крупных межгосударственных соглашений работа по развитию отношений двух стран сведется к рутинным шагам, символическим жестам, простеньким заявлениям, малоэффективным с точки зрения долгосрочных интересов СССР.

Решил попытаться осуществить «малые шаги» в торгово-экономической сфере.

Встретился с рядом министров и руководителей госорганов Мьянмы, составил меморандум о возможных совместных мерах в этой сфере, передал правительству страны и направил в Москву. Меморандум включал несколько десятков конкретных предложений возможного сотрудничества в основных отраслях экономики страны.

Благожелательные и продолжительные встречи с членами Госсовета, министрами почти ничего не дали. Дело ограничивалось изложением намерений в проектах документов, которые не подписывались.

Перед отъездом из Янгона я подсчитал, что за время пребывания в Мьянме посольство направило в Центр около сотни запросов и предложений — и принципиальных,

и оперативных. 2/3 предложений остались без ответа. Москве было не до нас.

Ни бодхисатвы, ни Будда не помогали.

Руководство Мьянмы и МИД страны внимательно и настороженно следили за болезненными процессами в Советском Союзе. Зам. министра иностранных дел Вин Лвин подчеркивал: «События в Советском Союзе находятся в центре внимания мьянманского руководства». Благодаря У Эй Лвину, знакомство с которым переросло, по его словам, «в буддистское родство душ», двери в МИД для меня почти всегда были открыты. Это позволяло своевременно и достоверно информировать Москву о политических позициях страны, что является одной из важных обязанностей посла.

В беседах с послом дипломаты и деятели правительства откровенно высказывали тревогу за судьбу Советского Союза, обращали внимание на негативное влияние шатающегося здания СССР на положение Мьянмы.

Во-первых, генералы были озабочены возможностью ослабления и распада СССР как важного фактора глобального равновесия, как основного фактора бирманской политики «балансирования». Вин Лвин сказал мне: «Мы бы очень не хотели, чтобы развитие обстановки в Советском Союзе пошло по югославскому образцу». Секретарь Госсовета Кхин Ньунт, пессимистично оценивая перспективы советско-бирманских связей, в одной из бесед заявил: «У вас в стране стоит вопрос о сохранении государства, лишь бы не было хуже».

Во-вторых, явная угроза распада государства по границам союзных республик нагоняла страх на генералов в связи с возможностью использования этого «опыта» для роста сепаратистских движений внутри Мьянмы, которые — как и в СССР — поддерживались из-за границы и могли привести к распаду Мьянмы как единого государства.

Состоялось несколько встреч с министром иностранных дел Мьянмы У Он Чжо — в то время он был чуть ли не единственный гражданский чиновник в военном правительстве, умный, сдержанно-приветливый человек. Он подчеркивал: «Мьянма хотела бы видеть СССР сильным и единым государством, которое, как и прежде, будет являться мощным фактором мирового баланса сил». У Он Чжо говорил также: «Советский Союз оказался в трудном положении... Для Мьянмы, как многонационального государства, особенное значение имеют проблемы сохранения единства страны».

В декабре 1991 г. Советский Союз прекратил свое существование. Я сообщил министру иностранных дел Мьянмы о том, что Российская Федерация «принимает на себя права и обязанности бывшего Советского Союза». Министр: «Мы понимаем, что в России кризис... Просим поднять в посольстве флаг России после того, как официально объявим о признании РФ».

31 декабря МИД Мьянмы нотой посольству вручил пресс-релиз о признании Мьянмой Российской Федерации.

1 января 1992 г. над посольством был поднят флаг РФ.

Я не устраивал ни торжественного собрания, ни митинга по поводу гибели Советского Союза и появления на его развалинах обрубка когда-то великой России. В ранней янгонской тишине под тупые могильные звуки молотков был сбит герб СССР, как в траурные дни спущен флаг Советского Союза. В похоронной тишине на фоне совершенно безоблачного синего тропического неба появился, слегка вздрогнул и замер флаг нового государства. И стал я послом другого государства.

Стало ясно, что мне не по пути с политикой Ельцина-Козырева.

Крах СССР, появление непонятной Российской Федерации, явный хаос в России порождали стремление мьянманцев переложить вину за торможение в развитии

двусторонних отношений на Россию. Глава государства Со Маунг с присущей бирманцам мягкой наступательностью в одной из бесед заметил: «Европейцы, когда оценивают ситуацию, спрашивают: "На чьей стороне футбольный мяч?" В Мьянме даже хорошего стадиона нет. Все мячи в России». Министр торговли, планирования и финансов бригадный генерал Эйбл в беседе подчеркнул, что «сдерживающее влияние на расширение сотрудничества оказывает нестабильная ситуация в РФ». Министр шахт Маунг Маунг Кхин заявил: «Экономические связи будут налаживаться после того, как положение в России станет более определенным и стабильным».

Между тем в Мьянме стали происходить изменения в духе некоторой косметической либерализации и корректировок, нацеленных на ослабление напряженности внутри страны и вокруг Мьянмы.

Казалось бы, в условиях происходящих в позициях Янгона изменений расширяется поле для сотрудничества и развития российско-мьянманских отношений. Следовало проявить прагматический подход, не сбиваться на идеологические эскапады о правах человека, означавшие политико-психологическую войну против Мьянмы, не изолировать эту страну, создавать заделы на будущее. Об этом посольство писало в МИД РФ. Однако на пути реализации этих возможностей стояла политика Москвы.

Россия Ельцина-Козырева, встав на тонкую почву американизированных «общечеловеческих ценностей» и «борьбы за права человека», оказалась в рядах хулителей Мьянмы, забыв о своих национальных интересах, о возможных вариантах и перспективах развития ситуации в Мьянме и регионе.

Многое изменилось с приходом команды Козырева. В МИДе появились верхоглядьы, чуть ли не прислужники США. Российский правозащитник С. Ковалёв на сессии Комиссии ООН по правам человека обрушился на Мьянму как

на самого злостного в мире преступника, нарушителя прав человека.

Министр Козырев переплюнул американцев. Он направил генеральному секретарю ООН письмо, в котором предложил отбросить принцип невмешательства во внутренние дела государств и создать «части быстрого реагирования» для вторжения в провинившиеся государства, в том числе в Мьянму.

Деятельность министерства иностранных дел в Москве была дезорганизована. За два года моей работы в Янгоне у нас в стране сменились 5 министров, они мелькали как клоуны в кукольном спектакле: Э. Шеварднадзе — профессиональный, но не всегда твердый А. Бессмертных, вручивший мне грамоту за успешную работу в МИДе, — опять Шеварднадзе — безликий карьерист, приспособленец Панкин — «агент влияния», разрушитель А. Козырев...

Новое руководство МИДа требовало переориентировать работу посольства. Вместо кропотливой государственной деятельности, обеспечивающей позиции нашей страны, посольство нацеливалось на идеологические нравоучения в адрес генералов о правах человека, о том, как «демократически управлять страной».

Для работы посольства наступали черные дни. Из МИДа РФ стали приходиться нелепые, порою опасные указания. Получил телеграмму: «Ищите деньги КПСС». Какие деньги КПСС могут быть в государстве, с партиями которого не было никаких контактов более 10 лет? Приходит указание: прекратить финансирование представителей ведомств, работающих в штате посольства. Глупцы или предатели сочиняли подобное указание? Пришел приказ: ликвидировать Советский культурный центр — весьма нужное в условиях Бирмы учреждение.

Дезорганизовали до крайней степени работу длительные перерывы, порою полное прекращение финансирования.

Посольство оказывалось в финансовой блокаде. Мы охрипли от просьб к МИДу хоть как-то смягчить наш финансовый кризис.

Критические процессы в Советском Союзе насторожили людей, породили неуверенность. Настроения в коллективе были сложные. Люди нервничали, на почве финансовых неурядиц возникали коллизии. Думаю, что не обходилось и без крепких слов в адрес посла. Не каждый мог понять, что погибло мощное государство, что там, в России, идет процесс разграбления государственного имущества, что командуют правители и чиновники, которым нет дела ни до высоких интересов страны, ни до бытовых забот людей.

В целом состав посольства был профессиональным, работоспособным, преобладали политически зрелые, патриотические настроения, готовность отстаивать государственные интересы своей страны.

Важную роль играли настоящие бирманисты по образованию, изучавшие страну и знавшие бирманский язык: секретари посольства В. Загреков и Н. А. Листопадов. Они были не только политическими работниками и переводчиками, но хорошо знали историю, религию, быт, обычаи и менталитет бирманцев. Отличался этим Николай Александрович. Он помогал почувствовать нечто, называемое «духом страны», много писал о стране, опубликовал несколько книг, не прекращая дипломатической деятельности, стал доктором наук, а ныне он посол в Мьянме.

Несколько разряжали напряжение поездки по стране, организуемые МИДом Мьянмы. Мандалай, Пегу, другие города, Шанская область — озеро Инле, Араканская, Монская национальные области... Сейчас это более благоустроенные туристские центры. Я прочитал с дюжину современных статей — впечатлений туристов от посещения Мьянмы, есть глубокие, философские, но в основном поверхностные

зарисовки буддистской специфики. Видно, не просто уловить «энергетический дух» и чудо этой части мира. Хотя бы в Пагане.

Посещение древней столицы Бирмы — Паганы — произвело фантастическое впечатление. В XI–XIII веках на берегу Иравади возводилось чудо мира — огромный по тем временам город, где были построены 5 тыс. храмов, пагод и других священных сооружений. Сейчас это мертвый город, ничто не оскверняет остановившуюся древность. Здесь пагоды и храмы, прошедшие сквозь века, стоят в первозданной тишине, погруженные в свои мысли. Творения духа и разума, они как будто достигли пика своего величия, а затем стряхнули мишуру и мелочи бытия, сохраняя главное, существенное. Здесь в храмах, в сохранившихся росписях, фресках, резьбе оживают история и образ буддистской Вселенной, символизм и философия буддизма. Монументальные пагоды Швезигон и Швезандо, величественный, потрясающий храм Ананда — если бы только они сохранились в Пагане, это был бы музей мирового уровня.

«Мертвый город» — так и пишут в рекламных проспектах. Но это не музей, а обиталище космического духа, космическое время запуталось, заблудилось в тысячах храмов и пагод, затихло, задумалось, разлилось бесшумно невидимой энергией и обволакивает каждого посетителя. Словно побывал на другой планете и в другой цивилизации, когда-то процветавшей, ныне забытой, сохраняющей неземную гармонию тления и жизни.

Я получил телеграмму с предписанием вернуться в Москву в связи с увольнением из МИДа и уходом на пенсию. В это же время, по существу одновременно, под разными предложениями были отправлены в отставку или сняты со своих постов 15 (если не ошибаюсь, список видел в Москве) полков Российской Федерации. Козырев очищал МИД, как он

выражался, от «красно-коричневых дипломатов». Зачинателем этой акции был руководитель администрации Ельцина Волошин, ставивший нам в вину «верную службу сметенному режиму». Действительно, мы стремились верно служить своей стране.

Я нанес прощальные визиты главе государства, высшим и влиятельным лидерам военной власти, руководителям министерств и ведомств, МИДа Мьянмы. С этой категорией официальных лиц установились корректные отношения. Хорошо бы, чтобы взаимная доброжелательность приносила нужный практический эффект.

МИД подарил «в знак особого внимания» шитую шелком картину. Генерал-лейтенант Чит Све со словами «я не даром занимаюсь лесом» вручил от имени Госсовета картину, составленную из кусочков дерева разных пород.

Я посетил монастырь саядо У Панна Дипы. Настоятель приготовил для меня небольшую библиотечку по буддизму. Я спросил, какой примечательный сувенир стоит приобрести в Мьянме, который бы напоминал о духовном облике народа. У Панна Дипа сказал, чтобы я купил в лавке у подножья главной пагоды страны Шведагон две небольшие статуи Будды из ценного дерева (он указал координаты лавки), а монахи монастыря освятят эти фигуры.

Над городом на холме вздымается на 100 м ввысь уникальное сооружение — Шведагон, гигантский колокол, увенчанный «зонтом», как небольшой короной. Сверкает поверхность колокола, обшитая золотыми листами. Буддисты гордятся: золота здесь 25 т. Шпиль усыпан драгоценными камнями. Вокруг около 70 пагод поменьше, еще ниже — сотни лавочек.

В любой час дня, при любой погоде — сотни преклоненных в молитвах людей. Нашел нужную лавку и у древних старцев-монахов приобрел статуи Будды.

В назначенные настоятелем день и час пришел в резиденцию посла впервые в истории буддистский иерарх в сопровождении монахов. Расставили на столике вокруг фигурок Будды какие-то странные предметы и, преклонив колени, в течение получаса читали молитвы... «Это твой храм — сказал У Панна Дипа — буддисты ставят перед статуями Будды цветы — символ красоты и изменчивости, свечи — образ света дхармы, благовония — аромат совершенной жизни, еду — знак милосердия. Статуи не только дух Будды, это дух нашей страны, они помогут совершенствовать карму».

Прошло несколько лет после возвращения в Москву. Однажды пригласил экстрасенса — хорошего знакомого, популярного в Москве ученого-биоэнергетика, который якобы определял «темные», неблагоприятные места в квартире. Он ходил по комнатам, разводил руками, вертел палочками. И вдруг замер у фигурок мьянманских Будд. Он не остановился у подобной фигуры из Вьетнама и даже у скульптуры бодхисатвы Гуань-инь из Китая, одной из самых почитаемых святых в буддизме. Она считалась важной скульптурой в нашем доме.

Вновь экстрасенс, слегка взволнованный, прошелся по квартире и вновь окаменел у статуэток из Шведагона: «Они излучают особую энергию, в ней есть что-то неземное». Теперь окаменел я. Чем это объяснить? Священным обрядом? Или особым качеством дерева? Или это энергия Времени?

Провожать посла РФ на аэродром прибыли официальные лица из МИДа, послы и руководители иностранных представительств, аккредитованных в Янгоне. Это было приятно. Все же корпоративная солидарность. Дуайен дипкорпуса посол ФРГ барон В. фон Маршалл в послании по случаю моего отъезда писал: «Мы желаем тебе всего самого лучшего в тех трудных и печальных обстоятельствах, которые переживают ваша страна и народ». Это было актуальное пожелание.

Генеральный директор и руководитель департамента международного права, договоров и исследовательской работы У Эй Лвин вручил мне свое прощальное послание:

«Его превосходительству
Д-ру Вадиму И. Шабалину,
Чрезвычайному и Полномочному
Послу Правительство Союза Мьянма,
Министерство иностранных дел,
Янгон

Ваше превосходительство, желаю Вам доброго пути и счастливого возвращения на родину! Прилагаю пленку с двумя размышлениями о буддизме и медитации, записанные в Международном центре медитации в Янгоне. Один из материалов от Сея Ба По, который выступал по вопросам медитации Анапана, а другой — от Сая Чжи У Ба Кхина, который выступал по основам практики Будды дхамма. Я очень надеюсь, что у Вас будет время послушать и оценить то, что предлагают эти доклады.

Я был рад тому, что мы оказались тесно связанными, Ваше превосходительство, в период Вашей командировки в Янгоне. Как буддист, я должен открыто заявить о своем убеждении в том, что связь в этой жизни, особенно по случаю религиозных событий или религии как таковой, является результатом добрых дел, которые мы делили друг с другом в нашей прошлой жизни или прошлых воплощениях. Поэтому я с нетерпением ожидаю не только новой встречи с Вами в этой жизни, но и после нее, в последующих перевоплощениях, так как мы совместно осуществили заслуживающие одобрения деяния в момент передачи религиозных произведений искусства в пагоде Каба Эй в период Вашего пребывания здесь.

Моя жена присоединяется ко мне с наилучшими пожеланиями Вашей супруге. Вы знаете, что у Вас открытое приглашение посетить эту страну и — если и когда — у Вас будет такая возможность посетить нашу страну снова, пожалуйста, обязательно свяжитесь с нами.

С наилучшими пожеланиями здоровья и счастья, искренне Ваш, Эй Лвин. Генеральный директор. 1 сентября 1992 г.».

Это возможно только в очень буддистской стране — на официальном бланке правительства ответственное лицо МИДа рассказывает о наших прошлых и будущих перевоплощениях. Мне трудно было представить, что наше деловое, по сути — политическое, сотрудничество, окрашенное слегка в буддистские цвета, окажет такое глубокое влияние на душу высокопрофессионального дипломата-международника. У Эй Лвин был, пожалуй, наиболее интеллектуальным, европеизированным дипломатом МИДа Мьянмы, работал в Европе, США, в ООН. Отношения, в которых преобладала симпатия друг к другу, установились с первой встречи, когда проходила передача в дар буддистам России двух позолоченных скульптур Будды.

* * *

Взаимодействовать с иерархами, высокопоставленными деятелями, связанными с религиозными конфессиями, было интересно и полезно, полезно не только для посла, хотя порою трудно и рискованно. Речь шла о работе не с представителями братской страны, а недружественного государства или страны, занесенной в категорию «преступного изгоя». Главная же трудность состояла, пожалуй, в том, что происходило это во времена воинственного государственного атеизма в СССР и, частично, в период развала Советского Союза.

Когда «связи с попом» априори осуждались, любая религия рассматривалась как реакционное воззрение, а его представитель — как потенциальный враг.

Ныне другие времена. С одной стороны, многое дозвоительно, с другой — обстановка требует от дипломата высокого уровня профессионализма и знания религиозных доктрин и политической тактики влиятельных церковных деятелей. Этому в Советском Союзе не учили.

Москва встретила меня неприязненно. Подтвердилось: мне не по пути с режимом и политикой Ельцина-Козырева. Не прошло и года с тех пор, как во время отпуска говорили высокие лестные слова, получил грамоту за работу, — и все перевернулось. Клерк вручил приказ об увольнении и документы на пенсию... Пенсионер...

Но я еще трудился в течение 26 лет: заведующим отделом межпарламентских связей Верховного Совета РФ, в банке «Мир» (Банк ракетно-космического Агентства РФ), в Институте Дальнего Востока РАН... Деловые командировки: Англия, Турция, Польша, Германия, Болгария, Франция, Италия, Чехословакия, Китай и еще Китай... Написаны и изданы монографии: «Жизнь прожить», «О времени и о себе», «Завтра будет дуть завтрашний ветер», «Радуга жизни», повести «Человек из провинции», «Ночь Николая Хорошеева»...

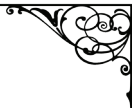
Важно не сдаваться, ощущать себя действующей личностью — можно трудиться и до 90.

Г. А. ИВАШЕНЦОВ
Чрезвычайный
и Полномочный Посол

Родился в 1945 г. в Ленинграде. Окончил факультет международных экономических отношений МГИМО. В 1967–1969 гг. работал в Министерстве внешней торговли СССР, в 1969–1975 гг. — в Международном отделе ЦК КПСС. С 1975 года — на службе в Мини-

стерстве иностранных дел СССР/России. Занимал различные должности в центральном аппарате и в загранучреждениях, в том числе являлся генеральным консулом СССР и России в Бомбее, первым заместителем директора Третьего департамента Азии МИД, Чрезвычайным и Полномочным Послом в Союзе Мьянма, директором Третьего, Второго департаментов Азии МИД, а также Чрезвычайным и Полномочным Послом в Республике Корея. С 2017 года — вице-президент Российского Совета по международным делам. Награжден орденами и медалями. Автор многочисленных книг, статей и брошюр по вопросам международных отношений.

ИЗ ЖИЗНИ ПОСЛА

Часть первая

Моя жизнь была связана с дипломатической службой более полувека — с тех пор, как летом 1962 года я стал студентом Московского Государственного Института Международных Отношений МИД СССР. Моя семья никакого отношения к дипломатии не имела. Мужчины рода Ивашенцовых, вышедшего из вологодских и костромских земель в XVI веке, служили обычно по военной линии. Есть документальные свидетельства того, что мои давние предки участвовали в Семилетней войне 1756–65 гг., в Отечественной войне 1812 г., в Крымской войне 1854–55 гг., в русско-японской войне 1904–1905 гг. и во многих других войнах, оставивших свой след в истории России.

Во второй половине XIX века они сменили военный мундир на гражданскую одежду, хотя традиционная любовь к оружию в семье еще продолжительное время сохранялась. Имя моего прадеда А. П. Ивашенцова упомянуто в изданной несколько лет назад книге «Сто великих русских охотников». Он разработал несколько моделей охотничьих ружей, которые производились на Тульском и Ижевском заводах вплоть до конца 1930-х гг., а его книги об охоте и охотничьем оружии до сих пор переиздаются и пользуются хорошим спросом. Мой дед Г. А. Ивашенцов был врачом, а отец А. Г. Ивашенцов — геологом. Каждый из них на своем поприще многое сделал для Родины.

Я с детства с удовольствием учил иностранные языки: немецкий — в школе и английский — с частным преподавателем: бабушка — мать отца, которая говорила по-немецки, по-французски и по-английски, считала, что владение иностранным языком — отличительная черта каждого культурного человека независимо от его профессии. Родители-геологи, конечно, хотели, чтобы я пошел по их стопам.

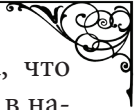
Но я пошел поступать в МГИМО и поступил сразу — без какой-либо поддержки извне или изнутри. Скажу, что моя мать поинтересовалась, где расположен этот институт, только после того, как я в него поступил — она хотела лично увидеть мое имя в вывешенных при входе списках принятых.

Учеба в МГИМО. «Восточники» и «западники». Перебор с идеологией

В МГИМО меня определили в языковую группу хинди, и я был этому искренне рад. Индия была тогда крайне популярна в нашей стране, а меня лично очень привлекал образ Джавахарлала Неру, который внешне во многом напоминал моего деда-врача.

Восток поэтому определил мою дальнейшую работу и круг профессионального общения, о чем я, откровенно говоря, никогда не жалел. С одной стороны, среди ребят, учившихся в МГИМО на востоковедческих специальностях, практически не было «позвоночных», т. е. поступивших в институт по протекции, «по звонку». Последние, а их было в целом немного, гораздо меньше, чем шла об этом молва, обретались в группах со специализацией на дальнейшую службу на Западе.

Никого не хочу обидеть, но, на мой взгляд, «восточники» и в институте, и на дальнейшей службе в МИД, как личности в большинстве своем были интереснее, чем «западники». Когда команда МГИМО в шестидесятые годы не очень удачно выступала в необычайно популярных тогда соревнованиях

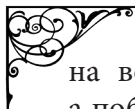
КВН — Клуба веселых и находчивых, ходила шутка, что это — закономерно, единую хорошую команду никогда в нашем институте не собрать: веселые учатся на «Востоке», а находчивые — на «Западе».

Что раздражало во время учебы, так это явный перебор с идеологическими дисциплинами. Тот, кто усердствовал с их навязыванием, очевидно, полагал, что таким образом будут воспитаны более крепкие «бойцы идеологического фронта». Но на практике получилось обратное, что наглядно подтвердилось в нашей стране на рубеже восьмидесятых-девяностых годов. Ведь наиболее яростно, буквально с пеной у рта, тогда набросились на «коммунистическое прошлое» люди, ранее защищавшие диссертации по диалектическому материализму или научному коммунизму и годами преподававшие эти дисциплины, вроде ныне всеми уже забытого Бурбулиса.

Меня всегда отвращала фальшь, а сколько было фальшивых клятв в верности ленинизму, в заявлениях о необходимости «черпать силы в заветах вождя» и т. п. Помню, я откровенно оторопел, когда уважаемый мною, очень неглупый человек, в дни моей молодости Посол в Индии, вдруг на партсобрании «разоткровенничался» о том, что он по вечерам «советуется с Ильичом». «Порою мучает тебя какой-то вопрос, — разглагольствовал он, — не знаешь, как поступить. А возьмешь томик Ленина, полистаешь его и найдешь ответ». Вот так они и «чистили себя под Лениным, чтобы плыть в революцию дальше». А куда все мы таким образом приплыли, известно.

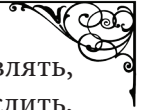
Теория и практика

Тем, кто намерен посвятить себя дипломатической работе, нужно давать больше практических навыков, а не чисто академических знаний. Поясню, что я имею в виду. Возьмем, например, известную телевизионную передачу «Умницы и умники», участники которой соревнуются в ответах

на вопросы изощряющегося в самолюбовании ведущего, а победители конкурса автоматически становятся студентами МГИМО. Мне в целом импонируют все эти ребята, видно, что они действительно многое знают и из древней истории, и из литературы и др. Но сами по себе такие знания отнюдь не подтверждают ни аналитических способностей человека, ни вообще его профессиональной пригодности к той же дипломатической деятельности. Участники передачи, прямо скажем, не столько умники, сколько просто ходячие «банки информации». Но гораздо больше информации можно при желании скачать сегодня из Интернета. Что мне — как послу — от того, что мой подчиненный готов перечислить все подвиги Геракла или битвы Пунических войн, если он не способен без моего вмешательства отвадить назойливого просителя, срочно найти документы по таможенной статистике или определить порядок парковки автомашин гостей во время приема в посольстве?

Когда говорят о способах определения профессиональной пригодности сотрудника, мне на память всегда приходит эпизод из прочитанного в семидесятые годы романа американца С. Шелдона. Героиня романа приходит в контору некоего нью-йоркского адвоката наниматься его секретаршей. В коридоре она видит примерно двадцать других претенденток, многие из которых выглядят очень эффектно, и героиня уже начинает опасаться за свои шансы. Вдруг из кабинета выскакивает помощник адвоката и в отчаянии, ни к кому не обращаясь, кричит: «Ну, где я ему возьму сейчас этот номер "Ньюзуика" двухмесячной давности?». Героиня молча спускается на первый этаж здания, заходит в расположенную там парикмахерскую, а в парикмахерских — она знает, всегда лежат старые журналы — и приносит помощнику адвоката искомый номер. Она была принята на работу немедленно. При приеме в институт мы должны делать упор не на формальное знание абитуриентом тех или иных

фактов, а выявлять его способность эти факты сопоставлять, анализировать, иными словами, его способность мыслить, в т. ч. находить выход из нестандартных ситуаций.

На факультете Международных Экономических Отношений МГИМО рассказывают, что в очень давние времена, когда этот факультет был еще Институтом внешней торговли, на выпускной экзамен по валютно-финансовым операциям пришел А. И. Микоян, тогда министр этой самой внешней торговли. Отвечать выпало одному из отличников, которому достался билет с простым вопросом: «Вексель». Отличник уверенно затараторил: «Вексель — это строго установленная форма, удостоверяющая обязательство векселедателя... Передача прав по векселю происходит путем индоссамента...» «Хорошо, хорошо, — улыбаясь, прервал его А. И. Микоян, — видно, что Вы это знаете. Напишите мне, пожалуйста, вексель». И тут отличник, что говорится, сел в лужу. Оказалось, что он в жизни никогда векселя не видел и ничего написать не мог. Естественно, после такого конфуза в присутствии самого министра «красного» диплома ему не досталось. Так вот, студентов на всех факультетах МГИМО нужно учить так, чтобы подобных ситуаций в жизни у них не возникало. А они, к сожалению, возникают сплошь и рядом.

Теперь об оплате труда дипломатов. В последние годы многое сделано в этом плане, и это хорошо. Вопрос в другом. Высокие оклады — еще отнюдь не гарантия того, что ты подберешь на работу сведущих и нужных людей. Вспоминаю притчу о том, как в XVIII веке британская королева Анна соизволила посетить Гринвичскую обсерваторию и имела там продолжительную беседу с ее директором, выдающимся астрономом Джеймсом Брадлеем. Говорили о звездах и открытиях, но в конце разговора речь зашла об оплате труда ученых. Астроном сообщил королеве, какое жалованье он получает. Та в свою очередь удивилась и предложила эту сумму увеличить в несколько раз, однако ее собеседник упал

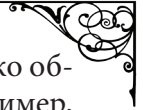
на колени: «Ваше величество, молю: не делайте этого! Иначе на мою должность будут назначать не астрономов!».

Эта притча весьма популярна среди ученых. Но, на мой взгляд, она имеет отношение ко всем сферам человеческой деятельности, где необходима преданность профессии, своего рода призвание. Дипломат — это не просто человек в костюме с галстуком, стоящий на приеме со стаканом виски. Это деятельный, образованный и любознательный человек, которому дорога его страна и интересна его служба. И даже в трудные девяностые годы, когда зарплата директора департамента МИД, не говоря уже о советнике или первом секретаре, была в разы меньше, чем у клерка в нефтегазовой структуре или у охранника казино, костяк сотрудников остался на дипломатической службе России. Остался в том числе и потому, что не мог мириться со сползанием страны в ту внешнеполитическую трясиину, куда ее настойчиво толкало тогдашнее руководство.

О востоковедах

В России исторически очень сильно востоковедение. Еще Пётр I в 1720 г. издал указ об Определении Коллегии иностранных дел, в которой значилась «экспедиция турецких и других восточных языков». Наше государство, расширяя свои границы на юг и восток, заботилось о том, чтобы готовить кадры соответствующих экспертов для контактов с сопредельными странами. Всемирное признание получили русская тюркология, иранистика, афганистика, китаеведение, индология.

Приведу показательный пример. Крупный пакистанский дипломат, в ведении которого после ввода советских войск в Афганистан находился афганский угол политики Исламабада, доверительно рассказывал мне, что он распорядился тогда собрать все советские научные публикации по Афганистану, сделать их краткие аннотации, а потом и перевод

части статей и книг с русского, и был поражен, насколько обширной была содержащаяся в них информация, например, по племенам Афганистана, и сколь глубоким и точным был анализ проблем. Он признался, что, по его оценке, русские дореволюционные и советские исследования по Афганистану в целом качественно превосходили не то, что пакистанские, но и английские работы.

Проблема, однако, была в том, что те, кто в Советском Союзе принимал политические решения, редко советовались с учеными. И тот же Афганистан тому пример.

С другой стороны, нередко и среди ученых находились люди, которые в погоне за званиями и «теплыми местами», не столько занимались исследованием той или иной проблемы, сколько подгоняли свои статьи и книги под установки очередного съезда КПСС. Так в шестидесятые-семидесятые годы плодились работы на азиатско-африканскую тематику, где перепевались имевшие мало общего с действительностью положения о некапиталистическом пути развития для стран, освободившихся от колониальной зависимости, и о государствах «национальной демократии» в «третьем мире».

Начетничество было бедой всех общественных наук в нашей стране. Помню, как в 1970 году я сдавал экзамен по философии на кандидатский минимум, став соискателем научной степени в одном из престижных академических институтов. Один из вопросов доставшегося мне билета звучал кратко: «Антикоммунизм». Я подготовил развернутый ответ, начав с рассказа о теории тоталитаризма. Упомянул Ханну Арендт, Хайдеггера, но неожиданно услышал вопрос экзаменатора из Института философии: «Зачем Вы все это рассказываете?» Оказывается, от меня требовался ответ типа: «В партийных документах КПСС и братских партий намечены важнейшие направления борьбы с антикоммунизмом, антисоветизмом и... еще десятком прочих — измов, включая маоизм и сионизм».

В дипломатической жизни не бывает мелочей

Дипломатическое искусство — это прежде всего общение. Знание местного языка полезно в работе дипломата, но это не главное. Куда более важно, чтобы дипломат был личностью, человеком, с которым местным деятелям интересно общаться, пусть даже через переводчика. Иностранцы будут делиться мыслями, если они увидят в тебе собеседника, способного оценить чужую мысль, и от тебя можно услышать что-то дельное, а не лишь восторги местными красотами или рассказы о том, под какую закуску в России пьют водку. Иностранец будет доброжелателен, когда убедится, что уважают и лично его как человека, и традиции его страны.

Если в Европе или Америке формы общения между людьми в целом совпадают с принятыми в России, то на Востоке без знания местных обычаев, особенно местных «табу», можно нередко попасть впросак. Важно помнить, что, например, исламская традиция исключает рукопожатия между не состоящими в родстве мужчинами и женщинами. Поэтому и вам самому не стоит пытаться пожать руку женам коллег из мусульманских государств, и вашей жене не нужно протягивать руку знакомым мусульманам. В Мьянме и Таиланде нельзя гладить по голове чужих детей — считается, что этим можно «сглазить» ребенка. В Корее и в Японии белые хризантемы — цветок похорон, и если вы появитесь с таким букетом на свадьбе или дне рождения, не удивляйтесь, что вас встретят весьма кисло.

Крайне важно проявлять уважение к предпочтениям в еде иностранных гостей, которых ты приглашаешь к себе на завтрак или обед. В ряде случаев следует поручить заведующему протоколом посольства предварительно навести соответствующие справки у коллег. Если среди твоих гостей присутствует, например, индус, то ничто на столе не должно свидетельствовать о том, что в твоём доме едят говядину, а если мусульманин, то — свинину. Аналогично

со спиртным — его можно предлагать только тем из гостей, кому религия или традиции не запрещают спиртного. Иначе дело может обернуться конфузом. Помню, как на рубеже 1960–70-х гг. руководитель одной из арабских стран по дороге из Москвы на родину совершил краткую остановку в Киеве, где предполагался легкий обед. Из московского МИДа поступило жесткое указание, чтобы ни водки, ни свинины на столе не было. Но в Киеве и тогда считали, что Москва им не указ, и арабским гостям была предложена и горилка, и сало с чесночком. Гости это угощение проигнорировали, и их расставание со столицей Украины прошло на откровенно низкой ноте. Когда же по отлету арабов возмущенный московский протокольник набросился на киевских коллег с вопросом, почему они не выполнили специально присланных им указаний центра, то получил ответ, что меню обеда лично утвердил тогдашний украинский партийный руководитель Шелест, а тому, дескать, лучше знать, чем угощать высоких гостей Украины.

В дипломатическом мире куда более действенно, чем где-либо еще, правило встречать по одежке. Конечно, крайность — случай, произошедший лет двадцать назад с французским послом в Эр-Рияде, когда утром по прибытии в саудовскую столицу, он, не поставив в известность своих подчиненных, отправился на пробежку в шортах и с голым торсом и был задержан нарядом религиозной полиции, который препроводил его в участок за «непристойное поведение на улице». Белая ворона в любой среде вызывает отторжение. Чтобы избежать возможных проблем, организаторы светских дипломатических мероприятий указывают в приглашении форму одежды участников. Но необходимо следовать принятым нормам и в повседневном общении с иностранными партнерами. Если в Западной Европе коллеги из местных МИДов появляются на службе, особенно, в преддверии уикенда в джинсах, то в МИДе Южной Кореи или Японии

в любой день нельзя представить сотрудника и даже посетителя одетыми иначе, как в темный костюм с галстуком.

За границей, особенно на Востоке, нередко сталкиваешься с непривычными для нас местными обычаями. Например, на впервые попавшего в Корею русского человека не самое радостное впечатление производят украшенные лентами цветочные венки, нередко стоящие перед входом в какие-то магазины или учреждения — в нашем восприятии, уж очень они похожи на погребальные. Оказалось, ничего подобного — просто, если у нас по торжественному случаю виновнику торжества посылают корзину цветов, то в Корее — венок, а на ленте — не выражение соболезнований, а поздравления и добрые пожелания. Иногда при посещении какого-то мероприятия приходилось проходить по целой галерее стоящих по стенам венков. Мы тоже получали немало таких венков от друзей и сотрудничающих с Россией южнокорейских фирм перед проведением приемов в Посольстве.

Дипломату следует четко соблюдать временные рамки встреч и других мероприятий. Опоздание на встречу считается верхом невежливости. Но не менее важно и вовремя уйти. «Точность — вежливость королей и долг всех добрых людей». Это высказывание французского короля Людовика XIV в свое время послужило основой развития этикета в Европе. Но быть точным во времени — это не только дань вежливости. Это и проявление здравого смысла. Опоздаешь на деловую встречу или задержишься в гостях сверх обычно принятого времени, — прежде всего, навредишь самому себе — ведь это собьет график партнера, вызовет у него естественное раздражение, что подспудно может отрицательно сказаться на решении важного для вас вопроса.

Примечателен в плане точности во времени южнокорейский Сеул. Там, если мероприятие назначено на семь вечера, то в шесть сорок пять все участники уже на месте. И там не засиживаются после ужина за кофе, как это частенько бывает

в Москве. Все понимают, что у хозяина, как и у гостей, с утра дела, и к этим делам он должен приступить хорошо выспавшимся. Тем более, что деловая жизнь в Сеуле начинается очень рано, деловой завтрак там зачастую означает именно завтрак — не в час дня, как на Западе или у нас, а в половине восьмого утра, и важные политические вопросы или солидные контракты обсуждаются не за бокалом вина с бифштексом, а за стаканчиком апельсинового сока с яичницей и овсянкой. Сам неоднократно участвовал в подобных беседах за завтраком и даже читал лекции перед представителями деловых кругов — сначала все дружно съедали кашу и омлет, а затем слушали выступление приглашенного оратора.

О женах, окружении и... одиночестве

«Посла никто не должен видеть в майке» — эти слова, услышанные мною в Дипломатической Академии еще в советское время, твердо запали в память. У посла должен быть авторитет.

И здесь нужно сказать о том, какую роль в жизни посла призвана играть его жена. На мой взгляд, посол без жены — это не полноценный посол, хотя, возможно, есть и исключения. И дело не только в том, что важно, чтобы после дня, полного забот и нервов, тебя приветили, приободрили. Но не менее важно, чтобы человеку не позволяли терять формы. Как физической, так и моральной.

Посол, как и любой начальник, весьма одинокий человек. Может быть, даже более одинокий, чем кто-то другой. Начальник в России после работы или на выходные всегда может, завершив дела, поехать к кому-то из близких, поделиться с ними своими проблемами, «отвести душу», и те его поймут, а то и подскажут, что делать, исходя из собственного опыта и положения.

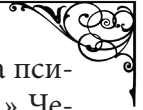
У посла такой возможности нет, ближайший друг находится за сотни, а то и тысячи километров. «Отводить же

душу» с кем-то из подчиненных в посольстве — последнее дело. Любые твои откровения или сомнения обязательно рано или поздно станут общим достоянием коллектива. А начальник всегда должен представлять в глазах коллектива уверенным и целеустремленным, не знающим сомнений лидером. Лишь тогда люди будут четко выполнять его указания.

Вторая причина одиночества посла в том, что значительную часть своей жизни в силу особенностей службы он провел вдали от дома, навещаясь на родную землю лишь во время очередного отпуска, после годичного, а то и более длительного перерыва. И все это время его родные и близкие живут своей жизнью, к которой дипломат имеет весьма косвенное отношение. Дети вырастают, женятся, рожают внуков, а то и разводятся. Старички-родители выходят на пенсию, болеют, потом уходят из жизни. Друзей выгоняют с работы из-за интриг завистников. Но все это происходит как бы в параллельном для тебя мире, ты — далеко, ты не можешь вмешаться в ход жизни тех, кто тебе дорог, ты узнаешь об их новостях из писем или по телефону. Мой египетский коллега как-то сказал: мы, дипломаты — иностранцы за границей, но порой мы становимся чужими в своей собственной стране. Запомнились слова, сказанные братом одного посла на его похоронах: «Ты для нас останешься живым. Просто как бы будешь в новой командировке».

Еще одна причина одиночества посла — это возраст. В послы обычно попадают люди не самые молодые. К этому времени число близких тебе людей сокращается. Кто-то уходит из жизни вообще, а кто-то из твоей конкретной жизни. У тебя сложилась успешная карьера, а, к сожалению, человеческая натура такова, что отнюдь не все близкие тебе люди могут с этим смириться. Как заметил один известный кинорежиссер, успех — это когда у тебя появляются враги, при большом же успехе ты начинаешь терять друзей.

Одиночество накладывает свой негативный след на психику человека. Помните: «им овладело беспокойство...» Человек пытается преодолеть это беспокойство алкоголем, какими-то другими, не самыми здоровыми способами, что неизбежно отражается на его работе. В случае же с послом это может отрицательно сказаться не только на его собственном престиже, но и на престиже страны, которую он представляет. Представьте, что посол некоего государства задерживается местными гаишниками за управление автомобилем в нетрезвом состоянии, и фотография, запечатлевшая его в момент задержания, появляется в газетах. Каким-либо опровержения публиковать бессмысленно — они лишь дополнительно убедят читателей в том, что у посла «рыльце в пушку». Что же касается того, чем предстает в глазах читателей страна, которая смогла найти лишь выпивоху, чтобы представлять свои интересы за рубежом, то здесь, как говорится, комментарии излишни.

Жена дипломата, а тем более посла, должна постоянно быть рядом с мужем. Она — как боевая подруга на фронте. Она должна быть мужу самым близким и самым надежным другом и советчиком, правда, не в решении служебных вопросов. Хотя иногда чисто женским взглядом она может подметить какие-то нюансы в поведении того или иного иностранца из числа тех, с кем ведет дела муж, и подсказать мужу, как лучше дальше строить отношения с этим человеком. Личное обаяние жены посла, установление ею в ходе разных светских мероприятий знакомств с женами крупных местных политиков, влиятельных представителей деловых кругов или видных деятелей мира искусства позволяют существенно расширить круг общения и посла, и сотрудников посольства в целом.

Жена посла — второй после самого посла человек на представительских мероприятиях посольства — приемах, обедах, музыкальных вечерах. Она должна постоянно помнить, что

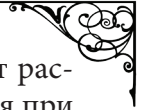

для многих гостей-иностранцев она как бы воплощает собирательный образ женщин своей страны, что по ее поведению судят, насколько привлекательны, образованны и интересны ее соотечественницы.

Поэтому, когда жена посла ведет себя «букой», не следит за своим внешним видом, под разными предлогами отлынивает от участия в протокольных мероприятиях, то она служит плохую службу и своему мужу, и государству, которое послало этого мужа представлять свои интересы за границей.

Я также категорически против того, чтобы жены дипломатов наших посольств работали в каких-то учреждениях государства пребывания, даже преподавателями русского языка в местных университетах. Жена сотрудника посольства, имеющая дипломатический паспорт, пользуется дипломатическим иммунитетом, т. е. среди прочего не платит налогов государству пребывания. Но если она получает зарплату в местном учреждении или коммерческой фирме, она обязана налоги платить, иначе может быть скандал. Подобный скандал произошел с женой одного из не самых последних иностранных послов в Сеуле и стал достоянием прессы, которая мусолила его чуть ли не неделю. Эта дама увлекалась изготовлением женских украшений. Не скажу, что ее изделия отличались какой-либо художественной ценностью. Так, довольно аляповатые броши-плюхи из алюминия или пластика, красная цена которым — не более десяти долларов за штуку. Но в посольство, которое возглавлял муж дамы, ежедневно выстаивалась длинная очередь за визами — для южнокорейцев было престижным получать высшее образование в этой стране. В развитии бизнеса с этой страной были весьма заинтересованы и многие корейские бизнесмены.

Дама, несомненно, обладавшая крепкой деловой хваткой, устроила выставку своих изделий в одном из престижных сельских художественных салонов. При этом, как утверждали злые языки, потенциальным покупателям давали понять,

что при условии приобретения экспонатов, они смогут рассчитывать на режим наибольшего благоприятствования при контактах с посольством. За пару дней дама наторговала на 20 тысяч долларов. Но тут вмешались южнокорейские налоговые органы, и дело получило огласку. Особое негодование выказали соотечественники дамы, многие из которых работали преподавателями языка своей страны в местных школах. Они с возмущением писали в газетах, что получая по пятьсот долларов в месяц, они, тем не менее, платят налоги, а дама, муж которой зарабатывал в разы больше, от налогов уклонялась. Я очень не хотел бы, чтобы кто-то из наших дипломатов оказался в положении мужа дамы-ювелирши.

Вернемся, однако, к тому, как мне видятся задачи жен наших послов. В советское время их, в частности, обязывали работать с женским коллективом. В посольствах и генконсульствах функционировали женсоветы, определявшие, например, кому из жен сотрудников предоставить ту или иную работу, как распределить обязанности по подготовке новогоднего вечера и т. д. Жены послов и генконсулов устраивали чаепития для жен сотрудников.

Конечно, времена изменились. Культура другая, и у жен руководителей, и у жен сотрудников. Не нужно собирать женщин ради того, чтобы заставлять их слушать прописные истины. Но жена посла всегда должна быть примером для остальных женщин посольства — и своим внешним видом, и своим поведением. И должна она показывать этот пример исподволь, не навязчиво. Если это будет достойный пример, ему будут следовать.

Ставить на место иностранных наглецов

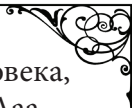
Отнюдь не все, с кем тебе приходится встречаться за рубежом, испытывают горячую симпатию к России и тебе лично. Неоднократно приходилось иметь дело с иностранными наглецами, которые пытались создать неловкую ситуацию

для меня или моих коллег на публичных мероприятиях, где были дипломаты других стран. Вспоминаю эпизод в Дели в начале 1980 г. после введения советских войск в Афганистан.

В нашем посольстве проходил прием по случаю 23 февраля — Дня Советской Армии. Это, кстати, был последний такой прием до вывода наших войск из Афганистана, на котором присутствовали военные атташе стран НАТО. Чувствуя, вероятно, что им затем не скоро придется отведавать водки с икрой, на этот прием пришло очень много сотрудников военного атташата США. Была масса каких-то розовощеких молодцов в мундирах с аксельбантами, какие-то неуклюжие девахи в военной форме с пилотками и т. д.

В то время у нас в посольстве еще были студенты-стажеры из МГИМО. И вот один из обладателей особо пышных аксельбантов привязался к одному из этих стажеров. А в непосредственной близости от них беседовал с каким-то иностранцем советник нашего посольства, который, как выражаются, имел дополнительную ведомственную принадлежность. Естественно, что эта дополнительная принадлежность не афишировалась, но все, включая американцев, о ней прекрасно знали, так же, как и мы знали о том, кто выполняет аналогичные функции в американском посольстве. В ходе беседы с нашим стажером молодец с аксельбантами вдруг начинает тыкать пальцем в сторону советника посольства, нарочито громко, явно стремясь привлечь внимание окружающих, спрашивая у нашего стажера: «Кто этот господин? Кто этот господин?» Парню бы ответить просто: «Это советник нашего посольства господин N», а он что-то засмутился, чем еще больше раззадорил американца. Вижу: надо вмешаться. Подхожу, представляюсь. Спрашиваю у американца: «А Вы кто такой?» Он очень напыщенно отвечает: «I am the Assistant Naval Attache for the Air», т. е. помощник военно-морского атташе по авиации. Но «Air» по-английски, в первую очередь,

означает «воздух». Говорю ему с выражением лица человека, с трудом схватывающего на слух английскую речь: «Ааа... Помощник по воздуху. Значит, эээ... пускаете ветры?». Все стоявшие вокруг, включая американских военных девах в пилотках, громко захохотали. Владелец аксельбантов тихо ретировался.

Интересный случай был и в Сеуле. В столице Южной Кореи во время моей там работы пребывало за сотню иностранных послов. Кроме того, тридцать, а то и более послов были аккредитованы по совместительству в близлежащих Пекине и Токио. Они также наезжали в Сеул для присутствия на общих для дипкорпуса мероприятиях — ежегодном приеме у Президента Республики Корея, торжественном заседании по случаю Дня основания государства 3 октября или параде по случаю Дня освобождения 15 августа.

Отношения между послами в Сеуле были в целом, если не теплыми, то, по крайней мере, внешне доброжелательными и корректными. Естественно, между теми или иными государствами порой возникали какие-то разногласия, трения, конфликтные ситуации. Все послы, однако, следовали определенной этике: раз ты аккредитован в Республике Корея, то твое дело — заниматься вопросами отношений своего государства с Республикой Корея, а не лезть с публичными выпадами в адрес третьих стран, которые по каким-то причинам вызывают аллергию у тебя самого или у руководства твоего государства. Однако всегда и везде найдется кто-то, кому обязательно нужно «высунуться», даже если есть риск стать посмешищем. В Сеуле в такой роли выступил польский посол. Расскажу по порядку.

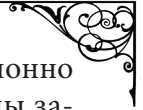
Проходил очередной раунд шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП) с участием представителей двух корейских государств, Китая, России, Соединенных Штатов и Японии. Вновь прибывший польский коллега во время протокольного визита

ко мне заинтересовался моим видением перспектив решения этой проблемы. Улыбчивый и очень хорошо говоривший по-русски, он произвел на меня благоприятное впечатление, и я подробно поделился своими соображениями, отметив, что решение может быть действенным лишь в том случае, если будут учтены интересы безопасности всех причастных к данной проблеме сторон, что нужны гибкость в подходах и поиск определенного компромисса.

Через несколько дней в ведущей сеульской газете на английском языке вижу интервью, которое хорошо известный мне местный журналист взял у моего недавнего собеседника по случаю начала его работы в Сеуле. Коснувшись мельком вопросов польско-южнокорейской торговли, в которой не наблюдалось особых прорывов, польский коллега остальных три четверти интервью посвятил рассказу об угрозе безопасности Польши со стороны России. Он заявил, что на Польшу-де нацелены тысячи российских ракет, и поэтому единственный выход для его страны — разместить у себя элементы американской системы Противоракетной обороны (ПРО). Он настоятельно рекомендовал южнокорейцам не слушать русских, потому что все разговоры русских о каких-то взаимоприемлемых решениях, будь то по ЯПКП или по другим вопросам — это лишь дымовая завеса, призванная усыпить бдительность жертв будущей агрессии. Иными словами, друзья-корейцы, поступайте, как мы, поляки, — прячьтесь под американский зонтик и пошлите подалее эти шестисторонние переговоры, на которых активничают русские, да и самих русских.

Я решил ответить поляку через ту же газету, тем более, что с ее издателем у меня были в целом неплохие отношения. В опубликованном на следующий день «письме редактору» поблагодарил польского посла за разъяснение им причин, по которым США планируют разместить объекты своей ПРО в Польше. Отметил, что нас в России, как

и наших партнеров в Европейском Союзе, традиционно убеждали в том, что подобного рода объекты призваны защитить Европу и США от ракетных атак «государств-изгоев», таких как Иран и Северная Корея. Польский же коллега говорит о том, что задача американской системы ПРО — защитить Польшу от нацеленных на нее «тысяч российских ракет». Поинтересовался, откуда у него сведения об этих ракетах — нигде и никогда подобной информации не публиковалось. Высказал пожелание услышать реакцию коллег из США и других стран НАТО на трактовку вопроса о ПРО польским послом. Касаясь высказываний поляка по вопросу шестисторонних переговоров, подчеркнул, что ни одна из международных договоренностей не может быть достигнута без компромисса. А с учетом этого, заявления типа тех, которые делает польский посол, чья страна к переговорам по ядерной проблеме Корейского полуострова неприсутствует, вредны в условиях, когда шесть участников переговоров прилагают максимум усилий для решения проблемы, несущей острую угрозу региональной, и не только региональной, безопасности.

Мой ответ поляку был с интересом встречен и в дипкорпусе, и в МИД Южной Кореи. Еще больший резонанс письму придало то обстоятельство, что по каким-то неведомым мне, но, полагаю, чисто техническим причинам, газета его напечатала в двух номерах в разных разделах. Над поляком откровенно смеялись. Думаю, что и от американских коллег он получил нагоняй за свою безответственную болтовню. В итоге он написал мне повинное письмо, в котором утверждал, что сам он-де никаких антироссийских заявлений в интервью не делал, а все сочинил корейский журналист. Надо сказать, что впоследствии южнокорейские журналисты не баловали польского коллегу своим вниманием.

Часть вторая

Делегации, делегации...

Одна из важнейших сторон работы посла — обеспечение приема делегаций из России. Работа с делегациями была отнюдь не проста. Не раз вспоминал я слова одного из своих наставников на дипломатическом поприще: «Приемы дипломатии внешней освоить непросто, но гораздо сложнее и важнее для сотрудника Посольства освоить приемы дипломатии внутренней».

Расскажу о первом своем опыте на этот счет в Южной Корее, который отразил многие моменты, характерные и для других случаев. Речь идет о визите В. В. Путина в Пусан в ноябре 2005 года. Президент России должен был участвовать в саммите АТЭС совместно с руководителями двадцати других государств и территорий Азиатско-Тихоокеанского региона, включая США, Китай, Японию и др.

За саммитом АТЭС, сразу же по его завершении, следовала российско-южнокорейская встреча на высшем уровне. Поэтому подготовка с российской стороны шла по сути к двум мероприятиям — международному и двустороннему, которые были объединены участием В. В. Путина в них обоих. Это серьезно осложняло работу. При всем уважении к России и ее руководителю южнокорейская сторона не могла пойти навстречу нашим пожеланиям по организационным моментам в столь же широком объеме, как при проведении отдельного визита. А данное обстоятельство, к сожалению, не всегда понимали те, кто занимался визитом Президента в Москве, давая иногда Посольству заведомо невыполнимые поручения.

С нашей стороны не были готовы принять во внимание и некоторые особенности южнокорейского протокола. Приведу показательный пример. При обсуждении порядка

проведения двусторонних переговоров на высшем уровне прибывшие из Москвы российские протокольщики настоятельно поставили вопрос о том, чтобы в состав участников этих переговоров были включены сопровождавшие В. В. Путина представители российского бизнеса. Южнокорейская сторона такую перспективу решительно отклонила, заявив, что по принятым в их стране правилам за столом переговоров с главой иностранного государства рядом с президентом их страны могут сидеть лишь официальные лица — южнокорейский посол в соответствующем иностранном государстве, министры, государственные чиновники, но не представители частных структур. После продолжительных споров договорились о том, что за стол переговоров с обеих сторон сядут только официальные лица, а российские бизнесмены разместятся на стульях, поставленных у стены позади российской официальной делегации. Южнокорейские же бизнесмены на переговорах отсутствовали.

Подобная практика применялась в дальнейшем корейцами и при визитах других крупных российских официальных лиц, которых сопровождали представители бизнеса. В чем причина нежелания корейцев сажать своих бизнесменов за столом переговоров рядом с президентом страны? Думаю, во-первых, в стремлении показать всем, и прежде всего южнокорейским избирателям, что верховная власть — это одно, а деловая элита — нечто другое, и государственные интересы страны — шире, чем интересы отечественного бизнеса. Вторая же причина, на мой взгляд, просто в том, что если в России можно обязать того или иного олигарха присутствовать на каком-то мероприятии, ибо деловой успех каждого из них напрямую зависит от благосклонности российской власти, то в Корее дело обстоит несколько по-другому. Кто-то из тамошних олигархов может и заартачиться, отказаться, а любой отказ властям всегда неприятен.

Пусан, второй по значению город Южной Кореи, находится в пяти часах езды от столицы страны Сеула. Пришлось всем Посольством на десять дней перебраться туда, оставив в Сеуле лишь заведующего консульским отделом с помощником. Нам было, правда, легче, чем другим Посольствам — у России, как у Китая и Японии, в Пусане есть Генеральное консульство, хотя и малочисленное: в 2005 году там работало всего три человека. А каково было Посольствам всех остальных государств, руководители которых прибыли на саммит АТЭС?

Трудности, однако, были и у нас. Но не с корейскими хозяевами — те тогда показали себя молодцами: организация саммита, обслуживание делегаций были близки к безупречным. Проблемы были с российскими гостями. В связи с большим наплывом иностранцев в Пусан на саммит АТЭС число членов каждой официальной делегации было заранее обговорено, и в соответствии с этим организаторами выделялось на делегацию в заранее же обусловленной гостинице в районе проведения саммита строго согласованное число гостиничных номеров определенной категории (руководителю — «люкс», министрам — «полулюксы», остальным — двойные или одинарные номера), определенное число автомобилей и т. д. Однако ряд членов делегации и особенно сопровождающих лиц ну о-о-очень высокого уровня заранее потребовали проявления к себе повышенного внимания: и номера им нужны были не меньше, чем «полулюксы», и вид из окна — обязательно на океан, и каждому, непременно на целый день — отдельный сопровождающий со знанием корейского языка и автомобилем. Причем было ясно, что все эти «понты» просто от того, что людям больше нечем было себя занять — работал на саммите АТЭС и в ходе переговоров с Президентом Республики Корея Но Му Хёном прежде всего сам В. В. Путин, отдельные двусторонние вопросы решал с корейцами в Пусане кое-кто из министров, для

остальных же российских ВИПов Пусан был просто местом очередной «тусовки».

Кроме того, в дополнение к официальным сопровождающим лицам сразу же возникло множество неофициальных — всяких помощников и референтов, а также прочего «офисного планктона», который в обычное время состоит при начальстве в положении «чего изволите?», а здесь «на выезде» сам пытался выставить себя в глазах наших сотрудников и корейцев «начальством из Москвы».

Так что приходилось и «внутреннюю дипломатию» в отношении высоких гостей проявлять, и ставить на место зарвавшийся «планктон». А «планктон», кстати, временами бывал отнюдь не безобиден. На этот счет — такой эпизод. За несколько дней до визита в Посольство прибыла подготовительная группа из Москвы. В ее составе была некая дама, облаченная в короткую маечку, какая, наверное, вызвала бы восхищение Зины из песни Высоцкого, и в белые брюки-капри в очень крупную клетку. Эта клетка придавала как бы особый вес той части тела дамы, которую французы называют элегантным словом «derriere». Дама настоятельно попросила меня дать ей ознакомиться со всеми справками по Корею и двусторонним российско-корейским отношениям, которые Посольство за последний год направляло в Москву. На мой вопрос, зачем это ей нужно, дама ответила, что она собирает материал для подготовки выступлений президента, и наши справки необходимы ей, чтобы «войти в тему». Я ответил, что выдать ей материалы Посольства не могу, поскольку они носят служебный характер, а для знакомства с корейской спецификой предложил по меньшей мере три книги из своей библиотеки. Дама решительно отказалась от книг и удалилась, возмущенно качнув клетчатым «derrier»-ом.

Через полчаса в моем кабинете раздался телефонный звонок. Очень уважаемый мною начальник из МИДа доброжелательно поинтересовался, как идут дела, и после моего

рассказа как бы невзначай порекомендовал быть по возможности внимательней к обращениям членов подготовительной группы. Дама действовала очень оперативно: выйдя от меня, сразу же позвонила по «мобиле» своему начальству в Москву, а то, в свою очередь, не преминуло тут же, но уже по спецсвязи сообщить в МИД, что Посол-де отказывает в помощи сотрудникам Администрации Президента.

Удивляло, что никто из глав высокопоставленных делегаций, посещавших Сеул, включая нашего собственного министра, не высказывал пожелания посетить Посольство, встретиться с руководителями российских учреждений в Южной Корее, послушать их, рассказать о своем видении острых вопросов. Да и со мной, с Послом, все беседы были какие-то отрывочные, на ходу, все всегда куда-то спешили, а потом оказывалось, что в бассейн или на массаж, и все время говорили по мобильнику, как — будто в Москве не могли наговориться. Причем по тону доносившихся до меня порой таких разговоров, прерывавшихся взрывами хохота, было ясно, что речь в них шла отнюдь не о государственных делах. А потом до меня дошло: да им просто нечего было нам сказать. Окончательно я убедился в этом после того, как мне в единственный раз удалось вытащить на встречу со старшими дипломатами Посольства прибывшего к нам первого заместителя министра иностранных дел. Поразительно, что выступая перед работающими в Сеуле людьми около часа, этот человек ухитрился по сути ничего не сказать о российско-южнокорейских отношениях, не задать людям ни одного вопроса и не дать никакой оценки нашей работе.

Среди визитеров из Москвы вспоминаю одного еще довольно молодого, но уже изрядно располневшего — до задыхания при ходьбе и порядком оплешивевшего мужчину. Его ведомство отнюдь не играло ведущей роли в российско-южнокорейском сотрудничестве, но он тем не менее, проторчал у нас добрую неделю. В Сеуле он непрерывно хандрил

и нудил: и погода, дескать, не та — вот только что было солнце, а вдруг дождь полил, и на дорогах пробки, будто бы в Москве дождей и пробок нет (хотя в Москве он, пожалуй, ездил с «мигалкой»). Единственное, что, похоже, могло на время приостановить его нытье, была еда. Он все время искал, что бы съесть этакое необычное. Невольно подумаешь: ведь в свое время, поди, с аппетитом уплетал в питерском университетском общежитии «под портвешок» разложенную на газетке колбаску «за два-двадцать», а сейчас, видишь ли, для него жизни нет, если на обед не будет какого-нибудь «ризотто из каракатицы».

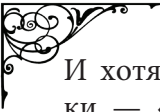
* * *

За четверть века, проведенную в советских, а затем российских посольствах на Востоке — в Индии, Мьянме и Южной Корее, было немало интересных встреч с разными людьми. О некоторых случаях из своей заграничной жизни мне хотелось бы рассказать в этих записках.

Встреча на индийской дороге

На Индию у меня пришлось одиннадцать лет. В семидесятых-восемидесятых годах служил в Посольстве в Нью-Дели, в первой половине девяностых был Генеральным консулом России в Бомбее. Много ездил по стране на машине сам за рулем, что во многом приоткрыло мне дверь в мир индийских дорог и его обитателей.

Цари этих дорог — шоферы-дальнобойщики. Они выполняют свою миссию, перемещаясь по просторам родины на ярко раскрашенных грузовиках-мастодонтах, испещренных, с одной стороны, весьма красноречивыми обращениями за покровительством к богам той религии, к которой принадлежит владелец грузовика, а, с другой, — не менее выразительными проклятиями в адрес его недоброжелателей.

И хотя подавляющее большинство грузовиков одной марки — «Тата», внешне каждый из них заметно отличается от своих собратьев — не только надписями и картинками на кузове, но и формой самого кузова, а то и кабины водителя. В Индии грузовики часто выходят с завода в «базовой комплектации» — мотор и шасси, и покупатель по собственному вкусу доделывает все остальное.

Индийские грузовики удивительно живучи. Смотришь, и дверь у него на веревочке, и покрышки стерты чуть ли не до корда, а ведь выскочит на относительно свободный участок шоссе и мчит со скоростью за сто км в час. Но такая возможность выпадает редко. В перенаселенной Индии дороги часто проходят по населенным пунктам. Стиснутые домами и сутолокой бесконечного базара, машины ползут со скоростью божьей коровки в едином, крайне плотном потоке с такси-мотороллерами и воловьими и верблюжьими упряжками. В моей памяти навсегда, наверное, осталось преодоление пригородов крупного промышленного центра Северной Индии — Канпура, когда я, зажатый с четырех сторон самыми невероятными участниками движения, в течение, пожалуй, часа ехал впрытик за грузовиком, следя за вращением его абсолютно лысых задних сдвоенных колес, между которыми торчал весомый кусок кирпича, готовый в любой момент влететь в мое ветровое стекло.

Но я никогда не скажу недоброго слова в адрес индийских дальнбойщиков, потому что на своем опыте испытал, что они — люди доброжелательные и отзывчивые.

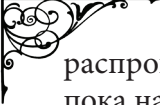
Дело было в 1976 или 1977 году. Есть в Индии город Хардвар, название которого переводится с санскрита как «врата в царство господ». Это самый северный из сакральных городов Индии. Здесь священная река Ганг вырывается из узкого горного ущелья на долину; здесь отпечатались следы ног бога Вишну; здесь индусы-пилигримы стремятся духовно очиститься, прежде чем тронуться в путь к другим

священным местам Гималаев, здесь каждые 12 лет проводится самый большой индуистский фестиваль — Кумбха Мела — Праздник Кувшинов.

Но сегодня город знаменит не только этим. В соответствии с установкой первого премьер-министра независимой Индии Джавахарлала Неру храмами новой Индии должны были стать крупные современные государственные предприятия ведущих отраслей промышленности. И с 1964 года близ Хардвара работает принадлежащий государственной компании БХЭЛ завод тяжелого энергетического оборудования, построенный при техническом содействии СССР.

Моя командировка в Хардвар преследовала две цели. Во-первых, там проводился съезд Всеиндийского конгресса профсоюзов, которому я должен был передать приветствие от его советского собрата ВЦСПС. Во-вторых, нужно было посетить коллектив советских специалистов, работавших на заводе БХЭЛ, познакомиться с условиями их труда и быта, передать почту, рассказать о новостях — спутникового телевидения и Интернета тогда не было.

Расстояние от Дели до Хардвара чуть больше двухсот километров. Дорога по индийским стандартам в целом неплохая, и, выехав из Дели на своем верном «жигуленке» ВАЗ-2003 после завтрака, к обеду я уже был на месте. За два дня закончил все дела, на третий день сразу после обеда должен был отъехать в Дели. Тут, однако, была одна тонкость. Примерно на четверти пути от Хардвара дорога километров на двадцать углублялась в плантации сахарного тростника, который уже вошел в пору зрелости, крепкие стволы высотой за два метра стояли сплошной стеной по обе стороны дороги. Опытные хардварцы рекомендовали преодолевать данный участок исключительно в светлое время суток и на максимальной скорости, ибо бывали случаи разбойных нападений на проезжавшие автомобили. Но выехать в светлое время у меня не вышло. Сначала никак не мог

распрощаться с профсоюзниками, потом пришлось ждать, пока на БХЭЛ подпишут какой-то документ, который нужно было обязательно передать в аппарат экономсоветника при Посольстве. В общем выехал я где-то около семи вечера, когда на индо-гангскую равнину легла густая ночная мгла. Я радостно мчался в этой мгле по абсолютно пустой дороге, пока после двух или трех километров сахарных плантаций у меня не спустило колесо. По неопытности я не взял с собой автомобильной лампы, и пришлось действовать в полной темноте. Две или три легковых машины, которых я пытался остановить, чтобы посветить мне, лишь прибавили скорости. Их водители, очевидно, как и я, были в курсе, что здесь «шалят».

И вот тут подъехал с большой выдумкой разрисованный грузовик, в кабине которого сидело три человека неопределенного возраста в грязноватых тюрбанах с трехдневной, не меньше, щетиной и красными от бетельной жвачки редкими зубами. Вышли, поинтересовались, в чем дело. Мобилизовав свое знание языка хинди, я попросил их посветить мне, чтобы дать возможность сменить колесо. Они поступили иначе. Один полез куда-то в кузов грузовика, и через минуту мой жигуленок оказался окруженным крошечными плосечками с горящим маслом. Другой с презрением заменил жигулевский домкрат своим пирамидальной формы домкратом с грузовика. Третий тут же стал откручивать гайки. Замена колеса произошла почти мгновенно и беззвучно.

У меня с собой была пачка красных двадцатирупийных банкнот. На двадцать рупий тогда в Индии можно было пообедать, а на сорок купить большую бутылку джина. Думаю, дам каждому по двадцатке, все-таки они меня здорово выручили. Но старший водитель от денег категорически отказался. Спрашиваю: «Почему? Если нужно еще, я добавлю». Он отвечает: «Мы не возьмем от Вас денег. Вы — плохой человек, все меряете деньгами. Мы Вам помогли, но, окажись мы в беде, Вы бы ничего делать не стали, потому что знаете, что у нас денег нет».

— Но как я могу отблагодарить Вас?

— Просто обещайте, что если когда-нибудь мы встретимся на дороге, и нам будет нужна помощь, Вы поможете.

Советские сигареты «Ява» они в подарок приняли. Мы пожали друг другу руки и поехали каждый своим путем в ночной мгле среди сахарных плантаций на дороге Хардвар-Дели.

Как важно знать иностранные языки

В Индии говорят на 447 различных языках. В Конституции Индии оговорено, что хинди и английский — два языка работы национального правительства, то есть государственные языки. Кроме того, представлен официальный список из 22 языков, которые могут использоваться правительствами индийских штатов для различных административных целей.

В Бомбее вся официальная переписка нашего Генконсульства с местными властями велась на английском. Вместе с тем отдельные муниципальные ведомства присылали счета за коммунальные услуги, скажем, электроэнергию и воду, на принятом в штате Махараштра языке маратхи. Счета эти выписывались на адрес и на имя Генконсульства, их формы и соответствующие показатели были известны, и я как генконсул не имел никаких колебаний, подписывая ежемесячные чеки на их оплату. Однако где-то месяца через четыре после моего приезда в Бомбей бухгалтер Генконсульства принесла мне несколько необычный муниципальный счет на маратхи на в общем-то небольшую сумму, равную примерно десяти долларам, выписанный на адрес Генконсульства, но без указания его названия. Я поинтересовался, за что этот счет. Бухгалтер ответила, что точно не знает, но такие счета приходят один раз в год, и Генконсульство всегда прежде их оплачивало. Меня насторожило, что среди текста на маратхи присутствовало три сокращения из латинских букв с цифрами, внешне напоминавшие автомобильные номера. Поскольку никто в Генконсульстве языком маратхи не владел, я послал

одного из сотрудников в тогда еще советский Бомбейский культурный центр с просьбой к тамошней преподавательнице русского языка Суните Дешпанде, маратхке по национальности, прояснить природу таинственного счета. Выяснилось, что счет представлял налоговое уведомление на три автомобиля, принадлежавшие вдовствующей правительнице княжества Раджпипла, у которой в 1961 г. Советское правительство приобрело особняк для размещения Генконсульства. Особняк вдовствующей княгини был давно снесен, уже несколько лет на его месте стояло новое многоэтажное здание Генконсульства, но автомобили, наверняка сгинувшие лет за двадцать до этого, числились по прежнему адресу, и Генконсульство СССР стабильно платило налог за них Бомбейскому муниципалитету. Естественно, после выяснения всех обстоятельств дела подобные платежи были прекращены.

Второй случай, когда сотрудников Генконсульства подвело невнимание к документам на индийских языках, был более забавного свойства. В Генконсульстве служил шофер-индиец по имени Рохинтон или, как его звали русские, Ройтон. Это был человек необычный уже тем, что, будучи выходцем из общины огнепоклонников-зороастрийцев, служил простым водителем, в то время как парсы, как в обиходе называют в Индии выходцев из Ирана зороастрийцев, физическим трудом обычно не занимаются — это бизнесмены, университетские профессора, врачи, журналисты.

Я регулярно совершал объезд своего консульского округа, сначала с русским шофером, но потом его ставку сократили, и в очередную поездку пришлось отправиться с Ройтоном. Командировка была рассчитана на неделю, предстояло проехать полторы тысячи километров и посетить пять городов — Насик, где расположен авиазавод, производящий военные самолеты по российской лицензии, Индор, Бхопал, Джабалпур и Нагпур. Везде были запланированы встречи с местными властями, деловыми кругами, лекции в университетах. Стран-

ности в поведении Ройтона проявились уже в первый вечер во время остановки на авиазаводе в Насике. Во время торжественного ужина с руководством завода ко мне подошел секретарь директора и сказал, что Ройтон, которого кормили отдельно, просит выпить. Я в шутку ответил, что не возражаю, но чтобы все было в разумных пределах. Утром, однако, наш водитель был откровенно плох. То разгонялся за 100 км по разбитой дороге, то едва не засыпал за рулем. В какой-то деревне попросился остановиться, дескать, ему нужно пожевать бетеля для бодрости, куда-то исчез и вернулся заметно оживившимся. Вечером, когда мы ужинали у президента местной торговой палаты в Индоре, он выпил уже без моего ведома. На следующий день я имел с ним серьезный разговор, он обещал ни капли спиртного не пить, но, тем не менее, вечером «набрался в дым», и мне чудом удалось отобрать у него ключи от представительского «Мерседеса», когда он предлагал гостиничной службе покатасть их на нем по городу. Пришлось шофера-выпивоху отправить на поезде в Бомбей, вызвав ему на замену из Бомбея завхоза Генконсульства.

Вернувшись из командировки, я, естественно, Ройтона с треском выгнал. Поинтересовался, однако, у вице-консула, ответственного за индийский персонал, и бухгалтера, замечались ли за ним прежде запои. Все отвечали, что нет, не замечались, правда, практически ежемесячно он «бюллетенил» по три-четыре дня, но всегда приносил справки от врача. Говорю: Покажите мне эти справки. Приносят. Все вроде в порядке, бланк врача с красным крестом и полумесяцем, но сама справка о характере заболевания — на языке гуджарати, которым в Бомбее пользуются наряду с маратхи. Пришлось опять послать гонца в культурный центр к уже упомянутой Суните. Она весело сообщила, что справки эти были выданы в женской клинике о том, что неким дамам были сделаны аборты. Подписаны они были врачом-парсом, единоверцем Ройтона.

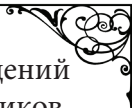
Много шума из ничего

Осенью 1994 года на западе Индии произошла вспышка заболевания, которое официально было признано легочной чумой, хотя многие эксперты до сих пор не согласны с такой оценкой. Центром этой вспышки был промышленный и портовый город Сурат с населением порядка 2,5 млн. чел., расположенный примерно в 270 км к северу от Бомбея, где я тогда был Генеральным консулом России. Первые же сообщения о том, что речь идет о чуме, вызвало массовую панику среди населения Сурата, когда в течение всего лишь двух дней город покинуло 300–400 тыс. жителей. Свою роль в нагнетании паники сыграли индийские и иностранные СМИ, запустившие в оборот резко преувеличенные цифры смертных случаев. Когда информационная пыль осела, выяснилось, что, согласно окончательным официальным данным, общее число жертв эпидемии составило 52 человека.

Панические настроения достигли и Бомбея, тем более, что у многих бомбейцев в Сурате были родственники и деловые интересы. Местные власти, однако, старались гасить панику информацией о профилактических мерах и никаких чрезвычайных действий не предпринимали. Такая позиция в целом себя оправдала — в Бомбее было выявлено лишь трое заболевших.

Российские граждане, находившиеся на территории Бомбейского консульского округа, также были взволнованы «чумным ажиотажем». В Сурате, к счастью, наших граждан не было. Всем остальным я как генконсул дал указания не паниковать, соблюдать гигиенические требования, не посещать Сурат и его окрестности и вообще по возможности воздержаться от поездок по стране, продолжать нормальную работу и о случаях любых заболеваний немедленно информировать генконсульство.

Большинство людей отреагировало на возникшую обстановку спокойно. Но раздавались и требования немедленной

эвакуации всех сотрудников на родину. В паре учреждений руководители распустили по домам индийских дворников. Напряженная обстановка сохранялась недели две, и мы пережили ее в общем благополучно — в Бомбейском консульском округе, как, впрочем, и по всей Индии, никто из русских чумой не заболел. Наше хорошее настроение, однако, неожиданно нарушило сообщение по телеканалу «Россия» о том, что обнаружился первый заболевший бубонной чумой российский гражданин — матрос принадлежавшего Дальневосточному морскому пароходству сухогруза «Елена Стасова», следовавшего из Бомбея в Коломбо. Поохали, поохали, посочувствовали больному, но в конечном счете успокоились: больной из Бомбея уже убыл и в любом случае здесь никого не заразит. Однако через три недели ко мне в кабинет с перекошенным от ужаса лицом ворвался представитель «Совфрахта». Нервно комкая в руках какой-то листок, он доложил, что это радиограмма с «Елены Стасовой» о предстоящем в ближайшие дни ее возвращении из Коломбо в Бомбей все с тем же чумным больным на борту. Совфрахтовец особенно выделял описание состояния больного: «температура 37,8, вспухшие лимфатические узлы, из которых сочится жидкость светло-розового цвета» и т. п. У меня эта радиограмма вызвала откровенное удивление. По всем источникам, судьба заболевшего бубонной чумой обычно решается в течение недели — или при надлежащем лечении человек выздоравливает, или наблюдается летальный исход. А тут более трех недель больной плавает по морям в относительно стабильном состоянии и в полном сознании при повышенной температуре и вспухших лимфатических узлах.

Звоню нашему послу в Коломбо, спрашиваю, как там обстояло дело с «Еленой Стасовой». Посол сообщает, что больного осматривал местный ланкийский врач, признал чуму, никто из сотрудников посольства, включая врача, опасаясь заражения, на пароходе не был. Связываюсь с нашим

посольством в Дели — там находились какие-то важные эксперты-инфекционисты из Москвы, прибывшие в Индию в связи со «вспышкой чумы». Предлагаю им прибыть в Бомбей, чтобы обследовать больного с «Елены Стасовой». Эксперты категорически отказались под предлогом нехватки времени, им-де нужно было «работать с документами, предоставленными индийской стороной». Принимаю решение на месте — определить матроса в Бомбейский портовый госпиталь, если болен чумой, оставить там на лечении, если опасности для окружающих не представляет, отправить на родину самолетом. В Бомбее чумы у матроса не обнаружили, и он улетел в Москву. Там в инфекционной больнице у него быстренько выявили запущенный сифилис.

Свой своя не познаша

В Мьянме Управление высокого комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR-УВКДБ) осуществляло программу т. н. реабилитации, а попросту помощи рохингам. Это — мусульмане, этнические бенгальцы, которые, однако, постоянно жили в Мьянме близ бангладешской границы. В силу некоторых причин, которые к моему рассказу не относятся, в начале 1990-х большое число рохингов перешло из Мьянмы в Бангладеш, что вызвало неудовольствие последней, та пожаловалась в ООН, Мьянма вынуждена была принять рохингов назад, а УВКДБ начало уже упомянутую программу. Был разбит лагерь в труднодоступной местности в джунглях, туда привезены многочисленные эксперты из разных стран от Австрии и Австралии до Гватемалы и Малави, которые стали учить рохингов сажать картошку, торговать рисом и бобами и копать ирригационные каналы, что они как сельские жители и прежде прекрасно умели. На программу, освященную авторитетом ООН, были выделены немалые деньги, которых, однако, постоянно не хватало. Это было вполне объяснимо, поскольку все задействованные в проекте лица

помимо того, что получали какие-то невероятные базовые оклады, пользовались частыми оплаченными отпусками в любом конце света и многими другими дополнительными привилегиями. Поэтому возглавлявший программу пробивной итальянец время от времени организовывал поездки в джунгли аккредитованных в Янгоне иностранных послов. Те должны были убедиться, насколько эффективно он работает и ходатайствовать перед правительствами своих стран о выделении на программу дополнительных денег.

Я был в такой поездке только единожды, как-то сразу убедив себя, что данная программа не стоит того, чтобы тратить на нее российские деньги. Но поездка запомнилась — и своеобразием местности, где программа осуществлялась, и тем забавным эпизодом, о котором хочу рассказать.

Участники программы в джунглях месяцами варились в собственном соку, и, похоже, к нашему приезду успели изрядно поднадоесть друг другу. Поэтому они были искренне рады пообщаться с людьми с «большой Земли». В нашу честь был устроен очень дружеский ужин с обильным спиртным. Рассевшись за столами, люди знакомились, искали соотечественников. Русских среди присутствовавших не оказалось, но со мной активно вошел в контакт на безукоризненном русском языке достаточно молодой доброжелательный человек несколько необычной африканской внешности. Он оказался эфиопом, выпускником факультета международных отношений Киевского университета, куда был направлен на учебу в середине восьмидесятых тогдашним правительством Эфиопии во главе с Менгисту Хайле Мариамом. К моменту окончания университета моим собеседником в 1991 году произошли два события, круто изменившие его жизнь. Во-первых, был свергнут режим М.Х. Мариамы в Эфиопии, что лишило его возможности возвращения на родину, а, во-вторых, распался Советский Союз, заботившийся о студентах из дружественных стран «третьего мира».

Незалежная Украина не нуждалась в эфиопе — эксперте по международному праву, и в течение полутора лет ему пришлось перебиваться в Киеве с хлеба на квас, пока на него не вышли кадровики ООН.

Эфиоп оказался им крайне необходим в Грузии, где разворачивался грузино-абхазский конфликт, для урегулирования которого ООН формировала специальную миссию. Желающих ехать в эту миссию было немного, ведь в Абхазии стреляли, и не было доступа к Интернету. А эфиоп из Киева был идеальным кандидатом — выходец из нейтральной развивающейся страны, свободно владеющий русским языком, необходимым для общения со сторонами конфликта и представителями Российской Федерации, да еще и имеющий диплом по международному праву. Начальником моего собеседника в миссии ООН в Грузии был швед, которому знающий и расторопный помощник настолько пришелся по душе, что тот постарался обеспечить ему не только направление в следующую командировку по линии ООН — на этот раз в Мьянму, но и шведский паспорт.

Мне этот человек искренне понравился. Было видно, что он рад возможности поговорить по-русски, что он высоко ценит знания, которые дала ему учеба в Киеве, что он по-доброму вспоминает время, проведенное в СССР, и отношение к нему советских людей. В разгар беседы к нашему столу подошел новый гость, советник Посольства Швеции в Бангкоке. У шведов тогда не было посольства в Янгоне, в Мьянме был по совместительству аккредитован их посол в Таиланде. Присоединившийся же к нам человек был заместителем главы миссии и, занимаясь мьянманскими делами, довольно часто бывал в Янгоне, где имел репутацию полного балбеса. Но люди, сидевшие за нашим столом в джунглях, были «не в теме» и радостно приняли пришельца в компанию. Шведскому советнику представились австриец, австралиец, сингапурка, голландка. Подошел черед и моего собеседника.

Он протягивает руку и говорит: «Я — швед». Бангкокский швед смотрит на него «как в афишу коза» и спрашивает: «Как это швед?».

Далее диалог двух подданных шведского короля развивался следующим образом:

Эфиоп: «Да вот так, швед».

Бангкокский швед: «Но Вы не похожи на шведа».

Эфиоп: «Почему?»

Бангкокский швед: «Вы сами прекрасно знаете, почему».

Эфиоп: «Вы имеете в виду, что шведом может быть лишь голубоглазый блондин?».

Бангкокский швед: «А Вы как считаете?»

Эфиоп: «А я считаю, что Вы — расист, и больше с Вами разговаривать не буду. Я — швед, и вот Вам мой шведский паспорт».

После демонстрации принадлежащего выпускнику Киевского университета шведского паспорта с тремя коронами все присутствовавшие здорово посмеялись, а «бангкокскому балбесу» не оставалось ничего, кроме как удалиться за стол в самом дальнем углу площадки.

Дипкорпус не всегда един

В столице Мьянмы Янгоне, где я был Послом России с 1997 по 2001 г., на постоянной основе находились всего 27 иностранных посольств. Общение с мьянманцами в силу того, что у власти в стране в то время стоял военный режим, было весьма ограниченным и носило исключительно официальный характер. Поэтому послы тесно общались между собой, встречаясь практически через день почти полным составом на ланчах — обедах или диннерах — ужинах, где обменивались разного рода слухами об обстановке в стране и строили прогнозы на будущее.

Вместе с тем в отдельных случаях в дипкорпусе происходило четкое размежевание, продиктованное характером двусторонних отношений того или иного государства с Мьянмой. Наиболее показательным это было в день празднования Тинджана — мьянманского Нового года, который, как правило, выпадает на середину апреля. Тинджан — Водный фестиваль, его отличительная черта — повсеместное и массовое обливание водой в знак смывания грехов минувшего года. К празднованию Тинджана в каждом районе Янгона и других городов сооружают сцены из бамбука и дерева. На них группируется народ самого разного возраста и социального положения — и дети-дошкольники, и солидные седовласые матроны, оснащенные самыми разными сосудами и приспособлениями — от чашек и ведер до домашних клизм и садовых шлангов, из которых они обливают всех проходящих и проезжающих, желая им счастья в наступающем году.

Для дипкорпуса празднование Тинджана начиналось на газоне во дворе скромного здания МИД Мьянмы, где каждого прибывающего главу дипмиссии с женой встречали радостно улыбавшиеся министр с женой, перед которыми стояла большая бочка с водой, где плавали кусочки льда. Министр лично черпал кружкой воду из бочки и обливал дипломата и его жену с ног до головы, а тем, кому особенно симпатизировал, еще и своей рукой ласково клал кусочек льда за шиворот. При этом щедро разливались виски и прочий алкоголь, надаренный за год мьянманским мидовцам иностранными послами, всюду гремел мидовский самодеятельный рок-ансамбль, и все гости, «приняв на грудь», охотно пускались в пляс. На этом этапе празднования присутствовали главы всех миссий, включая главных недоброжелателей тогдашнего мьянманского военного режима — американца и англичанина.

Затем дипломатов в специальных автобусах перемещали к очень импозантному зданию янгонской мэрии, перед

которым уже толпились тысячи жителей столицы. Обливанием дипломатов, в т. ч. из пожарного шланга, занимался теперь мэр, а чтобы они не переохладились, раздавали стаканами очень хороший мьянманский ром и импортный коньяк. Звучала пронзительная музыка, каждый район города и каждая муниципальная служба выставляли свою команду девушек в необычайно ярких нарядах, которые согласованно выполняли очень пластичные танцевальные па. На этом этапе иностранцев кормили обедом, но тут все замечали, что, скажем, натовцев среди присутствовавших уже не было.

Заканчивались празднества для послов на газоне Министерства внутренних дел, где также были выпивка и выступления полицейской девичьей самодеятельности. Каждую из групп в качестве заботливого доброжелательного хозяина представлял дипломатам сам министр: «Вот это ансамбль автоинспекции, это — девушки из внутренних войск, это — художественный коллектив тюрьмы Инсейн». Министру было чем гордиться. Все девушки — участницы празднования Тинджана на газоне МВД были писанные красавицы и танцевали обворожительно. Но их выступления наблюдали, как правило, только послы стран Южной Азии, АСЕАН, Китая и России. Западники новогодние увеселения с сотрудниками мьянманского правопорядка категорически отвергали — ведь у власти в стране находился военный режим.

Как непросто стать генералом в Штатах

В одной из стран, где мне довелось служить, военным аташе США был уже немолодой голубоглазый блондин классической американской кинематографической внешности, вылитый ковбой с рекламы сигарет «Мальборо». Он, кстати, и родом был откуда-то из тexasской глубинки. Человек весьма общительный и не дурак «заложить за галстук», которого он, правда, никогда не надевал, как, впрочем, и носков, появляясь «в гражданском» на частых в тамошней столице

приемах. Заместителем у «техасца», вместе с которым тот обычно «выходил в свет», был гораздо более молодой афроамериканец циклопических размеров с на редкость широкими и выпуклыми бедрами, что в сочетании с гладко выбритым черепом глубокого черного цвета придавало этому американскому воителю откровенно устрашающий вид.

На приемах «техасец» обычно занимал позицию где-то поближе к бару и, неторопливо потягивая виски, делился своими большей частью пессимистическими соображениями о жизни и службе. Запомнилось неоднократно высказанное им замечание: «Будь я геем, бабой или черным, давно уже носил бы по меньшей мере две генеральские звезды». И далее, с кивком в сторону заместителя — «А так вынужден сидеть полковником в этой азиатской дыре в обществе разных уродов».

Слова американского полковника часто приходили мне на ум, когда я потом видел на экране телевизора президента Обаму или слышал о том, что кандидатом на следующих президентских выборах в США будет Хиллари Клинтон. Похоже, что со временем дело дойдет и до кандидатов-геев. Как же тогда быть с «первой леди»?

Сколько президентов будет в США?

Я давно дружу с астрологом Тамарой Глоба. Обаятельная женщина, интересная собеседница. Как-то во время моей службы в Янгоне, будучи летом в отпуске в Москве, позвонил ей, поделился впечатлениями о Мьянме, отметив, в частности, что там астрология в большом почете, и даже главные государственные мероприятия проводятся только после предварительных консультаций с астрологами. Глоба заинтересовалась моим рассказом и решила съездить в Янгон.

Общение с мьянманскими коллегами Тамара осуществляла без моего участия, знаю только, что в целом она осталась довольна увиденным и услышанным. Поездка Глобы в Янгон носила исключительно частный характер, не было

никакой рекламы или, как сейчас говорят, пиара, тем более, что мьянманские СМИ в то время были в большинстве своем государственными и ни за какими сенсациями не гонялись, публикуя в основном официальные материалы, поступавшие из правительственных источников. Тем не менее, о пребывании Глобы в Мьянме стало известно дипломатическим дамам — она присутствовала на паре посольских мероприятий, а появление любого нового лица в Янгоне, военный режим которого находился в своеобразной международной изоляции, неизменно вызывало всеобщий интерес. Дамы стремились непременно познакомиться с известным российским астрологом. И мы с женой решили пойти им навстречу.

В то время в Янгоне действовал женский дипломатический клуб, в который входили жены иностранных послов в Мьянме и жены высокопоставленных местных чиновников, обычно послов-отставников, владевшие английским языком и правилами международного этикета. Ежемесячно одно из посольств устраивало у себя мероприятие клуба, которое обычно включало небольшой фуршет, какие-то музыкальные номера или показ фильма о туристических достопримечательностях страны-хозяйки. Поскольку число посольств, находившихся в Янгоне на постоянной основе, было невелико, кто-то из послов «холостяковал», а у кого-то не было денег на закуски, то посольствам крупных стран, включая наше, приходилось проводить такие мероприятия чаще других. Поскольку на год приезда Глобы наше посольство практически исчерпало возможности «субстантивного наполнения» мероприятий — на одном из них жена прочитала лекцию о русском балете с видео-демонстрацией наиболее примечательных сцен «Лебединого озера», а на втором выступила наша школьная самодеятельность, встреча Тамары Глобы с дипдамами — по просьбе руководства клуба — была как никогда кстати. Тамара приняла приглашение клуба, и встреча прошла очень удачно — все дамы были довольны

ее предсказаниями. Все, кроме жены американского временного поверенного в делах, которая в самом мероприятии усмотрела анти-американский политический выпад. Причина была в том, что уже после публичного выступления Глобы одна из местных дам, подойдя к ней, спросила, как ей представляется судьба Билла Клинтона — в те дни как раз разворачивался скандал с Моникой Левински. Тамара между прочим сказала, что вообще в США она видит всего сорок четыре президента. Ни она и никто другой, как мне потом доложили, далее эту тему никак не развивал, и кроме американки, как я понимаю, не задумывался о том, что Билл Клинтон был сорок вторым президентом США. Через полчаса после окончания дамского приема мне позвонил муж американской дамы и без тени юмора поинтересовался, на каком основании в Посольстве России делаются предсказания о скором кризисе института президентства в США. Я ему ответил, что речь идет о высказываниях частного лица — астролога, причем не публично, а в частной беседе с одной из участниц частного мероприятия женского клуба, а я — как посол не могу корректировать предсказания астрологов в угоду иностранным коллегам.

Не дудеть в американскую дуду

Американцы искренне считали, что после того, как мы, с их точки зрения, проиграли холодную войну, то должны были везде и всегда дудеть в их дуду. Приведу пару примеров из собственного опыта. Когда я был послом в Мьянме, у этой страны были непростые отношения с Западом. Все сообщения о Мьянме в западных СМИ, если они вообще появлялись, и все заявления западных деятелей на ее счет, если такие делались, касались исключительно нарушений прав человека мьянманским военным режимом и требований применить к этому режиму все более жесткие санкции.

Наша страна, имевшая с Мьянмой дружественные отношения еще с хрущёвских времен, такую линию не поддерживала, что вызывало у американцев неприкрытое раздражение. У них-то даже посла в Янгоне не было, только временный поверенный, а вот английский и французский послы были. И они вместе с американским поверенным не раз приходили ко мне, говорили, что надо сделать совместный демарш по тому или иному вопросу, дескать, по имеющимся у них данным, мьянманцы что-то там нарушили. А на каком основании? На основании полученных ими указаний из Вашингтона, Лондона или Парижа. Они даже не интересовались, есть ли у меня на этот счет какие-то указания из Москвы, просто априори считали, что я должен был вместе с ними идти в МИД Мьянмы предпринимать задуманный западниками демарш. Я, естественно, никуда с ними вместе не ходил, поэтому имел у западников репутацию откровенного сторонника военного режима.

Дело приобрело весьма пикантный оборот, когда в 2000 году в Мьянму при моем активном содействии были проданы российские истребители МиГ-29. Сначала меня посетил французский посол, с которым у нас были неплохие личные отношения: он немного говорил по-русски и очень любил песни Окуджавы. Подчеркнув, что его визит носит чисто личный характер, Бернар сразу взял быка за рога. Французское общественное мнение, сказал он, очень озабочено сообщениями о предстоящей поставке в Мьянму российских военных самолетов. Ведь мьянманцы будут платить за них деньгами, вырученными от продажи газа, а газ добывает в стране французская компания «Тоталь», и получается, что французская компания прямо содействует укреплению военной мощи режима, который, как полагают во Франции, грубо нарушает права человека. Я, со своей стороны, поинтересовался у собеседника, было бы озабочено французское общественное мнение, если бы полученные мьянманцами

от «Тоталь» деньги ушли на приобретение не «МиГов», а «Миражей» или «Рафалей»? Бернар на это ответил очень похвальным отзывом о фильме Лунгина «Свадьба», DVD с которым он получил из Парижа.

Затем ко мне прибыли корреспонденты Рейтер и «Интернэшнл геральд трибюн» из Гонконга. Спрашивают, чем мьянманцы будут платить за самолеты? Я говорю, что наличными. А откуда у них деньги? Отвечаю: у них ежегодный прирост экономики под 5%, активное сальдо торгового баланса прежде всего за счет экспорта газа, а также древесины, морепродуктов, риса, бобов, готовой одежды. Парень из Рейтер достаточно верно изложил все то, что я сказал в интервью, а вот «Интернэшнл геральд трибюн» опубликовала статью о том, что российский посол в Мьянме поддерживает-де рабский труд, который, очевидно, на взгляд ее корреспондента, применялся при добыче газа вышеназванным «Тоталем» или при пошиве спортивных курток известной голландской компанией «Бергоф» и женского нижнего белья немецкой фирмой «Триумф».

События имели продолжение. Приезжаю в отпуск в Москву, а мне говорят, что на меня пришла «телега» из Англии. Глава Всемирной конфедерации свободных профсоюзов на основании публикации в «Интернэшнл геральд трибюн» написал письмо Президенту В. Путину о том, что я поощряю рабский труд в Мьянме, за счет которого мьянманский режим оплачивает военные поставки из России, и потребовал выгнать меня с российской дипломатической службы. Но В. Путин его не послушался.

После Мьянмы я был в МИД России директором Третьего департамента Азии, в ведении которого находились среди прочего отношения с Ираном. Вспоминаю, как в 2002 г. достаточно высокий американский представитель пытался учить меня, как Россия должна строить отношения с Тегераном. Выслушав его весьма напористую лекцию, я спросил американца, в каком году США обрели независимость. Он,

удивившись вопросу, сказал, что в 1776 году. Затем я поинтересовался, знает ли он, в каком году первое персидское посольство прибыло в Москву? Естественно, он не имел понятия. Я расширил его кругозор, сказав, что это было в 1521 году. То есть за 250 с лишним лет до того, как на свет появились США. Так что Россия лучше знает, как ей вести себя с Ираном.

Матерные анекдоты в южнокорейском учебнике

Южнокорейцы — вежливые и тактичные собеседники. Любые официальные переговоры и частные разговоры с ними, даже если они затрагивали не самые приятные для собеседников темы, а в дипломатической жизни и так бывает, у меня проходили исключительно корректно. Нельзя, однако, не отметить стремление южнокорейских коллег порой оставлять без ответа неприятные или просто выпадающие из дипломатической рутинны вопросы. Приведу забавный случай. Некий профессор-русист буддистского университета в Сеуле выпустил учебное пособие под названием «Русский язык через анекдоты». Содержание учебника, который я обнаружил в крупнейшем книжном магазине южнокорейской столицы «Кёбо», представляло собой набор достаточно примитивных юморесок из старых номеров журнала «Крокодил» с не менее примитивными подробными разъяснениями «соли» каждого анекдота. В целом трудно было бы возражать против подобного издания, если бы не включенное в него девятистраничное стихотворное сочинение, которое в отличие от остальных «анекдотов» не было переведено на корейский язык. Причина такого «упущения» была проста — в «поэме», написанной по-русски исключительно матерным языком, давалось весьма красочное описание гомосексуальных оргий, участниками которых выставлялись крупные фигуры российской политики и бизнеса. Южнокорейская же цензура крайне строга в отношении порнографии, особенно

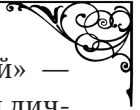
«голубой» направленности, и в случае публикации перевода текста на корейский язык издателям «учебника» могло грозить жесткое наказание вплоть до тюремного заключения.

Я не пожалел двадцати долларов и приобрел два экземпляра «учебника». Один послал с личным письмом ректору буддистского университета, где трудился любитель русских матерных виршей, отметив, что, на мой взгляд, публикация порнографических «творений», пусть даже на иностранном языке, не отвечает установкам буддизма. А второй — в МИД Республики Корея в приложении к ноте, в которой потребовал немедленного изъятия из продажи упомянутого издания, подчеркнув, что помимо неприемлемого содержания изображение на супер-обложке книги российского флага и Собора Василия Блаженного представляет собой оскорбление патриотических и религиозных чувств россиян.

Ректор-буддист оставил мое письмо без ответа, не знаю поэтому, были ли приняты в отношении профессора-матерщинника какие-либо меры. Южнокорейский МИД также пытался какое-то время отмолчаться. Но, прождав пару недель, я задержал свой ответ на какую-то срочную ноту южнокорейской стороны. На очередном дипломатическом приеме южнокорейский коллега мягко напомнил мне об этом, на что я, со своей стороны, отметил «забывчивость» МИД Южной Кореи в отношении ответа на ноту Посольства по вопросу о книге. Ответ последовал на следующий день, и «учебник материны» бы изъят из продажи.

Мальчики из московских «красных домов» встречаются в Сеуле

Некоторые из встреч за границей уходили корнями в мои школьные времена. В пятидесятые годы после того, как моего отца перевели из Ленинграда на работу в Москву, мы жили на Юго-Западе на улице Строителей в т. н. «красных домах», где все ребята хорошо знали друг друга. Зимой 2008 года

в Сеул приехал известный канадский «Сирк дю солей» — «Солнечный цирк», и мы с женой неожиданно получили личное приглашение его директора на премьерное представление. Ларчик, однако, раскрывался просто: чуть ли не три четверти членов труппы оказались выходцами из СССР, в большинстве русскими. Нас с женой и нескольких сотрудников Посольства встретили очень гостеприимно, посадили на лучшие места. Приветливая дама, жена одного из ведущих акробатов, лауреата международного циркового конкурса в Монте-Карло, рассказала нам о каждом из русских артистов, особенно отметив клоуна Юрия Медведева, закрывавшего своим номером первое отделение. Подчеркнула, что он прежде работал в театре на Таганке, дружил с Высоцким. Я попросил провести меня в антракте за кулисы, чтобы встретиться с Медведевым. Наш добровольный гид любезно согласилась. Идем за кулисы, здороваемся с артистом. Я говорю:

— Вы ведь учились в Москве, в одиннадцатой школе...

Называю ему имена его ближайшего друга, школьных подружек.

Он был крайне удивлен, откуда, дескать, я все это знаю. Говорю:

— Учился в той же школе, только тремя классами младше.

Вспомнили «красные дома», школьных друзей. Вот так два бывших мальчика из одного московского двора встретились спустя почти полвека за кулисами канадского цирка в корейском Сеуле.

Что же будет с Родиной и с нами

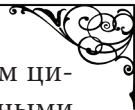
«Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье...», — сказал поэт. Эти слова исключительно применимы к жизни и работе за границей. Там, как нигде на Родине, чувствуешь наши проблемы, видишь наши уязвимые точки, радуешься успехам и переживаешь за неудачи.

Вспоминаю разговор с одним крупным южнокорейским промышленником. Это весьма образованный человек, симпатизирующий России и видящий развитие и укрепление российско-южнокорейского партнерства важнейшим условием стабильного и независимого будущего своей страны. Он увлеченно говорил об освоении нефтегазовых ресурсов на российском Дальнем Востоке (беседа происходила после запуска завода по сжижению природного газа на Сахалине), настойчиво подчеркивал готовность свою и других капитанов южнокорейского бизнеса активнее подключаться к этой работе, в том числе в части подготовки кадров российских нефтяников и газовиков. Все большее наращивание добычи нефти и газа и увеличение экспорта, искренне убеждал он меня, призвано обеспечить России безбедное будущее — не только доброе отношение со стороны соседей, но и собственное процветание.

Я его вежливо выслушал, поблагодарил за готовность расширять сотрудничество, но поинтересовался, действительно ли он видит будущее России исключительно в нефтегазовых тонах. Ответ был в духе «Что Вы, что Вы...», были произнесены какие-то слова об уникальности русской культуры, о музыке Чайковского, о русском балете и о Чехове, но в целом не оставалось иного впечатления, кроме того, что Россию мой любезный собеседник представлял в будущем в лучшем случае чем-то вроде дублера Саудовской Аравии.

Пришлось напомнить ему, что Советский Союз стал великой державой вовсе не за счет массовой продажи нефти и газа за рубеж, а благодаря масштабной индустриализации, в первую очередь — развитию машиностроения, и благодаря высокому уровню образования и науки. Что экспорт отечественных углеводородов на Запад многократно вырос лишь в 1970-е годы, уже после того, как СССР вышел по объему экономики на второе место в мире. Что Россия до сих пор располагает уникальным советским наследием, аналогов ко-

торому нет у других государств, кроме США, — полным циклом авиационного производства, космическими, атомными технологиями. Что у нас еще есть люди, которые этими технологиями владеют. И поэтому тем, кто хотел бы видеть нашу страну исключительно поставщиком сырья, мы говорим: «Не дождетесь».

Не уверен, что мой южнокорейский собеседник принял всю мою аргументацию, но, наверное, кое о чем она заставила его задуматься. Но задумался и я. Вот сказал «не дождетесь», а, может быть, дождутся? Разве мы сами не видим, что лишь усиленный экспорт энергоносителей поддерживает на плаву российскую экономику все последние годы? Что при общем падении производства в обрабатывающей промышленности исключение представляют лишь отрасли, обслуживающие добычу нефти и газа, — производство труб в металлургии и ориентированные на ТЭК предприятия электротехнической промышленности и энергетического машиностроения. Что главными стройками страны стали трубопроводы. Что Минфин России при расчете бюджета страны исходит из мировой цены на нефть на предстоящий период.

Наша страна уже имела опыт нефтяного «Клондайка» во второй половине 1970-х — 1980-х гг., и он нам дорого обошелся. Сначала неожиданный скачок поступлений от экспорта энергоносителей стал чем-то вроде «манны небесной» для тогдашнего «застойного» советского руководства, предоставив ему своего рода «материальную основу», с одной стороны, для свертывания предложенных А. Н. Косыгиным экономических реформ, которые, будь они осуществлены, возможно, вывели бы тогдашний СССР на темпы экономического роста, подобные нынешним китайским. А с другой, — для продвижения крайне затратной программы развития вооруженных сил и не менее дорогостоящей линии на поддержку «дружественных режимов» в третьем мире — ее апофеозом стал ввод в 1979 году войск в Афганистан.

За всем этим, как известно, последовало инспирированное Вашингтоном шестикратное падение цен на нефть, которое нанесло крайне болезненный удар по советской экономике, во многом приблизивший распад Советского Союза. Как не хотелось бы, чтобы подобным образом события развернулись и в отношении нынешней России.

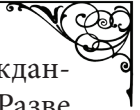
С другим крупным южнокорейским деятелем — на этот раз политиком, мы беседовали как-то в канун 9 Мая о том, чем была Великая Отечественная война для нашего народа, и в чем ее международное значение. Сейчас у нас как-то не принято говорить, что этой Победой советский народ не только отстоял свободу и независимость своей Родины, но и качественно изменил мир. Что разгром фашистской Германии и милитаристской Японии при решающей роли Красной Армии положил конец верховенству Запада в мировых делах. Что с нашей Победой, с подъемом Китая, с крушением колониальных империй и появлением десятков новых независимых государств началось движение человечества к полицентричному миру.

В этом новом мире Запад стал не главным, а лишь одним из игроков, роль и влияние которого, пусть не так быстро, но неуклонно сокращается. И Запад не может нам этого простить. Отсюда ширящийся поток клеветы на наше прошлое, на Советский Союз, на Красную Армию, на нашу Победу.

А, ведь как ни крути, — сказал я собеседнику, не будь нашей Победы в 1945-м, не было бы, пожалуй, чернокожего президента в Соединенных Штатах.

— Как это так? — удивился южнокореец.

— А вот так, — говорю ему, — СССР, Китай, движение неприсоединения добились в 1960 году принятия в ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Лидеры независимых африканских стран появились в ООН, и с ними на равных вынуждены были общаться руководители мировых держав. Освобожденные

ние Африки дало мощнейший толчок движению за гражданские права афроамериканцев в Соединенных Штатах. Разве не показательно, что это движение приобрело свой размах именно в середине 1960-х гг.?

Почувствовал, что, как и в первом случае, для моего собеседника такая трактовка послевоенного развития мира была не то, чтобы неприемлема, а неожиданна. В течение всей своей жизни движущей силой мирового развития он привык видеть исключительно Соединенные Штаты, а тут, оказывается, и русские играли в мире отнюдь не последнюю роль.

За границей острее, чем на Родине, чувствуешь себя русским. Россия признана мировым сообществом как государство-продолжатель Советского Союза, во многом определившего в XX веке ход мировой истории. А историю нужно принимать как свершившийся факт — она, как любят сейчас говорить, не имеет сослагательного наклонения.

У русских славная история. Русским не в чем каяться перед миром. Русские не разрушали чужие древние цивилизации для того, чтобы на их развалинах строить свою колониальную империю, и не возводили работорговлю в ранг государственной политики.

Но нас все время призывают каяться — и за царскую Россию, и за Советский Союз. А каются ли другие? Каются ли монголы за Чингисхана или узбеки за Тамерлана? Напротив, они им ставят памятники. Каются ли испанцы за деяния Кортеса и Писарро, а французы — за Наполеона? Каются ли англичане за разграбление Индии?

Каются ли, наконец, американцы за истребление индейцев или за Хиросиму и Нагасаки? Нет, не каются. Кредо американцев: «Right or wrong, that's my country» — «Права или нет, это моя страна» — дескать, свою страну в обиду они не дадут ни при каких обстоятельствах.

Так давайте же мы, русские, не будем давать в обиду Россию. Россия была тяжеловесом и триста, и тридцать лет на-

зад. Она и сейчас тяжеловес. Но больной. Как, скажем, чемпион по боксу, сломавший руку. Рука у него в гипсе, и когда он выходит на улицу, какая-то мелкая шпана позволяет себе хамить в его адрес, и разные шавки, прежде трусливо поджимавшие хвост при одном звуке его шагов, норовят хватить за штанину. По своей ограниченности они не понимают, что рано или поздно сломанная рука восстановится, и гипс снимут.

Беда нашей страны в том, что тридцать-тридцать пять лет назад у ее руля оказались невеликие государственные умы. А как гласит древняя мудрость, *«ничтожные люди, возвысившиеся над другими, делают все вокруг ничтожным и недостойным»*. Это высказывание точно отражает обстановку в России «лихих девяностых». Недостойного хватает и в сегодняшней российской жизни — не буду перечислять, читатели и так все прекрасно знают. А наши противники пытаются убедить мир, и, самое главное, нас самих, что ничтожными и недостойными русские были всегда.

Поэтому нужно собрать весь ум, честь и совесть, которые оставили нам деды и отцы, чтобы доказать миру и самим себе, что это не так. Делать же это каждый из нас может только своим трудом и творчеством.

О. Г. ПЕРЕСЫПКИН
Чрезвычайный
и Полномочный Посол

Родился в 1935 г. в Баку. В 1959 г. с отличием закончил МГИМО МИД СССР и был направлен на работу в Северный Йемен.

Занимал ответственные посты в центральном аппарате и загранучреждениях МИД СССР/России. В 1980–1984 гг. — Посол СССР в Йеменской Арабской Республике. В 1984–1986 гг. — Посол СССР в Ливии. В 1986 г. был назначен ректором Дипломатической Академии и членом Коллегии МИД СССР. Работал в этом качестве до 1993 г. В 1996–2000 гг. — Посол Российской Федерации в Ливане.

Доктор исторических наук. Кандидат экономических наук. Профессор Дипломатической Академии МИД России. Автор более 20 книг и более 100 научных и публицистических статей по проблемам современной истории и политики арабских стран. Заслуженный работник дипломатической службы (2001 г.). Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России.

Ведет большую общественную работу. В настоящее время — заместитель Председателя Совета Ассоциации российских дипломатов, вице-президент Клуба друзей Королевства Саудовская Аравия, ответственный секретарь Общества российско-ливанской дружбы, член Правления ряда Обществ дружбы с арабскими странами.

В 2011 году был награжден орденом «Дружбы».

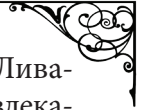

У ПОСЛЕДНЕГО ПРИЧАЛА

В ноябре 1995 года состоялось решение о моем назначении послом Российской Федерации в Ливан, которое я принял с большим удовлетворением, так как еще в Московском институте востоковедения специализировался по Сирии и Ливану. В Сирии я уже поработал, а в Ливане — нет, хотя бывал несколько раз в коротких командировках. Было очевидно, что это мой последний дипломатический пост, так сказать, последний причал, и поэтому оказаться под занавес своей дипломатической карьеры в стране, по которой специализировался еще в институте, было чрезвычайно приятно. Иными словами, я ехал в Ливан с понятным волнением и ожиданием большой интересной работы.

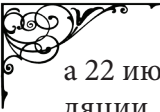
Известный египетский политик, общественный деятель и журналист, большой друг и соратник Насера Хасанейн Хейкал как-то сказал, что Ливан — это не страна и не государство, это феномен, который нам всем нужен. Действительно, на территории 10 000 кв. км проживает 3,5 млн. человек, принадлежащих к 17 религиозным конфессиям.

Отношения России с территорией, где находится нынешний Ливан, берут свое начало в 1785 г., когда Екатерина II подписала указ о назначении в Бейрут российского консула. В 1839 г. сюда было переведено Генеральное консульство из Яффы (Палестина), а в 1860–1861 гг. Россия официально, в составе международной комиссии, покровительствовала району Кура в горах Ливана с преимущественно православным

населением. Установление отношений с современным Ливаном относится к военному 1944 г., и это отдельная и увлекательная история, о которой хочу рассказать подробно.

После капитуляции Франции в 1940 г. и провозглашения формальной независимости Сирии и Ливана в этих странах еще сохранялась власть правительства Виши, сотрудничавшего с фашистами. Однако фактически здесь верховодила германо-итальянская контрольная комиссия. Германия к этому времени захватила Грецию, остров Крит и острова Эгейского моря. Ситуация требовала решительных действий, и в июне 1941 г. английские войска при содействии частей «свободной Франции» де Голля заняли Сирию и Ливан. Сложилась, по оценкам наших дипломатов, деликатная ситуация — французский мандат на Сирию и Ливан потерял силу осенью 1941 г., когда они были провозглашены независимыми государствами. Однако реальная власть находилась в руках командующего британскими оккупационными войсками, которую пытался оспаривать представитель де Голля. При этом в городах Сирии и Ливана стояли солдаты французского генерала Вейгана, «ближневосточная армия» которого еще весной 1940 г. планировала начать наступление на Советское Закавказье и занять нефтепромыслы в Баку — единственный в то время серьезный источник нефти в Советском Союзе. Тем самым Франция при поддержке Англи хотела «наказать» Советский Союз за начавшуюся в марте 1940 г. войну с Финляндией. В наших архивах есть документы о переговорах французского посла в Анкаре Массигли с министром иностранных дел Турции Сарадж-оглу. Сообщая в Париж о своих переговорах с турками, Массигли писал, что со стороны турецких властей не будет препятствий для полетов французских бомбардировщиков в Закавказье. То же Сарадж-оглу говорил гитлеровскому послу фон Папену, что он «как турок» желает поражения России, однако ситуация резко изменилась летом 1940 г.: 14 июня немцы вошли в Париж,

а 22 июня Франция подписала акт о безоговорочной капитуляции. Но в городах Сирии и Ливана оставалось 200 000 солдат армии Вейгана. Некоторые части сложили оружие и встали под знамена де Голля, другие хранили верность генералу Вейгану. О походе на Кавказ французы уже не думали.

15 июня 1944 г. Посольство СССР в Каире, работавшее с октября 1943 г., посетил депутат сирийского парламента Наим Антаки, который был принят советником Даниилом Солодом, но отказался с ним беседовать в связи с секретностью поручения и необходимостью говорить только с руководителем дипмиссии. Он был принят посланником Николаем Новиковым и передал письмо от сирийского министра иностранных дел Джамиля Мар-дам-бея. Это была как бы верительная грамота — в ней говорилось, что Наим Антаки имеет поручение сделать важное заявление и ему можно верить.

Сирийский депутат сообщил, что его правительство намерено установить дипломатические отношения с СССР и хотело бы провести с этой целью дипломатические переговоры в Дамаске. Сирийцы просили считать это обращение секретным, как и цель возможной поездки нашего представителя в Дамаск. Забота о секретности была вполне обоснованной, так как сирийцы опасались, что оглашение этой инициативы даст возможность недругам Сирии сорвать установление дипотношений с Советским Союзом. И, кроме того, сирийцы не были уверены, что Москва даст положительный ответ. Следовательно, если произойдет осечка, престиж правительства независимой Сирии будет подорван. В то время Ближний Восток кишел английскими агентами, и, по нашим данным, английская разведка была осведомлена об инициативе сирийцев. Но об этом не знала разведслужба де Голля на Ближнем Востоке, а именно ее опасались сирийцы.

15 июня 1944 г. Новиков направил информацию в Москву, а ответ был получен уже 17 июня за подписью министра В. М. Молотова. Ответ гласил — правительство СССР

в принципе готово установить дипломатические отношения с Сирией и поручает Новикову выехать в Дамаск для переговоров. Эта информация была передана Наиму Антаки, который в Каире ждал ответа из Москвы. Он выехал в Дамаск, а 7 июля вновь появился в Каире и сообщил, что сирийская сторона готова принять Новикова в любое удобное для него время.

Новиков и два сопровождавших его сотрудника посольства выехали из Каира поездом, следовавшим до палестинского города Хайфа. А далее до Дамаска — на автомашине. Сегодня это звучит как фантастика — с 1948 г., после создания государства Израиль, сухопутное сообщение было прервано и остается прерванным уже более 70 лет.

Поездка Новикова, естественно, не была секретом. МИД Египта был официально информирован об отъезде советского посланника, а у английских властей было взято разрешение на поездку по территории Палестины, находившейся под английским мандатом. Но местная пресса — в Каире, Дамаске и Бейруте — ничего не смогла узнать о цели поездки, и требуемая секретность была соблюдена.

12 июля 1944 г. Новиков встретился с Мардам-беем в каком-то особняке, поскольку сирийцы не хотели такой встречи в здании МИД Сирии. Мардам-бей передал письмо на имя Молотова. «Я внимательно прочел документ, составленный на французском языке, — пишет Новиков. — Сам документ выглядел следующим образом:

«Движимая своим восхищением перед советским народом, усилия и успехи которого в великой борьбе демократий против духа завоеваний и господства дают основу для законных надежд на будущую свободу и равенство для всех больших и малых наций, ободренная, с другой стороны, внешней политикой Союза Советских Социалистических Республик, который с начала своего существования провозгласил упразднение всех привилегий, капитуляций и других преимуществ, которыми пользовалась царская Россия,

и несовместимость которых с принципом равенства наций признало Советское правительство. Сирия, которая после долгих усилий и громадных жертв увидела торжественное признание своего международного существования в качестве независимого и суверенного государства, была бы счастлива поддерживать в этом качестве с Союзом Советских Социалистических Республик дружественные дипломатические отношения...».

В заключение Мардам-бей просил согласия Советского правительства на обмен дипломатическими представителями в ранге посланников.

Информация в Москву ушла в тот же день, и в ожидании ответа наша делегация переехала в горный курорт Блудан в горах Антиливана. 15 июля 1944 г. в Блудане Новиков встретился с президентом Сирии Шукри Куатли-беем, который опять поднял вопрос о равноправных отношениях: сирийцы очень боялись, что СССР будет настаивать на каких-то привилегиях как одном из условий установления дипотношений.

Живший в той же гостинице, что и наша делегация, Мардам-бей 18 июля пригласил Новикова в свой номер. В нем, кроме Мардам-бея, находился небольшой плотный человек в роговых очках. Это был Селим Такла, министр иностранных дел Ливана, который сказал, что ему известна цель визита Новикова в Дамаск и со своей стороны он намерен предложить СССР установить дипотношения с Ливаном. В тот же день телеграмма Новикова с этой информацией ушла в Москву.

23 июля пришла ответная телеграмма Молотова на обращение Мардам-бея, краткая и деловая: *«Правительство Союза Советских Социалистических Республик высоко оценивает чувства, выраженные Вами в отношении великой борьбы советского народа против гитлеровской Германии и ее сообщников.*

Советское правительство с удовлетворением принимает предложение Сирийского правительства об установлении дружественных дипломатических отношений между СССР

и Сирией. Советское правительство готово в возможно короткий срок аккредитовать Чрезвычайного и Полномочного Посланника СССР при президенте Сирийской Республики и принять Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Сирии, который будет аккредитован при Президиуме Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.

«На приеме, устроенном правительством Сирии, было много гостей,— пишет Новиков.— В числе иностранных гостей, помимо дипкорпуса и консулов, присутствовал полковник Мак-Гарет, являвшийся личным представителем английского посланника в Сирии и Ливане генерала Эдварда Снисрса. Забыв о традиционной британской сдержанности, он долго жал мне руку и проникновенным голосом поздравлял с дипломатическим успехом от своего имени и от имени генерала. Зато заметную сухость проявили делегат французского правительства Шатеньо и его заместитель полковник Олива-Роже, хотя они тоже пожимали мне руку и тоже поздравляли с дипломатическим успехом». От себя хочу добавить, что Англия, хотя и была союзником «Свободной Франции» в борьбе с фашистской Германией, блюла свои интересы на Ближнем Востоке, не всегда совпадающие с французскими.

Поездка нашей делегации в Бейрут уже не была секретной — все знали, зачем едет советский представитель в Ливан. Поскольку не было секретов, то ливанская сторона открыто готовилась к важным переговорам.

Делегация прибыла в Ливан сначала в горный курорт Айн-Софар, где ее встречал Селим Такла. Вместе с делегацией прибыл Надим Демашкия, который был приставлен в качестве сопровождающего лица. В тот же день делегация отправилась в город Алей, где находился в то время президентский дворец, и расписались в книге почетных посетителей. Вечером Селим Такла в своем доме в курортном местечке Бхамдун устроил прием, на котором был весь состав кабинета во главе с премьер-министром Риядом Сольхом.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ БУДНИ

А. Г. ЧЕРНОВ
Чрезвычайный
и Полномочный Посланник

Родился в 1950 г. в Московской области. Окончил Московский государственный университет по специализации журналист-международник. Трудовую деятельность начал в Центральном радиовещании на зарубежные страны, возглавлял корпункт Гостелерадио

СССР в Западной Африке, являлся руководителем Службы радиовещания на страны Африки из Москвы на одиннадцати африканских и трех европейских языках. Автор ряда телевизионных документальных фильмов, многочисленных радиорепортажей и публикаций в печати. Член Союза журналистов. Работая в МИД, дважды являлся начальником отделов в Департаменте Африки и дважды советником-посланником Посольств России — в Танзании, а затем в Нигерии. Имеет Благодарность Президента В. В. Путина за значительный вклад в реализацию внешнеполитического курса Российской Федерации и многолетнюю добросовестную работу, а также Благодарности по Министерству. Награжден Почетной грамотой за подписью Председателя Гостелерадио СССР, неоднократно награждался также медалями. С сентября 2017 года является главным редактором газеты общественных организаций МИД России «Наша Смоленка: люди и дела».

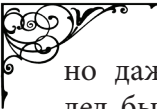

«БИЗНЕС В АФРИКЕ ПО-РУССКИ»

I

Впервые в тему, вынесенную в заголовок этих заметок, мне пришлось серьезно погрузиться в далеком 1995-м. После оформления на работу в МИД (в порядке перевода из Гостелерадио) был направлен Кадрами в Отдел общеафриканских проблем Департамента Африки. Первое впечатление было шокирующим. Казалось, что место моей новой работы — «пожарная команда».

...Воцарившаяся в «лихие 90-е» атмосфера полной свободы пьянила головы многим новоявленным бизнесменам. Молодые частные фирмы и отдельные предприниматели устремляли взоры к Черному континенту, полагая — в принципе не без оснований — что в Африке им будет легче найти «место под солнцем». Вот только практическая деятельность иных структур создавала проблемы, и наши посольства все чаще сообщали о серьезных претензиях к некоторым открывавшим для себя континент россиянам. Кто-то из них сдавал в аренду иностранным фирмам для сомнительных грузовых перевозок транспортные самолеты с плохо обученными экипажами, что приводило к самым печальным последствиям. Кто-то организовывал незаконный вылов рыбы в чужих акваториях. А кто-то в погоне за прибылью отправлял в рейс даже списанные на металлолом морские суда, которые в силу непригодности к плаванию застревали в африканских портах, а их экипажи не имели средств не то чтобы на ремонт,

но даже на элементарное пропитание. Список подобных дел был внушительный. Отслеживать ситуацию и вносить руководству конкретные предложения по оперативному решению возникающих сложностей и предотвращению их возникновения в будущем как раз и было поручено Отделу общафриканских проблем.

Работа шла по разным направлениям. Прорабатывалась возможность задействования опытных российских юристов в проходивших в ряде африканских стран судебных процессах над задержанными там бизнесменами. Изыскивались средства для возвращения на родину российских граждан, оказавшихся без средств к существованию по вине незадачливых предпринимателей. Вносились инициативы о применении против нечистоплотных бизнесменов решительных мер — наложение денежных штрафов, заморозка банковских счетов их фирм, а то и аннулирование регистрации их компаний. По мидовскому предложению было, в частности, принято правительственное решение об ужесточении контроля за выдачей разрешений на использование за рубежом российских воздушных судов...

Имевшиеся в распоряжении нашего внешнеполитического ведомства силы и возможности использовались фактически в полной мере. Однако число дел, имевших негативный информационный «шлейф», было настолько значительным, что часть общества, а вслед за нею и некоторые влиятельные СМИ стали высказывать мнение о «неповоротливости и медлительности» МИД. Поначалу руководство старалось не замечать эту несправедливую критику, а потом все-таки решило «огрызнуться», но, естественно, в присущей Министерству манере — «сбалансированной и вежливой». Родилась идея подготовить обстоятельный материал о предпринимаемых мидовцами шагах на этом поле. Видимо, с учетом моего журналистского прошлого написать такой материал было поручено мне. Работа продвигалась легко, «фактуры»

было, как говорится, хоть отбавляй. Но главная задача при ее изложении заключалась отнюдь не в том, чтобы напугать, а в том, чтобы предостеречь и убедить предпринимателей при выстраивании планов своей деятельности в Африке (и вообще где бы то ни было) досконально изучать действующие законы и правила, не игнорировать рекомендации наших посольств, которые детально разбираются в ситуации, а в целом — ничего не делать «на глазок», чтобы не доставлять себе — и нам заодно — лишних и ненужных хлопот. При этом в материале приводились и примеры положительной работы на континенте молодых российских бизнес-структур.

Статью отправили «на апробацию» курирующему заместителю Министра В.В. Посувалюку. До сих пор храню сопроводительную записку департамента с резолюцией Виктора Викторовича: «Хороший и нужный материал». Опубликовать статью согласилась имевшая тогда в стране самый большой тираж газета «Труд». Ее сотрудники внесли в материал только одну редакционную правку: наш сбалансированный традиционно мидовский заголовок «О работе российских предпринимателей в Африке» был заменен на журналистско-хлесткий «Бизнес в Африке по-русски». По свидетельству руководства газеты, статья была воспринята читателями с пониманием и получила в целом положительный общественный отклик...

Впрочем, одно дело рассказывать о событиях, предостерегать, предлагать и убеждать, другое — самому быть их непосредственным участником.

II

19 октября 2012 года я, тогда советник-посланник Посольства РФ в Нигерии, проводил совещание в отделении нашего диппредставительства в Лагосе с работавшими там на постоянной основе сотрудниками. Совещание прервал буквально ворвавшийся в кабинет помощник военного

атташе, заявивший с ходу, что властями час назад арестовано и препровождено на военно-морскую базу в районе лагосского порта «Апапа» охранное судно «Майер сидайвер» с 15 россиянами на борту. При осмотре судна нигерийским спецназом обнаружено несколько десятков единиц огнестрельного оружия (автоматы, многозарядные винтовки, дробовики) и боеприпасы к ним. Я немедленно информировал о случившемся находившегося в посольстве в Абудже посла А. Д. Полякова и получил от него указание срочно прояснить обстоятельства дела.

Как выяснилось, арестованное судно принадлежит частному охранному предприятию «Моран секьюрити груп» (МСГ), специализирующемуся на безопасной — не бесплатной — проводке торговых судов в пиратоопасных акваториях мирового океана. Корабль вошел в лагосский порт для ремонта силовой установки и плановой смены экипажа. После окончания ремонта и прибытия новой команды (старая улетела в Россию) судно готовилось уже поднять якорь и вот тогда — буквально в последний день пребывания в Лагосе — было задержано. «По подозрению, — как объяснили мне в штабе военно-морских сил, — в контрабанде оружия, что представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности страны».

В принципе, об МСГ посольству уже было известно. В апреле того же года их прибывший в Нигерию представитель специально встречался с послом и информировал его о том, что, несмотря на иностранное название, фирма российская, она лишь зарегистрирована в оффшоре из-за того, что отдельные аспекты ее деятельности противоречат законодательству РФ (в первую очередь — это наличие на ее судах огнестрельного оружия). При этом было особо подчеркнуто, что оружие используется исключительно для пресечения пиратских атак («а как же по-другому им противостоять?»), и что в целом МСГ рассматривает Нигерию в качестве весьма

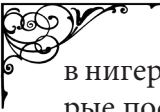

перспективного рынка для своих услуг с учетом «беспредела» пиратов у берегов этого одного из самых богатых африканских государств. Было также заявлено, что компания с участием местных партнеров приступает к созданию в Лагосе своего постоянного офиса.

В ответ было сказано, что защищать суда от бандитизма на море — дело, безусловно, нужное и благородное. Но в конкретных нигерийских условиях для этого вида деятельности имеется ряд существенных ограничений. Во-первых, нигерийцы весьма твердо настаивают на самостоятельном решении проблем с обеспечением безопасности на море, а, во-вторых, наличие оружия у работающих здесь иностранных компаний в принципе запрещено законом... Как показали дальнейшие события, наши предостережения услышаны не были.

Срочно прилетевший из Абуджи в Лагос посол провел ряд экстренных встреч в местных компетентных органах, где ему было заявлено о серьезности выдвинутых против российских моряков обвинений и особо подчеркнуто, что даже разовый заход в нигерийские порты иностранных судов с собственной вооруженной охраной на борту неприемлем и что, если каким-либо компаниям требуются услуги по обеспечению безопасности их судов, то им следует обращаться к военным морякам Нигерии, которые окажут — «понятно, на возмездной основе» — необходимую помощь.

В свою очередь мне после возвращения из Лагоса в Абуджу удалось встретиться в нигерийском МИД с заместителем министра-постоянным секретарем М. Ухомоибхи, который уже был в курсе дела, и назвал его «скандальным». Теперь, сказал М. Ухомоибхи, предстоит тщательное расследование всех обстоятельств. По его словам, «эти обстоятельства серьезно усугубляются тем, что огнестрельное оружие на борту даже не было задекларировано, и что если бы это было сделано, то ситуация выглядела бы несколько иначе, так как

в нигерийских законах на этот счет все-таки имеются некоторые послабления. Сейчас же речь идет о создании серьезной угрозы национальной безопасности нашей страны», — повторил М. Ухомоибхи высказанные мне ранее в штабе ВМС претензии к российским морякам.

Здесь, однако, история начала принимать детективный характер. Владельцы судна уверяли, что через нанятого в Лагосе местного судового агента они получили разрешение не только на вход «Майер сидайвер» в порт, но и на ввоз оружия. В соответствии с международными правилами оружие было опечатано и находилось в тщательно охраняемом помещении. Однако никаких официально заверенных бумаг, дающих право на его ввоз и хранение на борту, у представителей МСГ на руках не оказалось. Когда упомянутого судового агента допросили местные спецслужбы, он сначала подтвердил, что занимался оформлением необходимого документа и что якобы этот документ был уже готов. Однако тот же агент буквально на следующий день заявил, что солгал, а затем и вовсе пропал. Что это было — можно только гадать, агент так и не объявился...

Власти приступили к тщательному расследованию всего дела, которое, как нам заявили, было даже «специально засекречено (!)», моряки же оставались на судне под круглосуточным наблюдением военно-морской полиции. За соблюдением гражданских прав команды и обеспечением ее всем необходимым отвечали консульские работники лагосского отделения посольства. Они встречались со следователями, нанятыми МСГ адвокатами, лично доставляли на судно провиант и питьевую воду, следили за тем, чтобы у моряков была телефонная связь и доступ в Интернет. Работа проводилась огромная.

С целью разблокирования ситуации были предприняты дипломатические демарши — как в Нигерии, так и в Москве. В Департамент Африки МИД был приглашен

нигерийский посол, которому было жестко указано на необходимость принятия Абуджей мер по освобождению корабля и его экипажа. С подобным же требованием и в тот же самый день я в качестве поверенного в делах (посол находился по семейным обстоятельствам в отпуске) обратился к директору Управления стран Восточной и Центральной Европы местного МИД. И в Москве, и в Абудже мы подчеркивали, что если и было какое-то нарушение, то совершено оно не по злему умыслу, а по элементарному «головотяпству», и что деятельность «Майер Сидайвер» ни в коем случае не угрожает национальной безопасности Нигерии. При этом особо обращали внимание и на то, что под подозрением оказалась сменившаяся, совершенно новая команда корабля, вынужденная отвечать «по воле случая» за то, чего не совершала.

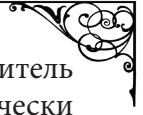
Демарши оставались без ответа, и тогда своему коллеге направил послание наш Министр. В ответном послании было заявлено о намерении нигерийца лично провести работу с соответствующими местными структурами. Дело, однако, с «мертвой точки» упорно не сдвигалось, и в нем даже появились новые и совершенно неожиданные моменты. Так, помощник Советника Президента Нигерии по национальной безопасности, в чьем офисе, как нам стало известно, находились материалы ведущегося расследования, в беседе со мной дал понять, что вопрос о наличии оружия на борту судна — уже в общем-то и не главное (мне тогда даже подумалось, что, возможно, документ о декларировании стволов был все-таки найден), но, продолжал помощник, «теперь появились подозрения о том, что команда могла готовить незаконный, долговременный и значительный по объему вывоз из страны ее главного богатства — нефти». Я сразу отверг эти подозрения как безосновательные. Тем более, что ответить на вопрос, откуда такая абсурдная информация, собеседник отказался.

Параллельные усилия по разблокированию ситуации были предприняты нигерийским послом в Москве, который после демарша ДАФ МИД вылетел в Абуджу и лично беседовал с мининдел. На последовавшей затем встрече со мной он рассказал, что министр весьма обеспокоен ситуацией, которая приобретает совершенно нежелательный политический характер и вредит репутации Нигерии на международной арене. Но сам министр иностранных дел, признался посол, ничего не решает, так как подобные вопросы рассматриваются в оборонном ведомстве, а затем и у самого президента.

С учетом этого была инициирована на всех возможных уровнях череда новых встреч и бесед — моих, а затем вернувшегося из отпуска посла — с вовлеченными в дело нигерийцами, в ходе которых мы настойчиво ставили вопрос о необходимости скорейшего освобождения моряков. А в последней декаде декабря состоялся телефонный разговор нашего Министра с его коллегой. Местная сторона была строго предупреждена о недопустимости дальнейших проволочек в объективном рассмотрении этого дела, чреватых серьезными негативными последствиями для двусторонних отношений.

Поначалу показалось, что разговор «сработал». Нам даже заявили в местном МИДе, что Новый год моряки, похоже, будут встречать на родине. Но это были всего лишь слова. Экипаж внезапно арестовали. И под дулами автоматов перевезли в лагосскую тюрьму. По этому поводу мы в посольстве горько шутили о преподнесенном нам местной стороной подарке к «старому Новому году». Примечательно при этом, что первыми были арестованы два местных сотрудника открытого в Лагосе офиса МСГ. Их, правда, вскоре выпустили, так как состава преступления в их деятельности найдено не было. Но на этом печальном фоне, сославшись на неожиданно возникшие неотложные семейные дела и проблемы в головном офисе компании, в Москву улетел недавно приступивший

к работе новый постоянный российский представитель МСГ. В таких условиях посольство осталось фактически «один на один» с местной правоохранительной системой, работало с адвокатами, обеспечивало арестованный экипаж всем необходимым. А условия содержания в лагосской тюрьме были жуткими (другого слова не нахожу) — грязь, жара при почти стопроцентной влажности, малярийные комары, отсутствие нормальной пищи и питьевой воды. Когда наши консульские работники увидели камеру, в которую поместили моряков, они сразу заявили, что не уйдут оттуда и будут находиться в ней вместе с арестованными...

Демарш «сработал», условия были улучшены. Но это не меняло сути дела, моряков надо было во что бы то ни стало вытаскивать из тюрьмы. Огромные усилия к этому приложил посол А. Д. Поляков. Под его личное поручительство команду «Майер сидайвер» удалось перевести в нормальные условия — на территорию лагосского отделения посольства, по сути — «под домашний арест». Однако для нас это был самый первый сигнал о том, что предпринимаемые шаги дают результат. Да и нигерийцы в беседах с нами стали разговаривать значительно мягче. В Абудже на одном из приемов мне удалось «перехватить» министра юстиции-генерального прокурора (ранее мы с ним уже встречались официально по этому делу). Он сказал, что следствие продолжается. А потом вдруг добавил: «О задержании российских моряков было помещено слишком много статей в нигерийской прессе, и дело получило негативный общественный резонанс. Теперь оно должно отлежаться, пусть отдохнет». Так и сказал: «Let it rest».

Тем временем моряков продолжали допрашивать. В лагосскую прокуратуру их доставляли наши сотрудники. В начале апреля в плановом порядке завершил командировку посол А. Д. Поляков. Через некоторое время в страну прибыл его сменщик Н. Н. Удовиченко, который с новыми силами

самым активным образом включился в работу по освобождению экипажа. Параллельно соответствующие действия осуществлялись постпредством России в ООН. И предпринимаемые в течение восьми (!) месяцев усилия наконец-то дали результат.

В июне состоялся первый суд — над восемью моряками, а в июле — второй над оставшимися семью. Предъявленные им ранее обвинения в «создании угрозы национальной безопасности страны» были полностью сняты. Через некоторое время владельцам вернули и судно.

* * *

С тех пор прошло уже восемь лет. В Нигерии сменился президент, правительство, руководство МИД и других государственных структур, с которыми мы работали по делу «Майер сидайвер». Сейчас, когда оно уже окончательно «отлежалось» и «отдохнуло», можно объективно и без оглядки на кого бы то ни было проанализировать суть происшедшего.

Причина возникшей ситуации очевидна — пресловутое незадекларированное должным образом оружие на борту.

Очевидно и другое — в придании делу широкой огласки и даже в намеренном его «раздувании» (в том числе абсурдными и даже смехотворными подозрениями о якобы готовящемся незаконном вывозе нефти) были заинтересованы прежде всего военные моряки, явно увидевшие в деятельности российской охранной структуры угрозу своим коммерческим интересам. Не думаю, что это было направлено именно против России. Скорее, это был сигнал всем тем, кто хотел бы прийти сюда для небезвозмездной борьбы с пиратством. А чтобы другим неповадно было, предприняли «показательную порку» сменившейся и уж явно ни в чем не повинной команды корабля. Международная репутация своей страны «вояк», понятно, не волновала.

Как бы то ни было, восторжествовали здравый смысл и прагматизм, которыми всегда славились нигерийцы, а также их стремление сохранить дружественную атмосферу двусторонних связей, установившуюся еще со времен войны в Биафре, когда наша страна оказала федеральному правительству весомую поддержку в борьбе с сепаратистами.

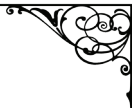
...Посол улетел в Лагос провожать освобожденных моряков на родину. А я в Абудже организовал дружескую вечеринку для коллег, на которой поздравил всех нас с благополучным завершением очередного эпизода из сериала «Бизнес в Африке по-русски». Выразил надежду, что этот печальный эпизод будет уроком для всех выходящих на африканские просторы российских бизнесменов. И что ни нам, ни нашим коллегам из других посольств не придется снова заниматься подобными делами. Ну, а уж если придется, то ведь, в конце концов, такова наша работа, которая — вопреки широко распространенному мнению — проходит отнюдь не только на дипломатическом приеме.

А. Е. ГЛАДКОВ
Советник

Родился в 1950 г. в Саратовской области. Окончил факультет иностранных языков Ивановского пединститута. В системе МИД с 1993 г. Работал в МГИМО, в центральном аппарате Министерства, в Генконсульстве РФ в Мюнхене, в посольствах в Швейцарии и Азербайджане. Почетный работник МИД России. Неоднократно награждался медалями. Автор трех поэтических сборников и многочисленных

публикаций в прессе. Почетный член Союза писателей Азербайджана.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЁДОРА ТЮТЧЕВА В БАВАРИЮ...

В начале 2000-го года завершалась моя работа в МГИМО в качестве заместителя первого проректора, начальника отдела международных связей. Я получил назначение в Мюнхен в качестве вице-консула нашего Генерального консульства в столице Баварии.

Незадолго до отъезда состоялся мой разговор с выдающимся советским международником-германистом Валентином Михайловичем Фалиным. Узнав о предстоящей командировке, он произнес фразу, ставшую, можно сказать, пророческой. «Ну вот, — заметил он, знавший, что я пишу стихи, — был в Мюнхене русский поэт-дипломат Фёдор Тютчев, а теперь пришел черед другому поэту-дипломату».

В Генконсульстве наряду с решением консульских вопросов дипломаты также регулярно направляли в Центр документы о различных аспектах политической, экономической, общественной жизни Баварии. Это была обязательная программа, и многие коллеги не выходили за ее рамки. Но это был не мой выбор. Мюнхен не просто один из городов Германии. Это особый город с богатой историей, культурой. Его именовали и культурной столицей Германии, и Афинами на Изаре (мюнхенская река). Меня интересовала культурная жизнь города, я знакомился с представителями политической, культурной элиты, участвовал в различных значимых акциях.

Из проектов, инициированных мною или осуществленных с моим участием, хотел бы остановиться на истории

с возвращением в баварский «культурный оборот» имени великого русского поэта и дипломата Фёдора Ивановича Тютчева, осознанием баварцами его значения для их собственной и европейской культуры, наших двусторонних отношений. Тем более, что данный проект оказался наиболее сложным, длительным по времени решения и потребовал значительных усилий.

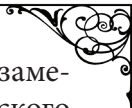
Ф. И. Тютчев прожил в Мюнхене более 20 лет, в том числе с 1822 по 1839 год как дипломат в составе российской дипломатической миссии при Баварском королевском дворе. Он принял активное участие в подготовке и реализации одного из крупных событий европейской политики 30-х годов XIX века — избрании на греческий престол принца Отто, сына баварского короля Людвига I.

Стихами Тютчева восхищались Александр Пушкин, Николай Некрасов, Фёдор Достоевский, Лев Толстой. Вспомним строки Афанасия Фета из его стихотворения по случаю одного из посмертных тютчевских изданий:

Вот наш патент на благородство, —
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет. ...

Но муза, правду соблюдая,
Глядит — а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

Поэт и мюнхенский житель, Тютчев, разумеется, не мог не переводить стихи выдающихся поэтов Германии, в частности, Генриха Гейне, с которым поддерживал дружеские отношения и которого фактически открыл для русской культуры. Он также переводил произведения Гёте, Шиллера,

Гердера, Уланда. На смерть Гёте Тютчев откликнулся замечательным стихотворением, в котором сравнил германского гения с «лучшим листом на древе человечества высокоом».

Произведения русского дипломата и мыслителя также переводились на немецкий язык многими замечательными поэтами Германии. Первый сборник его стихов в Германии был напечатан в 1861 году. Кстати, многие тютчевские строки, которые мы знаем с детских лет, были написаны в Баварии.

Музами поэта и дипломата стали три баварские красавицы: обе его жены — Элеонора (урожденная графиня Ботмер) и, после смерти Элеоноры, Эрнестина (урожденная баронесса фон Пфедфель) Тютчевы, а также подруга юности, ставшая другом всей жизни, Амалия Крюденер (урожденная графиня фон Лерхенфельд), портретом которой мы можем и сейчас любоваться в знаменитой галерее красавиц Нимфенбургского дворца. Среди этих имен особенно отметим вторую супругу Ф.И. Тютчева, Эрнестину, которая выучила русский язык, собрала и сохранила для последующих публикаций многие произведения поэта, к которым сам автор зачастую относился весьма небрежно.

Выпускник Московского университета, блестяще образованный русский европеец, Тютчев прекрасно знал не только германскую литературу. Он переводил на русский язык произведения Шекспира, Байрона, Гюго, Беранже, сам писал стихи на французском, которым он, разумеется, владел в совершенстве.

5 декабря 2003 года исполнялось 200 лет со дня его рождения. Россия готовилась встретить юбилей великого русского поэта, мыслителя и дипломата. Но в Германии сложилась иная ситуация... Мои контакты с представителями местной элиты, включая весьма образованных людей, показали, что на «второй Родине» Фёдора Тютчева изрядно подзабыли. Его произведений не было даже в самых крупных и престижных книжных магазинах. При произнесении его имени баварские

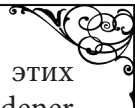

интеллигенты пожимали плечами — дескать, извините, не слышали. Как выразился ставший позднее моим хорошим приятелем заведующий главным отделом культуры Баварского радио, профессор Кристоф Линденмайер: «Тютчев? Мне необходимо устранить определенный культурный дефицит».

Как говорится, работа дурака любит. Вот я и взялся по собственной инициативе за устранение упомянутого баварского дефицита. Надо отдать должное коллегам, руководителю Генерального консульства. Когда было необходимо, начальство подписывало подготовленные релиции.

Это был длительный процесс. Состоялись многочисленные беседы с представителями баварских политических, научных и культурных кругов, средств массовой информации, направленные на разъяснение значения Тютчева для европейской и мировой культуры, необходимости достойно отметить его юбилей в Мюнхене. Пришлось регулярно теревить тревожными бумагами и высокое начальство в России, которое по старой русской традиции не торопилось принимать официальных решений и обращаться к баварским властям с конкретными предложениями, что, разумеется, снижало эффективность наших дипломатических усилий в Баварии. Тем не менее, постепенно, эти усилия стали приносить плоды. У нас появились влиятельные «союзники» в аппарате правительства Баварии, в руководстве города Мюнхена, Баварского радиовещания, Баварских архивов и других ведомств, заявлявших о готовности поддержать наши проекты и участвовать в них.

Накануне юбилея и в юбилейный год был проведен ряд крупных акций, посвященных Тютчеву, в том числе с участием представителей русскоязычной диаспоры Баварии. Оригинальную акцию, посвященную юбилею — экспедицию на плато Унтерсберг, где путешествовал Фёдор Иванович, а позднее первый переводчик его стихов Генрих Ное, провели члены мюнхенского клуба «GOROD». В этом походе четверо

наиболее непоседливых граждан, включая автора этих строк, совершили восхождение на вершину «Berchtesgadener Thron», где сфотографировались со специально изготовленным по данному случаю вымпелом с изображением поэта.

14 ноября 2003 г. в центре Мюнхена, на Людвигштрассе, в здании Государственного архива Баварии открылась представительная и очень интересная выставка «Фёдор Иванович Тютчев. Поэт, дипломат, мыслитель», экспонировавшаяся до середины декабря. В качестве главных организаторов и участников с баварской стороны выступили Госархив Баварии, с российской — Музей истории г. Москвы (координатор), Музей А. С. Пушкина, подмосковный музей-усадьба Мураново; также были представлены документы из архива Министерства иностранных дел России и Российского госархива литературы и искусства. Посетители смогли увидеть многочисленные экспонаты, свидетельствующие о разносторонних дарованиях Тютчева. В частности, были представлены прижизненные сборники стихов поэта, публикации Тютчева в знаменитом Пушкинском «Современнике», автографы, а также документы, касающиеся дипломатической деятельности поэта, его личные вещи и т. д.

В ноябре 2003 года на радиостанции «Бавария 2» прошел двухчасовой баварско-русский вечер, посвященный поэзии Тютчева, истории, традициям, современному состоянию российско-баварских (немецких) отношений. Также в ноябрьские дни юбилейного года в университете г. Регенсбурга состоялась международная научная конференция, посвященная жизни и творчеству Тютчева, с участием специалистов из России, Германии и других стран.

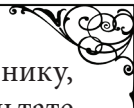
В Дрездене издательство «Thelem» (редактор и переводчик известный славист, профессор Лудольф Мюллер) выпустило самый полный на тот день в Германии — около 160 произведений — двуязычный сборник стихов русского поэта «Im Meeresrauschen klingt ein Lied» («Певучесть есть в морских

волнах»). Дорожу подарочным экземпляром в моей библиотеке с трогательным посвящением Л. Мюллера «Александрю Гладкову, наследнику Тютчева на русской дипломатической службе в Мюнхене».

Список мероприятий юбилея Фёдора Ивановича в Баварии вышеупомянутыми событиями не исчерпывается. Однако самым сложным было добиться согласия баварских властей на открытие памятника Тютчеву в Мюнхене. Переговоры по данному вопросу продолжались не один месяц. Проект памятника подготовил Народный художник России Андрей Ковальчук. На самом деле было даже два проекта — памятника и бюста, как договоримся. Германские власти вообще очень осторожно относятся к установке новых памятников, особенно исполненных в классической манере. Здесь сказывается общий западноевропейский тренд — отказ от классической традиции, уход в абстракцию, постмодернизм и прочие «измы». Но также, на мой взгляд, «стоит на страже» национальная историческая память, отягощенная воспоминаниями о помпезном и вульгарном «искусстве» времен Третьего рейха. Мы замахнулись на серьезный прецедент: в западных землях Германии после войны деятелям российской культуры «традиционных» фигуративных памятников не ставили.

Мы постепенно приближались к положительному решению, но в определенный момент все оказалось на грани срыва. Однажды мне позвонил мой партнер по переговорам, бургомистр г-н Монатцедер, отвечавший в руководстве города за вопросы культуры, и предложил срочно встретиться. В беседе он сообщил мне, что руководительница одной из организаций российской диаспоры, весьма амбициозная дама, передала обербургомистру города абсолютно неприемлимый для Мюнхена проект памятника, поступивший от кого-то из Москвы, проект, вызвавший крайне негативную реакцию главы города. Замечу, что мы с самого начала просили эту общественницу не выступать с несогласованными

с Генеральным консульством инициативами по памятнику, учитывая деликатность и сложность вопроса. В результате глава города в сердцах заявил своему заместителю, что никакого памятника Тютчеву в городе не будет. Работа многих месяцев грозила закончиться ничем. Я предложил бургомистру не ставить крест на проекте сразу, выждать некоторое время. На самом деле для меня оставался выбор между двумя опциями: либо ничего не предпринимать, и ничего не будет, либо применить нетрадиционные методы.

В это время в Мюнхене находился Посол России в Германии Сергей Борисович Крылов, который остановился в резиденции генконсула. Пришлось нарушить все дипломатические приличия. Приехав домой, я написал письмо Крылову, в котором информировал его о создавшейся ситуации и, разумеется, в вежливой форме, но фактически настойчиво рекомендовал ему направить личные письма главе правительства Баварии и обербургомистру Мюнхена, в которых Посол со ссылкой на высших руководителей наших стран, на договоренности о культурном сотрудничестве обратил бы внимание баварских руководителей на важность установки в Мюнхене памятника Тютчеву в его юбилейный год. Передал это письмо послу через сотрудницу, обслуживавшую резиденцию. Конечно, это была игра ва-банк с моей стороны: писать послу через голову собственного начальства и диктовать ему, что он должен сделать. Можно было напроститься на крупные неприятности. Но ситуация требовала решительных действий.

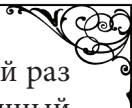
Надо отдать должное С.Б. Крылову. Он написал необходимые письма, написал весомо, аргументированно и весьма определенно. К тому же он обладал хорошим чувством юмора. Как мне позднее рассказал мой товарищ Владимир Найдёнов, бывший в то время начальником отдела культуры нашего Посольства в Берлине, посол по возвращению из Мюнхена сказал ему: «Володя, мы тут получили указание из Мюнхена направить два письма руководителям Баварии. Надо исполнять».

Баварцы в данной ситуации не могли устоять перед напором из Берлина. 11 декабря 2003 года с участием Премьер-министра Баварии Эдмунда Штойбера, Министра иностранных дел России Игоря Иванова, Посла России в Германии Сергея Крылова, делегации Брянской области во главе с губернатором Юрием Лодкиным и скульптора Андрея Ковальчука элегантный памятник Фёдору Тютчеву в центре Мюнхена был торжественно открыт. Свершилось! Во время открытия произошло одно маленькое чудо, засвидетельствовавшее благосклонность высших сил к этому событию. День стоял пасмурный. Небо было покрыто плотными облаками. Но в момент, когда Штойбер и Иванов разрезали ленты на полотне, покрывавшем памятник, и оно упало, секунда в секунду облака расступились, и на площадку хлынули потоки света. Фёдор Иванович с нами поздоровался.

Примерно за месяц-полтора до торжественного акта нам удалось убедить баварцев в необходимости сооружения именно фигуративного полноценного памятника. Они были настроены на вариант поскромнее — бюст. Но убедившись, что им не удастся сломить сопротивления этих упрямых русских, капитулировали. Разумеется, сильным аргументом стал сам проект Народного художника России московского скульптора Андрея Ковальчука: элегантный молодой Тютчев с тросточкой и цилиндром, истинный денди на прогулке. Таким он был, прибыв в 1822 году в Мюнхен в Русскую дипломатическую миссию в качестве внештатного атташе. Кстати, благодаря этому памятнику парк, в котором его установили, называвшийся «Садом финансов» (Finanzgarten), был официально переименован в «Сад поэтов» (Dichtergarten).

«Юбилейный тютчевский 2003 год» и события, связанные с ним, — уже история. Но остался памятник, новые книги. Останется также что-то еще, нематериальное... Полагаю, многие баварцы открыли для себя великолепные тютчевские стихи, почувствовали, как мы близки друг другу в наших

истоках, в наших чувствах... Да и если мы сами лишний раз снимем с полки любимую книгу и перечитаем в сумрачный осенний вечер, так располагающий к философским размышлениям о жизни, хотя бы вот это:

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь,
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья...

Право слово, есть смысл в таких юбилеях и есть смысл в них участвовать.

Постскрипtum: Похоже, что после упомянутых событий автор этих строк стал считаться среди коллег кем-то вроде эксперта по установке памятников российским деятелям культуры в Германии. Так, в начале 2004 года мне позвонил наш дипломат из Генерального консульства в Лейпциге с вопросом, что нужно сделать, чтобы добиться установки памятника Достоевскому в Дрездене. Мы подробно обсудили ситуацию. Памятник Фёдору Михайловичу был установлен в 2006 году с участием Президента России и Канцлера Германии.

Вот такие события произошли в самом начале 21-го века на юге Германии, в Свободном Государстве (официальное наименование федеральной земли «Freistaat») Бавария.

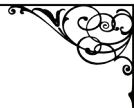
Ю. К. НАЗАРКИН
Чрезвычайный
и Полномочный Посол

Родился в 1932 г. в Москве. Закончил МГИМО. Кандидат исторических наук. Доктор международных отношений (honoris causa).

Начал работу в МИД в 1956 г. (в референтуре стран Африки), занимал младшую должность в Посольстве СССР в Танганьике.

Долгие годы (до 1992 г.) посвятил разоруженческой проблематике, возглавлял Департамент по разоружению и контролю за военными технологиями, участвовал в переговорах по разработке ДНЯО, Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия, других документов. Возглавлял советскую делегацию на переговорах с США по ядерным и космическим вооружениям, результатом которых стало заключение договора СНВ-1. Являлся заместителем секретаря Совета безопасности России. Имеет государственные награды.

С 1996 г. ведет преподавательскую работу в Женевском институте дипломатии и международных отношений. Работает над новой книгой воспоминаний, отрывок из которой включен в этот сборник.

КРАТКОСТЬ — СЕСТРА ТАЛАНТА ИЛИ ДИТЯ ВЫУЧКИ?

Склоняюсь к последнему варианту. Большая часть моей профессиональной жизни приучила к краткости. Для справки: я проработал в МИДе с 1956 по 1992 г. (ушел из Министерства из-за несовместимости с тогдашним министром А. Козыревым и перешел в Совет Безопасности РФ). Более подробно моя профессиональная автобиография изложена в книге «О дипломатических буднях и другие истории», выпущенной издательством МГИМО в 2011 г. (кстати, в Швейцарии я возглавляю общество живущих здесь выпускников нашего института).

Итак, что учило меня краткости?

Во-первых, написание шифртелеграмм. А мне еще пришлось застать и те времена, когда они отправлялись (из маленьких посольств) обычным телеграфом (а не собственным передатчиком), и каждый знак стоил денег. Кстати говоря, в мидовской переписке долгое время сохранялись (видимо, по инерции) укороченные слова. Например, «телеграфьте», а не «телеграфируйте». Это не от безграмотности, а ради экономии...

Вот, например, как происходила переписка в советском посольстве в Дар-эс-Саламе, где я работал в 1962 г. Шифровальщик переводил слова в колонки цифр и запечатывал их в обычный конверт. Его отвозил на телеграф посольский шофер (он был нанят из местных, звали его Вазири, а мы

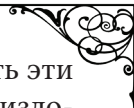

его звали Васькой). Когда же приходила шифровка из Москвы, ее с телеграфа привозил на велосипеде босоногий курьер, вручал конверт дежурному и, получив от него некоторую мзду, уезжал счастливый. А шифровальщик переводил цифры в слова и вручал послу. Понятно, конечно, что при такой практике не только слова, но даже и буквы стоили денег и их приходилось экономить. Вот так бывало много десятилетий назад...

В своей дальнейшей мидовской практике я имел дело с совершенно иной системой связи. Тут приходилось думать о краткости не ради экономии. Как известно, начальство не любит читать длинные тексты и, если хочешь, чтобы твое произведение было прочтено и дошло до читателя, нужно написать его максимально кратко и по делу. При этом полезно найти интересную «изюминку», за которую мог бы зацепиться глаз читателя.

Наши хорошо известные замечательные дипломаты были виртуозами. Но у некоторых не столь известных послов случались и забавные ляпы. Вот, например, что сообщил однажды один наш посол из небольшой африканской страны: «Встретился с Президентом Республики. Рассказал ему о миролюбивой политике нашей страны. Подарил книгу "Вопросы ленинизма" и бутылку водки. Пусть читает». А другой посол в только что провозгласившей независимость одной африканской стране докладывал о благополучном прибытии его супруги, которая одновременно была оформлена третьим секретарем: «Прибыла имярек и приступила к выполнению своих обязанностей». Почему я вспомнил об этих случаях, связанных с Африкой? Исключительно потому, что несколько лет работал в африканском отделе и читал телеграммы в основном из подопечных стран.

Еще более краткий жанр — это так называемые «записки в ЦК», т. е. докладные с предложениями в Политбюро. В эпоху позднего Брежнева и его престарелых соратников

и преемников (а мне именно тогда приходилось творить эти «записки» и оттачивать «сестру таланта») докладные, изложенные более чем на трех страницах, автоматически не принимались Секретариатом ЦК, какому бы сложному вопросу они ни посвящались. На этот счет существовало специальное указание-циркуляр. Геронтократические лидеры физически не были в состоянии одолеть (в смысле хотя бы прочесть) большой объем. Что же поделаешь, суровая необходимость заставляла излагать суть проблемы очень кратко, причем без ущерба для смысла.

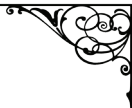
Надеюсь, я еще не потерял приобретенный в МИДе навык. Наверное, поэтому и сейчас, работая над мемуарами, я предпочитаю жанр коротенькой зарисовки-воспоминания, вместо длительного мемуарного фолианта. Вот так.

МОМЕНТЫ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Н. Г. ФОМИН
Чрезвычайный
и Полномочный Посланник

Родился в 1947 г. в Москве. Окончил МГИМО. На дипломатической службе с 1970 г. Многие годы посвятил работе на чехословацком направлении. Занимал ответственный пост в отделе ЦК КПСС. Возглавлял затем Отдел Европейского союза в Департаменте общеевропейского сотрудничества МИД. Являлся советником-посланником Посольства России в Турции и заместителем директора Второго департамента стран СНГ. Имеет благодарности по МИД России, награжден медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

О ВКЛАДЕ Е. М. ПРИМАКОВА В УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ СНГ

Прошло уже долгих шесть лет с момента проведения в МИД России 2 июля 2015 г. вечера памяти Е. М. Примакова с участием действующих сотрудников и ветеранов дипслужбы, представителей ведомств и исследовательских центров.

Министр, другие участники этого мероприятия характеризовали Евгения Максимовича как государственного политического и общественного деятеля, ученого, журналиста, дипломата. С. В. Лавров особо отметил роль Е. М. Примакова в выработке ключевых направлений нашей внешнеполитической доктрины, утверждении независимого, самостоятельного курса Российской Федерации, ее открытости к сотрудничеству с международными партнерами на равноправной основе.

Звучали слова коллег, знавших его лично. Яркими воспоминаниями делились ближневосточники, те, кто имел счастье работать с ним в командировках, участвовать в выработке решения сложных проблем региона. Упоминалось значение идей укрепления взаимодействия с Китаем, Индией, продвижения совместных программ в рамках БРИКС в интересах утверждения многополярной структуры международных отношений.

Вспоминая сегодня тот памятный вечер, никак не могу избавиться от мысли о некоторой недосказанности в выступлениях участников. Речь о том, что как бы в тени оказались те аспекты деятельности Е. М. Примакова, которые связаны со становлением и развитием отношений в рамках СНГ.

Попытаюсь восполнить этот досадный пробел. Ведь по работе на молдавском направлении в 2004–2012 годах я хорошо знал, какое влияние он на протяжении многих лет оказывал, например, на поиск правового формата урегулирования конфликтов, наподобие приднестровского.

* * *

Вспомнился эпизод личного общения с Евгением Максимовичем в период работы в Турции. В октябре 2001 г. он, будучи Президентом Торгово-промышленной Палаты, приезжал в Стамбул для того, чтобы выступить на Генеральной ассамблее Совета по внешнеэкономическим отношениям (DEIK) Турции.

Двусторонние отношения находились на подъеме. Несомненно, его, как человека кипевшего идеями, интересовали перспективы сотрудничества. 15 октября он заехал в наше Посольство в Анкаре, чтобы обсудить дела со своим старым другом, послом Александром Александровичем Лебедевым. Тогда удалось оперативно организовать встречу с заместителем председателя правительства Турецкой Республики Девлетом Бахчели. Это дополнило впечатления гостя, которыми он делился на товарищеском ужине в резиденции посла.

По ходу беседы возник вопрос о целесообразности и возможности издания одной из книг Е. М. Примакова для турецких читателей. За этим не стояло амбиций, саморекламы. Чувствовалось искреннее желание представить для местной общественности свидетельство о происходящем в Российской Федерации, что называется, из первых рук.

Мною было предложено обсудить варианты с руководителем издательского подразделения авторитетного в Анкаре Средне-Восточного Университета. Встреча состоялась на следующее утро. Надо было видеть, с каким уважением и заинтересованностью турок отнесся к проекту.

После краткого взаимного представления (разговор шел на английском) Е. М. Примаков передал турку две свои книги. Особое внимание привлек к вышедшим в 1999 г. в издательстве «Коллекция "Совершенно секретно"» мемуарам «Годы в большой политике».

Перелистывая страницы книги и кратко комментируя ее по отдельным главам он дошел до того раздела, который касался периода работы в МИД. Буквально им было сказано следующее: «Многое из того, что здесь написано, известно у вас лишь в общих чертах. Близкую для Турции проблематику Ближнего Востока вы знаете не хуже меня. Но с подходами России к урегулированию конфликтов в государствах бывшего СССР специалистам будет интересно ознакомиться. Можно сказать, что это мой личный вклад в формирование внешней политики...».

Далее он стал с нотками гордости зачитывать в переводе, уже по закладке в книге, отдельные фрагменты текста. В частности, последнюю часть пятой главы — «Проблемы СНГ»: «...все больший упор следует делать на непосредственные переговоры сторон. Никакое "навязывание урегулирования" невозможно, когда конфликты так затянулись во времени, тем более прошли военную фазу. А посреднические "добрые услуги" не могут и не должны рассматриваться самостоятельно, без тесной увязки с переговорным процессом и поисками договоренностей самими участниками конфликтных ситуаций» (стр. 424 упомянутой книги).

* * *

В контексте этой заметки не могу не добавить краткие факты об участии Е. М. Примакова в урегулировании молдавско-приднестровской проблемы. В ее разрешении он принял активное участие, действуя на разных участках обеспечения внешнеполитических интересов нашей страны (включая работу в СВР).

Евгений Максимович последовательно исходил из того, что следует активно искать такое урегулирование конфликта, которое отвечало бы интересам обеих сторон. В основу должны быть положены приоритеты сохранения территориальной целостности Республики Молдова. В то же время необходимо максимальным образом защитить интересы Приднестровья.

В реализации этих идей Е. М. Примаков предлагал активно использовать тот факт, что универсальная модель урегулирования подобных противоречий в мировой практике отсутствовала. В ОБСЕ тогда были реально заинтересованы в разработке реальной модели на примере Приднестровья. В официальных документах этой организации была даже зафиксирована невозможность существования Республики Молдова как унитарного государства (пример — положения Доклада Миссии ОБСЕ 13 октября 1993 г.).

Даже американцы на тот момент говорили о перспективности использования федеративной схемы отношений двух субъектов урегулирования (в моем рабочем досье хранилась копия подтверждающей это ноты Госдепа в адрес МИД РФ).

Формат урегулирования «2+3» (Приднестровье-Молдова + Россия-Украина-ОБСЕ) работал весьма интенсивно не только в плане удержания сторон конфликта в русле субстантивного решения текущих проблем отношений, но и как механизм разработки конкретных схем отношений сторон на будущее.

Важным шагом к этому стала выработка и подписание 8 мая 1997 г. в Москве Меморандума о принципах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем (он даже получил неофициальное название «Меморандум Примакова»). В этом документе было зафиксировано намерение Республики Молдова и Приднестровья развивать отношения в рамках общего государства. Российская Федерация заявила о своей готовности стать гарантом соблюдения на перспективу статуса Приднестровья в формируемых сторонами общих пространствах правового, экономического, социального взаимодействия.

Для активного использования этих возможностей 9 августа 2000 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ «Об организации деятельности Государственной комиссии по содействию политическому урегулированию приднестровской проблемы» с целью «интенсификации переговорного процесса», а также «координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в этой области». Комиссия в своей деятельности исходила из международных договоренностей, обязательств Российской Федерации в связи с подписанием упомянутого Меморандума. Председателем Комиссии был назначен Е. М. Примаков.

Комиссия разработала в сентябре 2000 г. проект «Об основах взаимоотношений Республики Молдова и Приднестровья». Он представлял собой смешанный вариант строительства федеративного и конфедеративного государства «в соответствии с нормами и принципами международного права, включая принцип территориальной целостности государств и самоопределения народов».

По проекту «Общее государство Республика Молдова является независимым, территориально целостным, суверенным государством, субъектом международного права, членом ООН, в границах бывшей Молдавской ССР по состоянию на январь 1990 г.», но «Приднестровская Молдавская

Республика — государственно-территориальное образование в составе Общего государства», имеющее «свою Конституцию», на основе которой «формируется законодательная, исполнительная и судебная власть». «ПМР имеет свою государственную атрибутику — флаг, герб, гимн». В качестве официальных языков в ПМР используются «молдавский, русский и украинский».

Отношения сторон должны регулироваться «особым Договором, которому будет придана сила Конституционного Акта. При этом каждая из сторон сохраняет свою Конституцию», но «конституция и конституционные акты не должны противоречить друг другу». Для разработки «конституционно-правовых основ общего государства, вопросов разграничения предметов ведения и взаимного делегирования полномочий, выработки и проведения реформирования экономики и социальной сферы образуется Общегосударственный совет».

Еще несколько лет тонус урегулирования приднестровской проблемы благодаря деятельности Е. М. Примакова возрастал и к 2003 г. возникла реальная основа ее разрешения.

Ответственность за то, что шанс был упущен, несут те силы, которые испугались усиления влияния Российской Федерации на постсоветском пространстве, предпочли сохранение перманентной напряженности в этом и смежных регионах Восточной Европы.

* * *

В этих заметках помечены только отдельные штрихи, показывающие вклад Евгения Максимовича в выработку подходов к урегулированию конкретного конфликта. Но и они характеризуют его как важную, знаковую фигуру в разработке проблем конфликтологии, государственного строительства и права.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ

О. Н. ХЛЕСТОВ
Чрезвычайный
и Полномочный Посол

Родился в 1923 г. в Москве. Окончил Московский юридический институт и ВДШ. На дипломатической службе с 1945 г. Работал в посольствах СССР в ряде стран. В центральном аппарате являлся заведующим Договорно-правовым отделом, членом Коллегии МИД.

В 1979–1988 гг. — постоянный представитель СССР при международных организациях в Вене, в том числе в Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ).

Заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Дипломатической академии МИД России. Автор более 90 научных книг и публикаций.

Награжден орденами и медалями СССР, России, Болгарии, Монголии.

В бытность представителем СССР при МАГАТЭ О. Н. Хлестов занимался в том числе проблематикой, связанной с аварией на Чернобыльской АЭС.

К 35-ЛЕТИЮ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АВАРИИ

Авария на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г., была самой крупной в истории использования атомных электростанций и оказала серьезное влияние на деятельность в этой области. Она, с одной стороны, усилила позиции противников создания АЭС, заявлявших, что они создают угрозу для человечества. С другой стороны, она заставила создателей АЭС уделять больше внимания обеспечению безопасности их деятельности. Чернобыльская авария была в центре внимания во всем мире, а о ее последствиях вспоминают до сих пор. Советские власти принимали меры, чтобы уменьшить трагические последствия разрушения ядерного реактора, негативного воздействия радиации на людей и окружающую среду в районах, примыкающих к Чернобылю. Но выброс радиации был мощным и распространялся далеко от места расположения АЭС. В связи с этим, наряду с внутренними проблемами, для СССР возникали и международные, чем мне пришлось заниматься как представителю СССР при МАГАТЭ.

Главными, конечно, были проблемы внутри СССР. Ликвидация аварии потребовала героических усилий со стороны людей, в первую очередь работавших там специалистов и привлеченных к ликвидации аварии военнослужащих специальных частей. Проблем было много, тем более что опыта борьбы с подобными событиями тогда еще не было. Был создан мощный «кулак» для проведения всех мероприятий с участием

ученых. Во главе был Заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Щербина. Они проделали огромную работу для ликвидации последствий аварии, в том числе очищая зараженную почву и воды, переселяя людей из опасных зон (а это свыше 100 тыс. человек) и другие работы. Память об этих людях, а из них многие погибли, должна быть вечной.

Не обошлось и без недостатков. Местные власти, в частности, не всегда своевременно информировали о радиоактивной опасности.

Но вернемся к международным делам. 28 апреля 1986 г. Гендиректор Агентства Х. Бликс сообщил мне, что ему из Стокгольма звонила шведский министр энергетики и сообщила, что в одном из районов Швеции резко повысился уровень радиации. Шведы проверили находившийся там реактор; он был в порядке. В связи с обращением шведов к соседним странам они сообщили, что у них нет утечки радиации. Нет ответа лишь от СССР, в связи с чем Х. Бликс и обратился ко мне. Я послал в Москву сообщение об этом запросе. Когда я приехал домой, а это был 21 час по московскому времени с несколькими минутами, жена сказала мне, что по советскому телевидению только что сообщили об аварии на Чернобыльской АЭС. Я немедленно сообщил об этом Гендиректору Х. Бликсу в качестве официального ответа на его запрос. В документах МАГАТЭ — это сообщение от 28 апреля 1986 г. указывается как официальная дата информирования Советским Союзом Агентства об аварии на Чернобыльской АЭС.

Радиация распространилась за пределы СССР, что вызвало самую различную реакцию, в том числе и негативную. Хотя соответствующие службы ряда стран отмечали, что несмотря на некоторое повышение уровня радиации в ряде стран это не создает угрозы населению, СМИ, в первую очередь западные, использовали аварию и распространение радиации за пределы СССР в антисоветских целях.

Начиная с 28 апреля 1986 г. Представительство ежедневно и активно занималось вопросами, связанными с аварией. Направление в МАГАТЭ и распространение среди венских журналистов и в дипкорпусе официальных сообщений Представительства о мерах, принимаемых в СССР для устранения последствий аварии и об уровне радиации в районе Чернобыля, создавались на основе сообщений ТАСС. В Москву направлялась информация, поступающая в МАГАТЭ из различных стран о радиационной обстановке в них и реакции на аварию. МАГАТЭ обобщало всю информацию об уровне радиации в различных странах, которая говорила о ситуации в них (несмотря на некоторое повышение ее уровня) и издавало соответствующие бюллетени. Все это передавалось в Москву.

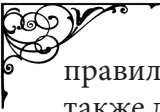
Х. Бликс занимал разумную позицию в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Он считал недопустимым раздувать ее негативные последствия, так как это могло отрицательно сказаться на развитии атомной энергетики, и вел соответствующую линию. Я поддерживал с ним постоянный контакт. Его позиция позволяла находить с ним взаимопонимание по конкретным вопросам. В этих условиях его поездка в СССР была бы полезной, тем более что, как нам стало известно, семерка ведущих западных стран — США, Великобритания, ФРГ, Франция, Италия, Канада и Япония — намерились на своей встрече в Токио осудить СССР за то, что он недостаточно сотрудничает в международном плане в связи с Чернобыльской аварией. Приглашать иностранцев на аварии никто не любит, а у нас это было особенно остро выражено. Тем не менее я стал убеждать Москву в целесообразности приезда Х. Бликса в СССР и сообщил, что он готов это сделать. И это удалось — мне поручили пригласить Х. Бликса. Сообщая ему об этом 30 апреля, я посоветовал ему взять с собой заместителя Гендиректора — гражданина СССР А. Константинова и американца — директора отдела

ядерной безопасности Агентства М. Розена. 4 мая МАГАТЭ опубликовало сообщение о том, что Гендиректор Х. Бликс приглашен в Москву и 5 мая отправляется в СССР (до этого были нерабочие, праздничные дни). В день отъезда Х. Бликс опубликовал подготовленное вместе с нами сообщение, в котором указывалось, что он выезжает в Москву для того, чтобы продолжить в Москве контакты с советскими властями, которые Агентство осуществляло в предыдущие дни через Представительство СССР.

5 мая 1986 г. на совещании западных стран в Токио было принято заявление, в котором утверждалось, что Советское Правительство не предоставило своевременно полную и точную информацию об аварии на Чернобыльской АЭС, но указывалось как положительный факт, что Правительство СССР пригласило Х. Бликса в СССР. Обвинение было явно преувеличенным: информация, которую передавало Представительство СССР в МАГАТЭ, и приглашение Х. Бликса в Москву свидетельствовали об обратном. Кстати, когда в США произошла ранее авария на одном из реакторов в районе «Тримайл Айленд», американцы пригласили из МАГАТЭ лишь одного сотрудника, причем гражданина США — М. Розена, которого я рекомендовал Х. Бликсу взять с собой в Москву.

Х. Бликс находился в СССР с 5 по 9 мая 1986 г. За это время он провел встречи с нашими руководящими сотрудниками и экспертами, занимавшимися аварией и устранением ее последствий, в частности и с Заместителем Председателя Совмина СССР Б. Щербиной, посетил район Чернобыля и облетел на вертолете разрушенный реактор. Ему были переданы все материалы, которые имелись к тому времени о причинах аварии и предпринимаемых мерах для устранения ее последствий. Было условлено, что советская сторона подготовит соответствующие материалы относительно аварии, которые будут рассматриваться в МАГАТЭ на совещании экспертов в августе 1986 г. (как это предусматривалось

правилами Агентства — через 4 месяца после аварии). Была также достигнута договоренность о том, что СССР будет направлять в Агентство — начиная с 9 мая 1986 г. — информацию о радиационной обстановке со станции, находившейся в 60 км от места аварии, а также с 6 других станций, расположенных вдоль западной границы СССР (Ленинград, Рига, Вильнюс, Брест, Рахов и Кишинёв). Визит Х. Бликса в СССР имел важное значение и был исключительно выгодным для нашей страны. По возвращении в Вену Х. Бликс подробно рассказал об итогах своего визита на пресс-конференции 9 мая, а затем на сессии Совета Управляющих — руководящего органа Агентства.

25–29 августа 1986 г. в МАГАТЭ состоялось совещание экспертов, о котором была достигнута договоренность во время визита Х. Бликса в Москву. В ней приняло участие свыше 600 экспертов из многих стран. Советские специалисты во главе с академиком В. Легасовым, участвовавшие в работе совещания, представили глубокий анализ событий, происходивших на Чернобыльской АЭС, сообщили о мерах, которые надо предпринимать для повышения безопасности АЭС. Представленные материалы были высоко оценены совещанием экспертов. Академик В. Легасов сыграл большую роль в защите интересов нашей страны в ходе совещания и в работе с журналистами, которые приехали в Вену в это время из многих стран.

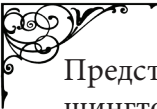
14 мая 1986 г. СССР предложил разработать комплекс мер для повышения безопасности ядерной энергетики. Наряду с техническими мерами предлагалось разработать две международные конвенции: одна — об оперативном оповещении о ядерной аварии, а вторая — об оказании помощи в случае аварии. 22 мая 1986 г. Совет управляющих МАГАТЭ поддержал программу мер, предложенных СССР. В МАГАТЭ приступили к подготовке конференции для разработки двух указанных конвенций. Эта конференция, в которой

участвовало свыше 50 государств, проходила в Вене с 21 июля по 15 августа 1986 г. Я был главой советской делегации. Поскольку председатель конференции играет важную роль, мы договорились с Х. Бликсом выдвинуть на этот пост Посла Нидерландов Людвиг Ван Горкома. Это был очень опытный дипломат, занимавший трезвую позицию по многим вопросам и явно настроенный на успех работы конференции.

Я вспоминаю об этом потому, что вопрос о председателе конференции имеет большое значение для ее успеха. Нередко на этот пост стремятся попасть по чисто престижным соображениям: польза от них для успеха конференции невелика, а порой и вовсе равна нулю, если не сказать жестче.

Таким образом, подбор председателя конференции и работа с ним являются исключительно важными элементами многосторонней дипломатии. Конференция прошла успешно: проекты конвенций находили широкую поддержку. Но возник очень сложный вопрос, который мог поставить СССР в невыгодное положение. Директивы для делегаций, утвержденные в Москве, предусматривали, что информация об авариях сообщается только в отношении атомных установок, используемых в мирных целях, но не для военных (производства ядерного оружия). Представители многих стран — Индии, Испании, Мексики — заявляли, что в случае трансграничного распространения радиоактивности для стран не имеет значения, на каких установках произошла авария: опасность от радиоактивности создается в любом случае. Они настоятельно выступали за включение в конвенцию положений, предусматривающих обязательства ядерных держав сообщать об авариях с трансграничными последствиями и на установках, используемых в военных целях. У делегации США, Великобритании и Франции была позиция, аналогичная нашей. Представитель Китая при разговоре с ним на эту тему только улыбался. Стало очевидно, что нам надо менять позицию или конференция провалится.

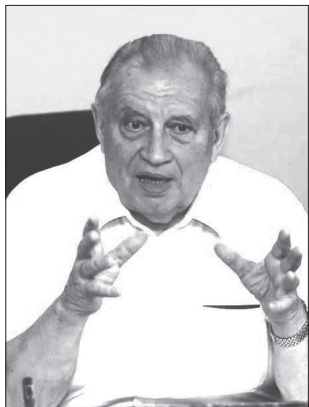

Представитель США сообщил мне, что он обращается в Вашингтон с предложением изменить позицию. Я решил сделать то же самое. Американец мне также сказал, что он предложит Вашингтону обратиться по этому вопросу непосредственно в Москву.

Утром 17 августа наша делегация получила положительный ответ из Москвы. Делегации США и Великобритании сообщили мне, что у них тоже есть положительные ответы из Вашингтона и Лондона. Представитель Франции, узнав об этом, начал срочно связываться с Парижем. Мы договорились с Председателем конференции Л. Горкомом начать ее несколько позднее с тем, чтобы лучше провести последнее заседание конференции с учетом нашей новой позиции. В итоге, в конвенции было предусмотрено обязательство ее участников информировать МАГАТЭ об авариях с трансграничными последствиями на всех ядерных объектах, включая даже военные корабли и подводные лодки.

Конвенции были подписаны 26 сентября 1986 г. и вскоре вступили в силу. Они, в сочетании с целым рядом технических мер, разработанных после аварии на Чернобыльской АЭС, создавали комплекс дополнительных мер для повышения безопасности АЭС. Подтверждением их эффективности является то обстоятельство, что с 1986 г. до наших дней — то есть почти за 30 лет — не было сколько-либо значимых аварий. Думаю, что авария на японской атомной станции Фукусима, произошедшая в 2013 г., — результат не столько неудачной постройки АЭС, сколько ее неудачного расположения — слишком близко к побережью океана, в результате чего ее залило волнами во время цунами. Очевидно, что создание АЭС и использование атомной энергетики в мире продолжатся. Понятно, что печальные уроки Чернобыля при этом не должны быть преданы забвению.

И ВСЕРЬЕЗ, И В ШУТКУ

В. Н. КАЗИМИРОВ Чрезвычайный и Полномочный Посол

Родился в 1929 г. в Москве. Окончил МГИМО и ВДШ. Работал в МИД СССР/России 47 лет (1953–2000). Был сотрудником посольств в Венгрии и Бразилии. Не раз возглавлял территориальные подразделения Министерства. Работал первым послом нашей страны в государствах Центральной Америки — Коста-Ри-

ке и Гватемале, а также в Тринидаде и Тобаго, послом в Венесуэле и Анголе. Возглавлял посредническую миссию России и был полномочным представителем Президента РФ в конфликте по Нагорному Карабаху в 90-е годы минувшего века. Заслуги В. Н. Казиминова отмечены рядом отечественных и иностранных наград, Почетной грамотой Президента Российской Федерации за большой вклад в реализацию внешнеполитического курса РФ, званием Заслуженный работник дипломатии. В отставке возглавлял рабочую группу из 10 коллег-послов, был заместителем председателя Ассоциации российских дипломатов, председателем Совета ветеранов Министерства.

Пожизненно находясь на дипломатической службе, В. Н. Казимиров всегда увлекался поэзией. Издал два своих сборника, целый ряд поэтических антологий сотрудников и ветеранов МИД России и выпускников МГИМО. Кроме книги «Мир Карабаху», публиковал воспоминания и очерки — в частности, из цикла «Дипломаты вспоминают...». Для данного сборника из этого цикла подготовил ряд неожиданных заметок...

НЕ ВСЕ СТАНДАРТНО В ДИПЛОМАТИИ

Общеизвестно, как высоко в современном мире ценится дипломатическая работа, которую даже порой величают «искусством». Вместе с тем в ней иногда возникают нестандартные, необычные, а то и казусные, курьезные ситуации. Нередко они весьма поучительны, а то и занимательны не только для любознательных молодых людей, раздумывающих, какую стезю или профессию избрать, но и для опытных дипломатов, включая руководство Министерства. Так, наш министр С. В. Лавров и сам порой не без юмора описывал во все не стандартные случаи в работе. А вот какие ситуации возникали иногда в моей дипломатической практике...

Первое назначение послом

Все обернулось серией курьезов. В июне 1971 г. негласно узнал от друга, что есть записка в ЦК КПСС о моей кандидатуре послом в Коста-Рику. Но потом, кроме меня, подобрали туда еще два кандидата.

Звонит заммининдел В. С. Семёнов (куратор Управления по планированию внешнеполитических мероприятий, где я старший советник). Отговаривает меня: «Лучше быть советником-посланником в Чили, где пришел к власти Альенде. Он скоро начнет аграрную реформу и другие преобразования — там будет делаться история! А послов у нас, — утешает он, — как собак нерезаных!»

Знакомят меня с послом Басовым, срочно переводимым из Румынии в Чили. Тот целиком доверяет мне подбор 10 должностей, выбитых им у Л. И. Брежнева. Прочат дать дипранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2 класса. А для Коста-Рики уже набрали аж 6 кандидатов, затем их стало трое, но уже без меня.

Министр А. А. Громыко уходит сегодня в отпуск — едет на юг. Кадры курирует его заместитель А. А. Смирнов. Он спешит дать министру предложения о после в Коста-Рику и о присвоении высших дипрангов. Но министр все три кандидатуры вдруг отводит (например, для Тарасова Коста-Рика мелковата — чуть позже поедет послом в Мексику). А посла в Сан-Хосе, увы, нет. Затем министр подписывает предложения о высших рангах. Дойдя до бумаги обо мне, Громыко велит вдруг направить меня послом в Коста-Рику. Зовут помощника министра. Тот срочно готовит записку в ЦК о моей должности. А про ранг министр изрекает: «Доверять, так доверять!» Толстым синим карандашом (его уже прозвали синевой) вычеркивает слова и буквы «нника 2 класса» и ставит подпись «АГ». То ли добрый настрой (отпуск!), то ли еще что необъяснимое? Встал и ушел — причем совсем!

Бумагу про ранг не успели перепечатать. Шеф секретариата растерян. Берет записку. Но ведь там есть подпись Громыко! Тогда велит мастерицам счистить бритвой то, что зачеркнуто «синевой». В таком виде записка и идет в ЦК КПСС.

Там, конечно, полное недоумение: ведь это первое назначение послом, хоть и в небольшую страну. Но сразу давать полный ранг посла?! К тому ж видна подчистка! Явно дело рук Казимилова или его друзей... Звонят секретарю парткома МИД СССР И. М. Ежову: разобраться! Ведь Кадры предлагали лишь 2 класс. Подлог! Истину выявил лишь А. А. Смирнов, вернувшийся в Москву дня через три. А курьез той разборки поведал мне сам Ежов. В ЦК же все-таки подправили министра, снизив ранг до посланника 1 класса. Ранг посла дали весной 1975 г. переназначая в Венесуэлу.

Отъезд в Коста-Рику

Послом в эту страну назначен 5 июля 1971 г., а выехать туда смог лишь 20 января 1972 г. Задержка в основном была вызвана тем, что открытие советского посольства там (а тем более — первого в Центральной Америке) явно не нравилось Вашингтону.

США развернули широкую кампанию против допускавшего этот шаг правительства Коста-Рики и, разумеется, против нас. Были мобилизованы также другие страны ЦА против «красной угрозы». В Сан-Хосе создали целое движение «Свободная Коста-Рика» во главе с Павлом Гордиенко, полковником Врангеля (он бежал в Европу, а потом за океан). В Коста-Рике было немало политических деятелей, настроенных яро против нас (скажем, Хорхе Гонсалес). События охватили многие организации, выплеснулись и на улицы. В субботу, 11 декабря вышли противники, а через неделю в несравненно большем числе — сторонники советского посольства в Сан-Хосе. Американцы (как и тогда, когда я работал ранее в Бразилии) подбрасывали компромат на меня в местные СМИ. Раз в 1956 г. я служил в нашем посольстве в Венгрии, то якобы «высылал венгерскую молодежь в Сибирь», «руки у него в крови» и т. п.

Надо отдать должное президенту Коста-Рики Х. Фигересу и министру иностранных дел Г. Фасио, которые отстаивали принятое ими решение о посольстве СССР, несмотря на враждебную кампанию и происки недругов. Фасио посетил Гватемалу для отпора противлению и Мексику в поисках понимания и поддержки. Оппозицию они даже обвинили в подготовке государственного переворота.

Из-за непростой обстановки в Коста-Рике первый зам. Громько В. В. Кузнецов трижды откладывал мне отъезд. Я смог вылететь лишь после четырех проводов с друзьями, но не в ресторане, а скромно в сауне. Всякий раз там был и мой друг Лев Яшин. Как раз в 1971 г. мой ровесник завершил

блестящую футбольную карьеру (а давно ли мы играли в молодежных командах: он в «Динамо», а я в «Торпедо»?).

Пришла новость из страны моего назначения, что женская католическая организация бросила клич закрыть мне детскими колясками путь из аэродрома в столицу (в 1957 г. его нарекли как раз «проспектом Свободной Венгрии»). Василий Васильевич велел мне предельно поздно сообщать в МИД Коста-Рики о своем прилете. Так я и сделал, позвонив туда лишь из Каракаса. Шеф протокола МИД смог примчаться в аэропорт, а сvezти детские коляски так и не успели.

В Коста-Рике я был послом СССР (1972–1975), а затем послом России (1996–1999). Ситуация уже была иной. Того Гордиенко и движения «Свободная Коста-Рика» уже не было, а его сын Евгений Павлович, известный в стране архитектор, стал (хоть и не знал русского языка) очень близок к нашему посольству, радушно принимал министра Е. М. Примакова и наших гостей на своем курорте «Пунта Леона». А ранее самый оголтелый враг нашего посольства Гонсалес вдруг пришел к послу России с комплиментами и подарком — искусной копилкой для моих запонок, которые иногда ношу.

С президентами Коста-Рики — отцом и сыном

Дважды вручал я верительные грамоты президентам Коста-Рики. 2 февраля 1972 г. известному Хосе Фигересу Ферреру, он трижды был главой государства (1948–1949, 1953–1958, 1970–1974). А второй раз в сентябре 1996 г. его сыну Хосе Фигересу Ольсену. Сын не был преемником отца (его не стало за 4 года до избрания сына). Оба были избраны от главной в стране Партии национального освобождения.

Однажды отец пригласил меня в свою резиденцию. Наедине поведал о том, какие государства помогали ему деньгами: США, ряд стран Европы и Латинской Америки. Фигерес намекнул, что на днях огласит это. Поначалу счел я это

шуткой — он умел и любил шутить! Вдруг спросил, можно ли упомянуть и Советский Союз? Поправил его, что мы, возможно, косвенно и помогли ему перед третьим избранием, закупив кофе и бананы при кризисе на рынке этих товаров, но это вовсе не та помощь ему. Он согласился. Через три дня вдруг действительно огласил прессе десяток стран, прямо помогавших ему, причем не впервые открыто признавал это. Но СССР в его перечне и быть не могло.

В 1972 г. в Сан-Хосе прилетел для рекламы наш ЯК-40. Приглашаю Фигереса узреть столицу сверху, полетать над ней. Он согласился, но приезжает не один, а с женой, сыном и дочерью, доверяя и нашему скромному самолету, и мне. Меняет и маршрут полета — на Тихий океан и обратно. Так я познакомился с его 18-летним сыном — будущим президентом страны лет через 20...

Через четверть века вручение грамот сыну было совсем необычным. Хорошо помня и то знакомство, и добрые связи с отцом, он был особенно приветлив. Принял меня в воскресенье, но не в официальном дворце, а в личной резиденции. И совершенно простецки — в домашнем наряде, даже без галстука, не рукопожатием, а объятьями на пороге. Пришлось и мне снять галстук. Хорошо это или плохо? Как формальность акта — нехорошо, а как знак расположения — неплохо. Сложилась полезная деловые отношения, что было особенно важно при наших визитах (например, председателя Московской городской думы В.М. Платонова, министра иностранных дел России Е.М. Примакова). Прием Фигересом Платонова удивил редким полным совпадением дат их рождения — 24 декабря 1954 г. Визит Примакова в Сан-Хосе оказался явно перегружен встречами с приехавшими к его визиту коллегами из стран ЦА и даже Доминиканской республики. Наш министр едва выдержал этот интерес и тягу к себе. После избрания Коста-Рики в СБ ее посетил представитель РФ в ООН С.В. Лавров. А с младшим Фигересом десятилетия

спустя мы встретились и в Москве, но я уже давно был пенсионером, но не раз обменивались с ним приветами.

Наименование департамента и сокращение

В начале 60-х в МИД СССР был Отдел стран Америки. Его главу А. Ф. Добрынина в конце 1961 г. назначили послом в США. Иногда звали — Отдел американских стран. Но уже назрела потребность уделить больше внимания странам Латинской Америки и создали два отдела. В ОСА остались лишь США, потом вошла Канада, а страны Латинской Америки обрели свой отдел. Как порой бывает в бюрократии, не всё учли, назвав его «Отдел стран Латинской Америки». Не задумались, как будет звучать и выглядеть сокращение — ОСЛА. Посол В. И. Базыкин стал заведующим ОСЛА. Но особенно сочно звучали такие должности — советник ОСЛА или третий секретарь ОСЛА. Причем ОСЛА всегда подавалось крупными буквами. Хорошо хоть младшим чинам почти не приходилось сочинять и подписывать собственные бумаги начальству. Но потом хватились и переименовали в Отдел латиноамериканских стран (ОЛАС). Потом было даже два Латиноамериканских отдела — 1 ЛАО и 2 ЛАО. Такова не лишняя курьеза предыстория нынешнего Латиноамериканского департамента (ЛАД), чье призвание — ладить со всем этим более чем континентом — от Мексики до Чили.

Суть привета президенту США Д. Картеру

В январе 1978 г. посетил Венесуэлу президент США Д. Картер. Визит был кратким. Всех послов, аккредитованных в Каракасе, пригласили с женами прямо в аэропорт, чтобы приветствовать там гостя. В зале стояли главы двух государств с женами и даже юная дочка Картера. Послы — многие с женами — шли по старшинству: по датам вручения верительных грамот. Мы с женой были примерно в середине

потока. Подойдя, каждый посол торопливо приветствовал гостя рукопожатием, говорил два слова и тотчас отходил. Двигались настолько быстро, что молниеносные диалоги выглядели какой-то бутафорией.

Мы уже подходили к гостям, когда вдруг меня осенила озорная идея выказать Картеру не просто привет, а с «начинкой». Я изрек ему: «Господин президент, позвольте приветствовать Вас словами — разрядка и разоружение!» Обе темы еще сохраняли актуальность. И я более ни слова! Картер знал испанский и стал внушать мне, что и США стремятся к этому, попросил жену Розалин подтвердить его слова. Что-то сказала и она, он продолжил. Они говорят, а мне неудобно отходить, слушаю, стою. Очередь остановилась. Президент Венесуэлы улыбается. Шеф протокола вне себя — застой! За мной шел швед. Потом он шутил: успели ли мы охватить тему разоружения? Назавтра газеты напишут: Картер как-то особо переговорил с послом СССР.

«Лояльность» западных партнеров по Карабаху

Минская группа СБСЕ по Карабаху возникла 1 июля 1992 г. под руководством итальянцев в Риме. Те создали на редкость льготные условия для сторон конфликта (оплачивали гостиницы, проезд в оба конца). Более года встречи МГ не были продуктивны: в основном шла перепалка между армянами и азербайджанцами. Россия, начав в 1991 г. собственное посредничество, сразу добивалась и в МГ СБСЕ прекращения огня, хотя западные партнеры не считали это достижимым. Как-то в зале возникла полная суматоха — никто не мог понять, каким образом в карабахском конфликте возник Китай? Как это армяне изловчились взять Китай? Не все синхронные переводчики на заседаниях знали названия городов, которые назывались по ходу военных действий. Один из них принял Лачин за Китай (ля Чин) и запутал всю аудиторию.

Итальянцы разочаровались пробуксовкой в МГ, и пришлось предложить провести следующее заседание вне Рима. Они согласились, и оно прошло 9–11 сентября 1993 г. в Москве на Спиридоновке. Тут западники приняли, наконец, наш подход к Нагорному Карабаху как стороне конфликта.

Оказавшись в роли хозяина, объявляю, что завтра последнее заседание с 10.00. Сам решил быть в особняке раньше (вдруг какой-то гость уже придет). Приехал и что же вижу? Все западники в сборе и что-то уже обсуждают. Но нас с белорусом не звали. Шок и для меня, да и для них, раз я застал их тайную сходку, созванную загодя! И ясно, что там обсуждали — как вести дела с Россией, раз ее посредничество дает плоды (в отличие от МГ). Вот такие были у нас «лояльные» партнеры на Западе! Этика не мешала им сбежаться в нашем же доме, но втайне от нас! Но тут удалось мне их уличить. А ранее в Риме и позднее в других точках они могли общаться без нас, даже именно против нас. Только там их вряд ли кто-то мог так застать.

Прекращение огня в Карабахе

За полгода до второй войны в Карабахе, которая, по моему глубокому убеждению, была развязана азербайджанской стороной, 12 мая 2020 г. исполнилось 26 лет перемирию между армянами и азербайджанцами. Оно было достигнуто дипломатией России в ожесточенном и сложном нагорно-карабахском конфликте. Из-за нелепой позиции Баку тогда само прекращение огня было оформлено необычно — и это почти курьез. Международная практика сходных аналогов не знает.

Следует иметь в виду, что необычна и сама конфигурация конфликта: в нем было не две стороны, как чаще всего, а три. На фронте все армяне противостояли азербайджанцам, но политически Ереван и Степанакерт иногда и расходились. Так вот, идентичный текст о прекращении огня подписан каждой стороной на своем листке, а не на том же

самом: 9 мая в Баку, 10 в Ереване, 11 в Степанакерте. Не смог я уговорить Гейдара Алиева подписать в одном месте с НК, но порознь, без приветствий, что практикуется. Однако нельзя было упустить готовность двух сторон к перемирию. Отсрочка была опасна сменой обстановки на фронте, чьим-то уходом от прекращения войны. Сведя же воедино все три листка, посредник мог сказать: «Вот соглашение о прекращении огня!» Юристы могут изречь, будто тут нет «чистоты». Но есть нечто выше этого: жизни солдат, офицеров, мирных жителей — они явно дороже пресловутой юридической чистоты!

Первопричина этой странности — нежелание Баку признать Нагорный Карабах (НК) стороной конфликта или противопоставить ему азербайджанскую общину НК. Но тут Баку непоследователен: все первые контакты и договоренности 1993 г. исходили не от НК, а от АР, особенно при ее неудачах на фронте. К маю 1994 г. [Азербайджан](#) потерял контроль над своими 7 районами, был заинтересован в перемирии, но никак не хотел подписывать соглашение с НК. Как ни парадоксально, подписал его 9 мая только, но именно с НК (РА якобы была в стороне, но через 2 часа тоже подписала). Вот почему пришлось избрать столь необычный способ подписания перемирия порознь обеими, а потом и третьей стороной.

Наши западные партнеры по МГ ОБСЕ, ревниво воспринимали посредничество России, вначале норовили пренебречь этим соглашением, искали другое, пытались забрать в свои руки и «усовершенствовать», но постепенно были вынуждены все больше считаться с ним. После четырехдневной войны в апреле 2016 г. Баку пытался подменить его устной договоренностью начальников трех генштабов, достигнутой в Москве. Тогда пришлось и сопредседателям от США и Франции публично признать его.

К созданию посольства России в Гватемале

Как посол России в Коста-Рике (1996–1999) был я аккредитован и в Гватемале по совместительству. Посещал я ее не так часто, а это самое крупное из 5 государств Центральной Америки. Гватемала была их старшей сестрой. Дипотношения с СССР имела номинально с 1944 г., но, открыв в 1992 г. посольство в Москве, ожидала взаимности.

Из-за финансовых бед России я готов был действовать необычно — перевести из Коста-Рики в Гватемалу одного из старших дипломатов нашего посольства и хоть символически держать там наш флаг — прообраз диппредставительства. Поделился идеей с главой Латиноамериканского департамента (ЛАД) Василием Петровичем Громовым, но не ему же решать совсем нестандартную затею. При визите Евгения Максимовича Примакова попытался уговорить его, но он возражал: «Ну, нет посольств из одного человека — нужен целый штат: бухгалтер, коменданты и т. д.». Пришлось сказать потом Громову, что не смог убедить министра.

После обсуждения на коллегии МИД РФ итогов поездки министра в Латинскую Америку звонит мне Громов: «Ну и влетело мне там из-за тебя!». Примаков спросил его, что сделано по предложению посла в Коста-Рике отрядить одного дипломата в Гватемалу? ЛАД ничего и не делал, помня тот его настрой. Почему же он сменил свой подход? То ли додумал плюсы и минусы этой идеи, то ли учел итоги встреч в Сан-Хосе с министрами всех стран ЦА? Вскоре Черномырдин подписал распоряжение, а мы направили в Гватемалу первого секретаря А. Н. Хохоликова (он уже бывал там со мной не раз). Послали туда микроавтобус с вещами и неплохой автомобиль (чтоб годился и к приездам посла). Автобус вскоре вернулся. Жена и дети ждут, пока Хохоликов там обоснуется. 26 июня 1998 г. МИД Гватемалы аккредитовал его в качестве временного поверенного в делах РФ. Вроде бы все идет нормально. Но приключения продолжались.

Дней через 10 МИД Гватемалы звонит мне и сообщает, что Хохоликов был похищен тремя вооруженными бандитами, однако, к счастью, уже свободен — с ним все в порядке. Выяснилось, что он оформил аренду ранее подобранного дома и на добротном автомобиле заехал заказать мебель. Вдруг в магазин врываются три молодчика в масках с пистолетами, кладут продавщицу на пол и, отняв ключи, выводят Хохоликова и сажают в автомобиль рядом с севшим за руль. Двое других тычут сзади пистолетами, велят молчать. Шарят по карманам, роняют его визитки. А он как раз просит собрать их (они ж им не нужны). Слово за слово внушает им, что выкупа за него не будет — он тут один и власти о его пропаже узнают очень нескоро.

Поколесив по окраинам минут 40, выпускают его в глухом месте и якобы через 2–3 квартала бросят его автомобиль. Но главное — наш человек не пострадал больше. Он звонит в МИД Гватемалы и просит тех информировать меня. Завершись все это иначе, влетело бы мне за дерзкую идею оставить единственного дипломата в той опасной стране! Может, пожурили бы и Евгения Максимовича за то, что поддержал меня.

С тех пор еще три наших дипломата работали там в одиночку, но в 2007 г. было наконец открыто посольство России в Гватемале. В 2008 г. туда назначен первый посол-резидент Н. М. Владимир. В ноябре 2017 г. нашим послом там стал как раз Александр Николаевич Хохоликов. В 2020 г. его перевели послом в Никарагуа, а также по совместительству послом в Гондурасе и Сальвадоре.

А. С. ЗАЙЦЕВ
Чрезвычайный
и Полномочный Посол

Родился в 1939 г. в Белоруссии. Окончил Институт восточных языков при Московском Государственном Университете имени М. В. Ломоносова, аспирантуру Института востоковедения Академии наук. Кандидат экономических наук.

Работал в Аппарате советника по экономическим вопросам при Посольстве СССР в Демократической Республике Вьетнам и младшим научным сотрудником в Институте народов Азии Академии наук.

На дипломатической работе с 1966 г. Занимал ответственные посты в центральном аппарате МИД и его загранучреждениях, в том числе являлся Послом СССР/России в Народной Республике Конго, директором ряда территориальных подразделений, Послом России в Республике Исландия.

Отмечен государственными наградами.

Автор научной монографии, книг и статей.

В НОВУЮ ЗЕЛАНДИЮ «С ЧЕРНОГО ХОДА»

С одной из моих зарубежных поездок связан запомнившийся мне эпизод, о котором не писали наши газеты, но не упустила случая посмаковать новозеландская пресса.

Случилось это 30 мая 1979 г., когда по завершении официального визита в Австралию нашей парламентской делегации во главе с и. о. председателя Президиума Верховного Совета СССР, председателем Верховного Совета Грузинской ССР П. Г. Гиладзе (в ее состав был включен и я как советник делегации) мы вылетели из Сиднея в последний пункт нашей поездки — Новую Зеландию.

По пути в г. Веллингтон вспоминались эпизоды полной впечатлений недельной поездки по Австралии. Мы входили в залы, где проходили заседания Сената и Палаты представителей парламента, в большом напряжении, предупрежденные о том, что при первом же неодобрительном возгласе депутатов после объявления Председателя Сената и Спикера палаты представителей о прибытии советской парламентской делегации мы должны будем тут же удалиться. Вспомнились небольшая и уютная столичная Канберра с озером, в центре которого бил фонтан, точь-в-точь как на Женевском Лемане, затем поездка в Мельбурн, перелет в г. Хобарт на остров Тасмания с его нескончаемыми яблочными плантациями и цветочным медом с ним с чем не сравнимым стойким ароматом, который еще долго в Москве напоминал мне об этой поездке. И, конечно, Сидней с посещением балетного

спектакля в знаменитом Sydney Opera House и известного рыбного ресторана Doyles после прогулки на катере и экскурсии в акулнарий.

В аэропорту Веллингтона делегацию встретили наш посол и сотрудник аппарата парламента, которые проводили нас в комнату для почетных гостей.

Пока занимались нашими паспортами и багажом, посол предложил срочно обсудить «один важный вопрос». У входа в здание аэропорта, сообщил он, когда мы все сели за стол, встретить делегацию собралась группа эмигрантов с лозунгами и транспарантами в защиту советских диссидентов. Наша встреча с ними при выходе из здания аэропорта в присутствии фоторепортеров, продолжал он, непременно получит огласку в местных СМИ, что крайне для нас нежелательно и испортит визит. Я уже продумал, заключил посол, как избежать такой встречи. Можно использовать запасной выход. Я переговорил на этот счет со служащими аэропорта, отвечающими за его охрану и безопасность, которые гарантировали скрытность такого маневра в обход прессы. «Вы согласны, Павел Георгиевич?», — обратился посол к главе делегации. «Какие есть мнения у членов делегации?», — спросил в свою очередь глава делегации, который, как я заметил еще по австралийскому этапу нашей поездки, усвоил и неизменно применял в затруднительных для себя случаях одну и ту же испытанную формулу — «послу виднее».

При полном молчании членов делегации, я взял слово и решительно возразил. Сказал, что присутствие группы пикетчиков на площади у здания аэропорта не считаю основанием для предлагаемого маневра, сомневаюсь насчет обещания охраны аэропорта «вывести из игры прессу» и добавил еще что-то в том же духе. Посол не согласился с моими доводами. Завязалась перепалка, конец которой положил глава делегации, в очередной раз прибегнув к спасительной формуле. «Поступим так, как предложил посол. Послу виднее».

Нас провели через длинный коридор аэропорта и служебные посещения к одному из выходов. Когда мы с ручной кладью в руках вышли из здания, уже стемнело. Запасным выходом, о котором говорил посол, оказались две лестницы, приставленные с обеих сторон к высокой металлической ограде, за которой виднелось летное поле.

Первым по лестнице начал подниматься глава делегации, за ним посол. Когда они достигли вершины забора и готовились переступить на лестницу с противоположной стороны, нас внезапно осветили вспышки фоторепортеров. Остальные члены делегации поспешили, преодолев вслед за ними забор, сесть в ожидавшие нас автомашины.

Обогнув здание аэропорта, мы выехали на привокзальную площадь сбоку от главного входа. В метрах тридцати от него за находящимся в центре площади цветочным газоном можно было разглядеть небольшую группу людей, численностью не более десяти. Держа в руках плакат с требованием освободить советских диссидентов, они молча наблюдали за главным выходом из здания аэропорта.

Утром, проснувшись, я сразу бросился к утренним газетам под дверь гостиничного номера. Так и есть! Сбылись мои наихудшие предположения. На первой полосе самой главной и читаемой ежедневной новозеландской газеты «Herald» над крупным снимком взбирающегося по лестнице главы советской парламентской делегации в развевающемся плаще и с портфелем в руках был помещен жирный заголовок: «В Новую Зеландию с черного хода».

Этот эпизод в аэропорту, получивший огласку в новозеландской прессе, конечно же, не стал желанной визитной карточкой парламентской делегации СССР. С ее визитом, первым столь высокого уровня по парламентской линии, связывались немалые надежды на улучшение наших отношений с Новой Зеландией, переживавших затяжной период застоя и еще не преодолевших полностью негативных

последствий острого кризиса, который в разгар холодной войны привел на многие годы к разрыву дипломатических отношений.

Вместе с тем, несмотря на оказавшееся таким образом «смазанным» начало визита, благодаря усилиям с обеих сторон он все-таки прошел по намеченной программе. Визит в итоге завершился полезными результатами.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

*Сборник
воспоминаний ветеранов
дипломатической службы России*

Составитель и главный редактор — А. Г. Чернов
Редактор-консультант — Ю. А. Спирин
Редколлегия — В. И. Морозов, А. О. Семёнов

Литературный редактор — Е. В. Степанов
Компьютерная верстка, макет — И. А. Ракитина
Корректоры — О. Ю. Ефимова, Ф. Г. Мальцев

Формат 60x84/16
Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 750 экз.
Сдано в набор 03.06.2021
Подписано в печать 28.06.2021

Издательство «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (495) 978 62 75

Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6.